

СТИВЕН КИНГ

ТЕМНАЯ
БАШНЯ

Темная Башня

Annotation

Наступают последние дни странствия Роланда Дискейна и его друзей.

Темная Башня — все ближе...

Но теперь последним из стрелков угрожает новая опасность.

Дитя-демон Мордред, которому силы Тьмы предрекли жребий убийцы Роланда, вырос — и готов выполнить свою миссию.

Все сущее служит Лучу?

Все сущее служит Алому Королю?

Ответ на этот вопрос — в последней книге легендарного сериала «Темная Башня»!

Стивен Кинг

Темная Башня

*Кто говорит, не слушая — нем.
А потому, Постоянный Читатель, эта последняя книга цикла
«Темная башня» посвящается вам.
Долгих дней и приятных ночей.*

*Как, не видать?! Ее укрыла ночь?
Не верю! День уж занялся и сгинул,
Закат лучи последние низринул
На горы и холмы, и сумрак хлынул
Мне в очи, что узрели беспорочь:
«Конец творенья — миру не помочь!»*

*Как, не слышать?! Но воздух полнит звук,
Он нарастает, как набат над битвой,
Он полнит звоном, громом все вокруг,
И имена товарищей забытых,
Что шли со мной, мне называет вдруг.
О, храбрецы! Потеряны, убиты!^[1]*

Роберт Браунинг

«Чайльд-Роланд дошел до Темной Башни»

*Я рожден был
С «кольтом» в руке,
С ним и в землю уйду,
В пепел и прах.*

«Бэд компани»^[2]

*Кем я стал?
Мой милейший друг
Кого я знаю
Все уходят в конце
Ты можешь всем владеть
Моей империей грязи
Я подведу тебя
Я причиню тебе боль*

Часть 1

Маленький Алый Король

Дан-тете

Преподобный Дон Каллагэн когда-то был католическим священником в городке Салемс-Лот, более не отмеченном ни на одной карте. Его это особо не волновало. Такие понятия, как реальность, потеряли для него привычное всем значение.

И теперь бывший священник держал в руке языческий амулет, черепашку, вырезанную из слоновой кости.

Со сколом на носу и царапиной, похожей на вопросительный знак, на панцире, но все равно прекрасную.

Прекрасную и *могущественную*. Он чувствовал идущие от нее энергетические импульсы.

— Какая прелесть, — выдохнул он, обращаясь к стоящему рядом мальчику. — Это Черепаха Матурин? Она, не так ли?

Мальчика звали Джейк Чеймберз, и ему пришлось пройти долгий путь, чтобы вернуться практически в исходную точку, сюда, на Манхэттен.

— Не знаю, — ответил он, — она называет ее skoldpadda^[4], и черепашка, возможно, нам поможет, но ей не убить охотников, которые ждут нас там, — и мотнул головой в сторону «Дикси-Пиг», гадая, подразумевал ли Сюзанну или Миа, когда использовал местоимение *она*. Раньше сказал бы, что это не имеет никакого значения, очень уж тесно переплелись обе эти женщины. Теперь полагал, что разница есть, или скоро проявится.

— Ты будешь? — спросил Джейк отца Каллагэна, сведя в два слова вопросы: «Ты будешь стоять насмерть? Сражаться? Убивать?»

— Да, — спокойно ответил тот, убрал черепашку, вырезанную из слоновой кости, с мудрыми глазами и поцарапанным панцирем, в нагрудный карман, где лежали запасные патроны к пистолету, заткнутому за пояс. Похлопал по карману, чтобы убедиться, что изящная вещица попала в положенное ей место. — Я буду стрелять, пока не закончатся патроны, а если они закончатся до того, как меня убьют, буду дубасить их... рукояткой пистолета.

Запинку, очень короткую, Джейк и не заметил. Но, пока отец Каллагэн молчал, с ним говорила Белизна. Сила, знакомая ему с давних пор, возможно, с детства, пусть были в его жизни несколько лет, когда вера дала слабину, когда понимание этой первородной силы ушло в тень, а потом исчезло вовсе. Но те дни канули в Лету, Белизна вновь пребывала с ним, и он говорил Господу: «Спасибо Тебе».

Джейк кивал, что-то отвечая, что именно, Каллагэн не разобрал. Впрочем, сказанное Джейком он мог пропустить мимо ушей. В отличие от слов, произнесенных другим голосом, голосом чего-то

(Гана)

слишком великого, чтобы называть его Богом.

Мальчик должен пройти, — сказал ему голос. — Что бы тут ни случилось, какой бы оборот ни приняли события, мальчик должен идти дальше. Твоя роль в этой истории

практически завершена. Его — нет.

Они миновали хромированный стенд с надписью ЗАКРЫТО НА ЧАСТНУЮ ВЕЧЕРИНКУ. Ыш, ближайший друг Джейка, трусил между ними, подняв голову, демонстрируя зубастую улыбку. У самых дверей Джейк сунул руку в плетеную сумку, которую Сюзанна-Мио прихватила из Кальи Брин Стерджис, и достал две тарелки — рисы. Стукнул друг о друга, кивнул, услышав глухой звук, повернулся к отцу Каллагэну:

— Давай поглядим, что есть у тебя.

Каллагэн выгащил «ругер», который проделал с Джейком весь долгий путь, начавшийся в Калья Нью-Йорк, и теперь вернулся в этот город; жизнь — колесо, и мы все говорим: «Спасибо Тебе». Вскинул его, как дуэлянт, стволом к правой щеке. Коснулся нагрудного кармана, оттопыренного, с патронами и черепашкой.

Джейк кивнул.

— Как только войдем, остаемся рядом. Всегда рядом. Ыш — между нами. Входим на счет «три». И начав, не останавливаемся. Ни на мгновение.

— Ни на мгновение.

— Точно. Ты готов?

— Да. И пребудет любовь Божия с тобой, мальчик.

— И с тобой тоже, отец. Раз... два... три.

Джейк открыл дверь, и они вошли в сумрачный свет и сладкий, дразнящий запах жарящегося мяса.

2

Джейк шел навстречу смерти, в этом он несколько не сомневался, помня две истины, которыми с ним поделился Роланд Дискейн, его настоящий отец. Одна: «Пятиминутные битвы рождают легенды, живущие тысячелетия». Вторая: «Тебе нет нужды умирать счастливым, когда придет твой день, но ты должен умереть со спокойной совестью, зная, что прожил жизнь от начала и до конца, и всегда служил ка».

Джейк взирал на обеденный зал «Дикси-Пиг» со спокойной совестью.

3

И с кристальной ясностью. Его восприятие окружающего мира до того обострилось, что он ощущал запах не только жарящегося мяса, но и розмарина, который в него втерли; слышал не только свое спокойное дыхание, но и шепот крови, поднимающейся по шее к мозгу, а потом сбегаящей к сердцу.

Он также помнил слова Роланда о том, что даже самая короткая битва, от первого выстрела до падения последнего тела, кажется долгой для ее участников. Время обретает эластичность; растягиваясь, истончается до полного исчезновения. Джейк тогда кивал, будто ему все ясно, хотя не очень-то понимал, о чем речь.

Теперь понял.

Первой мелькнула мысль: их много... слишком, чересчур много. По первым прикидкам — под сотню, в большинстве те, кого отец Каллагэн называл «низшими людьми» (речь шла

не только о мужчинах, но и женщинах, принципиального отличия Джейк тут не видел). Среди них встречались другие, статью пожиже, некоторые совсем худые, как клинки рапир, с землистым цветом лица, окруженные тусклой синей аурой, не иначе, вампиры.

Ыш держался рядом с Джейком, маленькая лисья мордочка напряглась, он тихонько поскуливал.

Пахло, конечно, жарящимся мясом, но не свининой.

«В любой момент, пока будет такая возможность, между нами должно быть десять футов, отец», — так наставлял его Джейк на тротуаре у «Дикси-Пиг», поэтому, когда они приближались к стойке метрдотеля, Каллагэн сдвинулся вправо на положенное расстояние.

Джейк также велел ему кричать во весь голос, как можно громче и дольше, и Каллагэн уже открыл рот, чтобы выполнить и этот приказ, когда вновь услышал голос Белизны, который произнес одно только слово, но больше и не требовалось.

Skoldpadda.

Каллагэн по-прежнему держал «ругер» у правой щеки. Теперь его левая рука нырнула в нагрудный карман. И хотя взгляду преподобного не доставало той предельной четкости, с какой воспринимал происходящее его юный спутник, Каллагэн тоже видел предостаточно: оранжево-алые электрические факелы по стенам, свечи на каждом столе в ярко-оранжевых, цвета хэллоуинских тыкв, стеклянных сосудах, накрахмаленные салфетки, поблескивающие в неровном мерцающем свете. Левую стену обеденного зала украшал гобелен: рыцари и их дамы пировали за длинным столом. А царящая в зале атмосфера свидетельствовала о том, что гости «Дикси-Пиг» (Каллагэн, конечно, не мог знать истинной причины, не мог сказать, какие именно факторы привели их в такое состояние) приходили в себя после некоего волнительного события, скажем, маленького пожара на кухне или автомобильной аварии на улице.

Или рождения ребенка, — подумал Каллагэн, когда его пальцы сомкнулись на черепашке. — *Самое оно, чтобы заполнить паузу между закуской и основным блюдом.*

— А вот идут ка-маи Гилеада! — прокричал взволнованный, нервный голос. Не человеческий, Каллагэн в этом, можно сказать, не сомневался. Слишком уж скрипучий, чтобы быть человеческим. И в дальнем конце комнаты разглядел чудище, эдакого гибрида птицы и человека, в прямых джинсах и простой белой рубашке, над воротником которой торчала голова в темно-желтых перышках. А блестящие глазки напоминали капли расплавленного гудрона.

— Взять их! — приказала эта отвратительно-нелепая тварь и отбросила салфетку. Под ней оказалось оружие. По предположению Каллагэна, из арсенала армий будущего, вроде того, что можно увидеть в сериях «Стар трека». Как оно называлось? Фазер? Станнер?

Какая разница. Эти игрушки не шли ни в какое сравнение с оружием Каллагэна, и ему хотелось, чтобы все увидели, что он может противопоставить птицетвари. Вот он и смахнул с ближайшего стола приборы, тарелки, сосуд со свечой, жестом фокусника сдернул скатерть. Не доставало только в столь критический момент зацепиться ногой за полотно и упасть. А затем с легкостью — неделей раньше не поверил бы, что такое возможно, — вскочил сначала на стул, потом на стол. И тут же вскинул над головой руку с черепашкой, держа ее за

нижнюю, плоскую часть панциря, чтобы все присутствующие могли хорошенько ее разглядеть.

Пожалуй, я мог бы им еще и спеть, — подумал он. — *Может, «Лунный свет тебе к лицу» или «Я оставил сердце в Сан-Франциско»*^[5].

С того момента, как они переступили порог «Дикси-Пиг», прошло ровно тридцать четыре секунды.

5

Учителя средней школы, часто общающиеся с большими группами учеников в классах или на собраниях, скажут вам, что от подростков, даже если они только-только из душа и одеты во все чистое, так и разит гормонами, которые активно вырабатывают их тела. Аналогичный запах идет и от любой группы людей, пребывающих в состоянии нервного напряжения, и Джейк, со своей обострившейся до предела восприимчивостью, его уловил. Когда они проходили мимо стойки метрдотеля (Центральной вымогательской по терминологии отца Джейка), запах этот, идущий от гостей «Дикси-Пиг», едва чувствовался, то есть пик напряженности для них миновал, и выброс гормонов сходил на нет. Но едва птицетварь подала голос из своего угла, сидевшие за столиками «заблагоухали» этой вонью. В ней чувствовался металлический привкус, прямо-таки как у крови, и этого хватило, чтобы Джейк подобрался, изготавившись к бою. Да, он видел, что Птичка Твити^[6] сбросил салфетку со стола. Да, заметил спрятанное под ней оружие. Да, понял, что стоящий на столе Каллагэн представлял собой легкую мишень. Но вышперечисленное тревожило Джейка куда меньше, чем мобилизующая сила рта Птички Твити. Джейк уже отводил назад правую руку, чтобы бросить первую из девятнадцати тарелок и ампутировать голову вместе со ртом, когда Каллагэн поднял черепашку.

Не сработает, здесь не сработает, — подумал Джейк, но даже до того, как успел полностью сформулировать свою мысль, ему стало ясно: черепашка действует и на эту компанию. Он знал это по идущему от них запаху, который быстро очищался от агрессивности. И те, кто успел подняться из-за столов, «низшие люди» с запыхавшимися алым дырами во лбу, вампиры, с разгорающимися синими аурами, вновь сели на стулья — чего там, плюхнулись, словно внезапно потеряли контроль над мышцами.

— Взять их, это те, о ком Сейр... — Твити смолк. Его левая рука — возможно, у кого-то и повернулся бы язык назвать таковой отвратительную птичью лапу с когтями — коснулась рукоятки оружия будущего и упала, повисла, как плеть. Глаза разом потускнели. — Это те, кого Сейр... С-с-сейр... — Вновь пауза. А потом вопрос: — О, сэй, эта прекрасная вещь, которую вы держите в руке, что это?

— Ты знаешь, что это, — ответил Каллагэн. Джейк не останавливался, и Каллагэн, помня, что сказал ему на подходе к «Дикси-Пиг» юный стрелок («Постарайся, чтобы всякий раз, посмотрев направо, я видел твое лицо»), спрыгнул со стола, чтобы оставаться вровень с мальчиком, по-прежнему держа черепашку над головой. Он буквально ощущал тишину, повисшую в обеденном зале, но...

Был и *другой* зал. Оттуда доносились грубый смех и хриплые выкрики: там гости продолжали веселиться, совсем рядом, слева от них, за гобеленом, на котором пировали рыцари со своими дамами. *Что-то там происходит, —* подумал Каллагэн. — *И уж точно*

не вечер покера у «Лосей»^[7].

Он слышал тихое, учащенное дыхание Ыша, вырывающееся сквозь его вечную улыбку. Идеальный маленький двигатель, вот что напомнили Каллагэну эти звуки. На них накладывались другие — резкие постукивания и щелчки, идущие снизу. Они заставили Каллагэна стиснуть зубы, его прошиб холодный пот. Что-то пряталось под столами.

Ыш увидел приближающихся насекомых и застыл, как охотничья собака, подняв одну лапу, вытянув вперед морду. В эти мгновения двигалась только темная бархатистая кожа над верхней губой, оттягивалась назад, обнажая острые как бритва зубы, расслаблялась, и губа скрывала их, снова оттягивалась.

Жуки наступали. Кем бы они ни были, Черепаха Матурин, которую отец Каллагэн держал высоко над головой, ничего для них не значила. Толстяк в смокинге с лацканами из шотландки заговорил, повернувшись к птицетвари, чуть ли не с вопросительными интонациями:

— Они не должны пройти дальше этого зала, Маймен, и не должны покинуть его. Нам велено...

Ыш прыгнул вперед, рычание рвалось сквозь сжатые зубы. Такого за Ышем не водилось, Каллагэну это рычание напомнило речевую вставку в комиксах: «Ар-р-р-р!»

— Нет! — в тревоге крикнул Джейк. — Нет, Ыш.

Голос мальчика резко оборвал смех и крики за гобеленом, словно гуляющая там компания вдруг поняла, что в обеденном зале происходят какие-то перемены.

Ыш не обратил ни малейшего внимания на команду Джейка. Его зубы одного за другим ухватывали жуков, и в повисшей тишине раздавался хруст хитинового панциря. Ыш разгрыз троих, не пытаясь их съесть, отбрасывая в сторону трупы, каждый размером с мышь, резко мотая головой и разжимая в улыбке челюсти.

Оставшиеся жуки ретировались под столы.

Он же создан для этого, — подумал Каллагэн. — Возможно, когда-то, давным-давно, именно в этом и состояло предназначение ушастиков-путаников. Точно так же, как одну из разновидностей терьеров вывели...

Мысли эти оборвал хриплый крик, донесшийся из-за гобелена.

— Челы! — Один голос. И тут же — второй: — Ка-челы!

У Каллагэна вдруг возникло абсурдное желание гаркнуть в ответ: «Gesundheit^[8]».

Но прежде чем он успел крикнуть или сделать что-то еще, голову заполнил голос Роланда.

— Джейк, иди.

Мальчик в недоумении повернулся к отцу Каллагэну. Он и так шел, скрестив руки, готовый метнуть рису в первого же сдвинувшегося с места «низшего» мужчину или женщину. Ыш успел вернуться к нему и теперь крутил головой из стороны в сторону, его глаза ярко сверкали надеждой на новую добычу.

— Мы пойдем вместе, — ответил Джейк. — Они выведены из игры, отец! И мы уже близко! Ее провели через... эту комнату... а потом через кухню...

Каллагэн не отреагировал. Все так же держа черепашку высоко над головой, как фонарь

в пещере, он повернулся к гобелену. Тишина за ним вызывала куда больший ужас, чем крики и неудержимый, захлебывающийся хохот. Тишина эта казалась заостренным копьём, направленным прямо в сердце. И мальчик остановился.

— Иди, пока можешь. — Каллагэн старался сохранять спокойствие. — Найди ее, если получится. Это приказ твоего дяди. Такова и воля Белизны.

— Но ты не сможешь...

— *Иди, Джейк!*

«Низшие» мужчины и женщины, собравшиеся в «Дикси-Пиг», пусть и замороженные черепашкой, зашептались при этом крике, и основания на то у них были, потому что говорил Каллагэн не своим голосом.

— *У тебя только один шанс, и ты должен его использовать! Найди ее! Как твой дядя приказываю тебе!*

Глаза Джейка широко раскрылись — никак он не мог ожидать услышать голос Роланда, срывающийся с губ Каллагэна. От изумления у него отвисла челюсть. Он огляделся, ничего не понимая.

За секунду до того, как гобелен на левой от них стене рывком отбросили в сторону, Каллагэн уловил черный юмор его создателей, который мог бы упустить менее внимательный зритель: главным блюдом пира было поджаренное человеческое тело, а не тушка теленка или оленя; рыцари и их дамы ели человеческое мясо и пили человеческую кровь. На гобелене изобразили людоедское причастие.

А потом древние, которые ужинали своей компанией, отбросили богохульный гобелен и вывалились в обеденный зал, крича сквозь клыки, торчащие из их навеки раскрытых деформированных ртов. Их глаза были черны, как слепота, лбы, щеки, даже тыльные стороны ладоней бугрились торчащими во все стороны зубами. Как и вампиров в обеденном зале, каждого из них окружала аура, только ядовито-фиолетовая, чуть ли не черная. Похожая на гной жижа сочилась из уголков глаз и рта. Они что-то бормотали себе под нос, некоторые смеялись, казалось, эти звуки они не исторгали из себя, а выхватывали из воздуха, как какую-то живность.

И Каллагэн знал, кто они. Конечно же, знал. Разве не отправил его в долгое путешествие один из им подобных? Он видел перед собой истинных вампиров, первого рода, присутствие которых хранилось в тайне, пока не пришла пора натравить их на незваных гостей.

Черепашка не могла ни остановить их, ни даже замедлить.

Каллагэн видел, как Джейк тарашится на них, его глаза, в которых застыл ужас, едва не вылезли из орбит, от одного вида этих выродков он позабыл обо всем на свете.

Не зная, какие слова вырвутся из его рта, пока не услышал их, Каллагэн закричал:

— Они убьют Ыша первым! Убьют у тебя на глазах, а потом выпьют его кровь!

Ыш гавкнул, услышав свое имя. Взгляд Джейка прояснился, но у Каллагэна не осталось времени, чтобы и дальше проследивать судьбу мальчика.

Черепаха не может их остановить, но по крайней мере она держит под контролем остальных. Пули не остановят их, но...

С ощущением deja-vu — и почему нет, однажды он все это пережил в доме мальчика, которого звали Марк Петри^[9], — Каллагэн сунул руку за пазуху и достал висевший на цепочке крест. Он ударился о рукоятку «ругера» и повис ниже, излучая яркий синевато-белый свет. Две древние твари намеревались схватить Каллагэна и швырнуть в толпу себе подобных, но, как только появился крест, попятнулись, крича от боли. Каллагэн увидел, как

кожа у них пошла пузырями, которые тут же начали мокнуть, и его охватила прямо-таки дикая радость.

— Прочь от меня! — вскричал он. — Божья власть повелевает вам! Власть Христова повелевает вам! Ка Срединного мира повелевает вам! *Власть Белизны повелевает вам!*

Один из них тем не менее рванулся вперед — деформированный скелет в древней, побитой молью обеденной паре. У него на шее болтался какой-то старинный орден... возможно, Мальтийский крест? Одной рукой, с длинными ногтями, попытался схватить крест, который Каллагэн выставил перед собой. В последний момент отдернул руку, и вампирская клешня разминулась с крестом разве что на дюйм. Каллагэн же, не раздумывая, подался вперед и вогнал верхний торец креста в желто-пергаментный лоб вампира. Золотой крест вошел в него, как раскаленный вертел — в масло. Тварь в обеденной паре вскрикнула от боли и подалась назад. Каллагэн отдернул крест. На мгновение, до того как древний монстр поднял костлявые руки ко лбу, Каллагэн увидел рану, оставленную крестом. А потом сквозь пальцы поползла желтая творожистая масса, колени вампира подогнулись, он рухнул на пол между двумя столиками. Лицо его, прикрытое подергивающимися руками, уже проваливалось внутрь. Аура исчезла, как пламя задумтой свечи, и скоро от него осталась лишь лужа желтой, разжижавшейся плоти, которая вытекла из рукавов и брючин.

Каллагэн шагнул к остальным. Страх исчез. Тень стыда, окутывавшего его с того самого момента, как Барлоу отнял у него и разломал крест, развеялась.

Наконец-то свободен, — подумал он. — *Наконец-то свободен. Великий Боже, я наконец-то свободен.* — А потом пришла новая мысль: — *Я верю, вот оно, искупление грехов. И это хорошо, не так ли? Очень даже хорошо.*

— Отб'ось его! — прокричал один из них, прикрывая лицо руками. — Это же жалкая поб'якушка овечьего Бога, отб'ось ее, если посмеешь!

Жалкая побрякушка овечьего Бога, говоришь? Тогда чего тебя так корежит?

С Барлоу он не решился ответить на этот вызов и был за это жестоко наказан. Здесь, в «Дикси-Пиг», Каллагэн протянул крест к тому, кто подал голос.

— Мне нет нужды испытывать свою веру, встречаясь с такой тварью, как ты, сэй. — Его слова разнеслись по всему обеденному залу. Он практически загнал древних в арку, из которой они высыпали. На лицах и руках тех, кто стоял впереди, появились огромные черные вздутия, разъедающие древний пергамент их кожи, как кислота. — И я никогда, ни при каких обстоятельствах, не выброшу такого давнего друга. Но убрать? Почему нет, хоть сейчас. — И крест нырнул под рубашку.

Несколько вампиров тут же прыгнули на него, раззявленные клыками пасти кривились, словно в ухмылке. Каллагэн выставил руки перед собой. Пальцы (и ствол «ругера») светились, словно их окунули в синий огонь. Сверкали глаза черепахи. Сиял и ее панцирь.

— Прочь от меня! — воскликнул Каллагэн. — Божья власть и Белизна повелевают вам!

Когда жуткий шаман повернулся к Праотцам, Маймен, тахин, почувствовал, что чары этой ужасной, этой восхитительной Черепахи чуть ослабели. Он увидел, что мальчишка ушел, и, конечно же, встревожился. Впрочем, мальчишка мог лишь пройти чуть дальше и по-прежнему находиться в «Дикси-Пиг», что не предвещало беды. А вот если он нашел дверь в

Федик и воспользовался ею, тогда Маймена ждали серьезные неприятности. Ибо Сейр отчитывался только Уолтеру о'Диму, а Уолтер — лишь самому Алому Королю.

Не важно. Не надо валить все в кучу. Сначала нужно разобраться с шаманом. Натравить на него Праотцов. Потом искать мальчишку, возможно, подманить его, крича, что он нужен его другу... да, это могло сработать...

Маймен (Человек-Кенарь для Миа, Птичка Твити для Джейка) двинулся вперед, схватил Эндрю, толстяка в смокинге с лацканами из шотландки, одной рукой и еще более толстую подругу Эндрю — другой. Указал на Каллагэна, стоящего к ним спиной.

Тирана яростно замотала головой. Маймен раскрыл клюв, что-то прошипел. Она отпрянула от тахина. Маска Тираны уже познакомилась с пальчиками Детты Уокер и теперь висела ключьями на челюсти и на шее. А во лбу пульсировала красная рана, сжималась и разжималась, словно жабры умирающей рыбы.

Маймен повернулся к Эндрю, отпустил его на несколько мгновений, чтобы вновь указать когтистой лапой, которая служила ему рукой, на шамана, а потом красноречивым жестом провести по заросшей перьями шее. Эндрю кивнул, оторвал от себя пухлые ручищи жены, когда она попыталась его остановить. Человеческую маску сработали настолько хорошо, что она передала эмоции этого «низшего» мужчины: он собирался с духом. А собравшись, со сдавленным криком прыгнул вперед, обхватил шею Каллагэна не кистями, а толстыми предплечьями. Не отстала от Эндрю и его подруга, крича что есть мочи, вышибла из руки Каллагэна черепашку из слоновой кости. Skoldpadda ударилась о красный ковер, отскочила под один из столиков и с того момента (как бумажный кораблик, некоторые наверняка помнят, о чем я) навсегда покинула эту историю.

Праотцы по-прежнему держались от Каллагэна подальше, как и вампиры третьего рода, обедавшие в зале, но «низшие» мужчины и женщины почувствовали слабость противника и надвинулись на него — сначала осторожно, потом со все большей решимостью. Окружили Каллагэна и, после коротко колебания, навалились на него, беря числом.

— Отпустите меня во имя Господа! — воскликнул Каллагэн, но, разумеется, только сотряс воздух. В отличие от вампиров существа с красным глазом во лбу не реагировали на каллагэнова Бога. Ему лишь оставалось надеяться, что Джейк не остановится и уж тем более не вернется. Что он и Ыш как ветер полетят к Сюзанне. Спасут ее, если смогут. Умрут с ней, если нет. И убьют ее ребенка, если позволят обстоятельства. Пусть Господь его простит, но в этом он допустил ошибку. Им следовало избавиться от ребенка в Калье, когда у них был такой шанс.

Что-то глубоко вонзилось в шею. Теперь вампиров не сможет остановить даже крест, понял Каллагэн. Почувяв запах крови, они набросятся на него, как стая акул. *Помоги мне, Господи,* — подумал он, — *дай мне силу,* — и ощутил, как сила вливается в него. Перекатился налево, чувствуя, как когти рвут ему рубашку. На мгновение освободилась правая рука, сжимающая «ругер». И Каллагэн направил пистолет на трясущееся, потное, перекошенное ненавистью лицо толстяка по имени Эндрю, приставил ствол «ругера» (в далеком прошлом купленного для защиты дома отцом Джейка, параноиком-телепродюсером, в немалой степени потерявшим связь с реальностью) к красному, мягкому глазу в центре лба «низшего» мужчины.

— Не-ет, ты не посмеешь! — вскричала Тирана, потянувшись к пистолету. Верх платья лопнул, из него вывалились массивные груди, покрытые жесткой шерстью.

Каллагэн нажал на спусковой крючок. В обеденном зале выстрел прозвучал подобно

грому. Голова Эндрю разлетелась, как тыква, наполненная кровью, окатив красным дождем тех, кто находился позади. Раздались крики ужаса и изумления. Каллагэн успел подумать: *Вы ведь такого не ожидали, не так ли?* Мелькнула и другая мысль: *Надеюсь, этого достаточно для вступления в клуб? Теперь я — стрелок?*

Возможно, нет. Но был еще человек-птица, стоявший прямо перед ним между двух столов, клюв раскрывался и закрывался, в горле клокотало от волнения.

Улыбаясь, приподнявшись на локте, не обращая внимания на кровь, хлещущую из раны на шее, Каллагэн нацелил «ругер» Джейка.

— *Нет!* — вскричал Маймен, закрывая лицо руками-лапами, словно они могли защитить от пули. — *Нет, ты НЕ МОЖЕШЬ...*

Очень даже могу, — с детским ликованием подумал Каллагэн и выстрелил вновь. Маймен отступил на два шага, потом еще на один. Задел столик и упал на него. Три желтых перышка, зависшие было над ним, лениво спланировали на пол.

Каллагэн уже слышал жуткие завывания, не злости или страха — голода. Запах крови наконец-то проник в потерявшие былую чувствительность ноздри, и теперь Праотцы рвались к угощению. А потому, если он не хотел составить им компанию...

И отец Каллагэн, когда-то преподобный Каллагэн из Салемс-Лот, повернул ствол «ругера» к себе. Не стал терять время на поиск вечности в темноте ствольного канала, приставил дуло к шее под подбородком.

— Хайл, Роланд! — воскликнул он, зная,
(*волна их подняла волна*)
что его слышат. — Хайл, стрелок!

Палец его застыл на спусковом крючке, когда древние монстры набросились на него. Его захлестнула вонь их холодного, бескровного дыхания, но не испугала. Никогда раньше он не чувствовал в себе такую силу. Из прожитых лет самыми счастливыми для себя он полагал годы бродяжничества, когда был не священником, а Каллагэном-с-Дорог. И чувствовал, что скоро сможет вернуться к той жизни, странствовать, сколько пожелает душа, поскольку сделал все, что должен, и его это радовало.

— *Найди свою Башню, Роланд, проникни в нее и взойди на вершину!*

Зубы его давних врагов, древних братьев и сестер твари, которая называла себя Курт Барлоу, вонзились в него, как жала. Каллагэн этого не почувствовал. Улыбаясь, он нажал на спусковой крючок и ушел от них навсегда.

На проселочной дороге, которая вела от дома писателя к Бриджтону, Эдди и Роланд наткнулись на оранжевый пикап с надписью «Эксплуатационная служба Энергетической компании центрального Мэна» на бортах. Рядом мужчина в желтой каске и ярко-оранжевом, заметном издали жилете срезал ветки деревьев, которые могли лечь на провода. Именно тогда Эдди что-то почувствовал? Что-то, набирающее силу? Может, предвестник волны, движущейся к ним по Лучу? Потом он подумал, что да, вроде бы почувствовал, но полной уверенности у него не было. Видит Бог, ему хватало других переживаний, и не без причины. Скольким людям удавалось повидаться со своим создателем? Ну... Да, Стивен Кинг еще не создал Эдди Дина, молодого человека из Кооп-Сити, расположенного в Бруклине, а не в Бронксе, не создал в 1977 году, но Эдди не сомневался, что со временем Кинг вплетет его в историю. А как иначе он мог здесь появиться?

Эдди остановил «форд» перед пикапом, вылез из кабины, спросил потного мужчину с ножовкой в руках, как им попасть на Тэтлбек-лейн, что в Лоувелле. Парень из «Энергетической компании» все подробно ему объяснил, затем добавил:

— Если вы хотите добраться до Лоувелла сегодня, вам лучше воспользоваться шоссе № 93. Болотной дорогой, как ее здесь называют.

Он поднял руку и покачал головой, как бы показывая Эдди, что спорить тут нечего, хотя тот, задав один-единственный вопрос, более не произнес ни слова.

— Она на семь миль длиннее, я знаю, и вся в рытвинах, но через Ист-Стоунэм вы сегодня не проедете. Копы его блокировали. Дорожная полиция, местные полицейские, управление шерифа округа Оксфорд.

— Вы шутите? — ответил Эдди. Вроде бы такая реакция не могла вызвать подозрений.

Электрик покачал головой.

— Никто не знает, что там произошло, но была стрельба, возможно, из автоматического оружия, и взрывы. — Он похлопал по обшарпанной рации, висевшей на поясе. — После полудня я дважды слышал слово на букву «т». И меня это не удивляет.

Эдди понятия не имел, о каком слове на букву «т» идет речь, но знал, что задержка действует Роланду на нервы. Он чувствовал нетерпение стрелка, буквально видел его характерный жест, означающий: «Поехали, поехали».

— Я говорю о терроризме, — продолжил электрик, тут же понизив голос. — У людей и в мыслях нет, что такое может случиться в Америке, дружище, но у меня есть для вас новости — *может*. Если не сегодня, то рано или поздно. Кто-нибудь попытается взорвать статую Свободы или Эмпайр-стейт-билдинг, вот что я думаю... правые, леваки, эти чертовы арабы. Слишком много в мире психов.

Эдди, который знал, что случилось в последующие десять лет, согласно кивнул.

— Вы скорее всего правы. В любом случае спасибо за подсказку.

— Просто пытаюсь сэкономить вам время, — пожал плечами электрик, а когда Эдди открывал дверцу «форда» Каллема, добавил: — Вы попали в переделку, мистер? Выглядите

неважно. И хромаете.

Эдди действительно попал в переделку: получил сквозное ранение в руку и пулю в ногу. Ничего несовместимого с жизнью, поэтому за чередой более важных событий он об этом просто забыл. Теперь вдруг раны разболелись. И он пожалел о том, что отказался от пузырька с таблетками перкосета, предложенного Эроном Дипно.

— Да, поэтому я и еду в Лоувелл. Соседский пес меня покусал. Насчет этого я еще с соседом поговорю. — Малоубедительная, конечно, история, но ничего другого в голову не пришло. Он же не писатель. Сочинять истории — это к Кингу. Впрочем, и такой хватило, чтобы он успел скользнуть за руль «форда-гэлакси», прежде чем электрик задал новые вопросы. Эдди решил, что последний раунд он отработал удачно, и быстро тронул «форд» с места.

— Узнал, как нам ехать? — спросил Роланд.

— Да.

— Хорошо. Одно наваливается на другое, Эдди. Мы должны как можно быстрее добраться до Сюзанны. Помочь, если сможем, Джейку и Каллагэну. И ребенок вот-вот родится, уж не знаю какой. Может, уже родился.

«Поверните направо, когда вернетесь на Канзас-роуд», — сказал электрик Эдди (Канзас, как в истории о Дороти, Тото и тетушке Эм, где одно наваливалось на другое), и он повернул. Теперь они ехали на север. Солнце ушло за деревья слева от них, так что двухполосное шоссе укутывала тень. Эдди буквально чувствовал, как время скользит между пальцев, будто невероятно дорогая ткань, слишком гладкая, чтобы ее ухватить. Он надавил на педаль газа, и старый «форд» Каллема, фырча мотором, прибавил хода. Эдди разогнался до 55 миль в час. Мог бы еще добавить, но не стал: Канзас-роуд изобиловала поворотами, а вот ровностью покрытия похвастаться не могла.

Роланд достал из нагрудного кармана лист блокнота, развернул его и теперь внимательно изучал (хотя Эдди и сомневался, что стрелок может прочитать документ: большинство слов этого мира оставались для него загадкой). В верхней части листа, над текстом Эрона Дипно — рука его чуть дрожала, но писал он четко и разборчиво — и наиважнейшей подписью Келвина Тауэра, улыбался смешной бобер и тянулась надпись: **ВАЖНЫЕ ДЕЛА НА СЕГОДНЯ**. Прямо-таки издевка.

Не задавай мне дурацких вопросов, в дурацкие игры я не играю, — подумал Эдди и внезапно улыбнулся. Этой самой точки зрения придерживался Роланд, Эдди в этом не сомневался, несмотря на более чем очевидный факт, что их жизнь, когда они ехали на Блейне Моно, спасли несколько вовремя заданных дурацких вопросов. Эдди уже открыл рот, чтобы поделиться своими мыслями, сказать, до чего же это хорошо, что самый важный документ в истории мира, более важный, чем Magna Carta^[10], Декларация независимости или теория относительности Альберта Эйнштейна, начинается со смешного бобра и тривиальной фразы. Но прежде чем успел произнести хоть слово, накатила волна.

Его нога соскользнула с педали газа, и хорошо, что соскользнула. Если б осталась на педали, он и Роланд обязательно получили бы серьезные травмы, может, даже погибли. Когда накатила волна, на шкале приоритетов Эдди Дина управлению «фордом» Джона Каллема

просто не нашлось места. Ощущения были такие, как в вагончике американских горок, когда он достигает первой вершины, на мгновение замирает... наклоняется... *падает*... и ты падаешь, а горячий летний воздух бьет тебе в лицо, давит на грудь, а желудок плавает где-то позади тебя.

В это самое мгновение Эдди увидел, как все, что находилось в салоне автомобиля Каллема, потеряло вес, поднялось и зависло в воздухе: трубочный пепел, две ручки и блокнот с приборного щитка, старший Эдди, и, как до него тут же дошло, он сам — камей его старшего, старина Эдди Дин. Так что не приходилось удивляться, что он и его желудок выбрали разные траектории движения! Он не знал, что и сам автомобиль, который успел остановиться у обочины, также парит в воздухе, лениво покачиваясь вверх-вниз, в пяти или шести дюймах над землей, как лодочка в невидимом море.

А потом дорога с деревьями по обе ее стороны исчезла. Бриджтон исчез. Мир исчез. Послышалось звяканье колокольцев Прыжка — отвратительное, тошнотворное, вызвавшее желание заскрипеть зубами... да только зубы тоже исчезли.

3

Одновременно с Эдди Роланд ясно почувствовал, как его сначала *подняли*, а потом *подвесили*, словно некий предмет, внезапно ставший неподвластным земному притяжению. Он услышал колокольца и ощутил, что его тащит сквозь стену существования, но понимал, что это не настоящий Прыжок, во всяком случае, не тот, в которые ему доводилось уходить. Происходящее с ним очень напоминало явление, которое Ванни называл *авен кэл*, что означало «поднятый ветром и несущийся на волне». Только термин *кэл* в отличие от более привычного *кэс* указывал на природный катаклизм: не ветер, а ураган, не волна, а цунами.

Сам Луч желает пообщаться с тобой, Говорун, — слышался в голове голос Ванни. Это саркастическое прозвище он, сын Стивена Дискейна, получил от учителя за то, что очень уж редко раскрывал рот. Хромоногий, умнейший наставник Роланда, перестал его так называть (возможно, по настоянию Корта), когда мальчику исполнилось одиннадцать лет. — *Если он заговорит, тебе лучше слушать*.

Я буду слушать, и слушать хорошо, — ответил Роланд, и его тут же бросили. Но он никуда не упал, застыл, невесомый, с подкатывающей к горлу тошнотой.

Снова колокольца. А потом внезапно он снова поплыл, на этот раз над просторным помещением, заставленным пустыми кроватями. Одного взгляда хватило, чтобы понять: это то самое место, куда Волки привозили детей, похищенных из городков Пограничья. А в дальнем конце комнаты...

Чьи-то пальцы обхватили его руку. Роланд и представить себе не мог, что такое возможно, учитывая состояние, в котором он оказался. Повернул голову налево и увидел Эдди, который составлял ему компанию, абсолютно голый. Как, впрочем, и он сам. Вся одежда осталась в мире писателя.

Эдди указывал на то, что Роланд уже успел увидеть. В дальнем конце комнаты стояли две придвинутые друг к другу кровати. На одной лежала белая женщина. С широко разведенными ногами, теми самыми — Роланд в этом не сомневался — на которых Сюзанна вышагивала по Нью-Йорку во время Прыжка. Другая женщина, с головой крысы, одна из тахинов, как понял Роланд, наклонилась между ног.

Рядом с белой женщиной на соседней кровати лежала темнокожая, ноги которой заканчивались чуть ниже колен. Гольный или нет, с подкатывающей к горлу тошнотой или без оной, Роланд никогда в жизни так не радовался, как в тот момент, когда увидел эту женщину. И Эдди испытывал то же самое. Его крик радости раздался в голове у Роланда, и стрелок поднял руку, показывая Эдди, что тот должен замолчать. Замолчать и сдерживать эмоции, потому что Сюзанна смотрела на них, более того, определенно их видела, и если бы заговорила, он не хотел пропустить ни единого ее слова. Потому что, пусть эти слова и слетели бы с ее губ, их источником был бы Луч. И заговорила бы Сюзанна голосом Медведя или Черепахи.

Обе женщины лежали с металлическими колпаками на головах. Колпаки соединялись гофрированной стальной трубкой.

Какое-то устройство для слияния разумов, — вновь заполнил его голову голос Эдди. — *А может...*

Замолчи! — оборвал его Роланд. — *Замолчи, Эдди, ради своего отца!*

Мужчина в белом халате схватил с подноса устрашающего вида щипцы, оттолкнул крысоголовую медсестру-тахина. Наклонился, всматриваясь между ног Миа, держа щипцы над головой. Рядом, в футболке со словами из мира Сюзанны и Эдди, стоял другой тахин, с головой злобной коричневой птицы.

Он почувствует наше присутствие, — подумал Роланд. — *Если задержимся, почувствует и поднимет тревогу.*

Но Сюзанна смотрела на него из-под железного колпака, ее глаза лихорадочно блестели, и по взгляду чувствовалось, что она их *видит*. «Ага, ты говоришь правильно».

Она произнесла единственное слово, и тут же необъяснимая, но заслуживающая доверия интуиция подсказала Роланду, что слово это идет не от Сюзанны, а от Миа. И при этом в слове слышался голос Луча — силы, достаточно тонко все чувствующей, чтобы оценить нависшую угрозу и попытаться защититься от нее.

Чеззет, — произнесла Сюзанна. Оно прозвучало в его голове, потому что они были катетом и ан-тетом. Но он также увидел, как шевельнулись ее губы, пусть с них и не сорвалось ни единого звука, когда она посмотрела в то место, где сейчас плавали они, наблюдая за тем, что происходило в этот самый момент в каком-то другом *где и когда*, другом пространственно-временном континууме.

Ястребоголовый тахин тоже посмотрел вверх, возможно, следуя за ее взглядом, возможно, уловив обостренным слухом звяканье колокольцев. А потом врач опустил щипцы и сунул их под сорочку Миа. Она закричала. Вместе с ней закричала и Сюзанна. И этот общий крик воздействовал на невесомое тело Роланда точно так же, как воздействует порыв октябрьского ветра на опустевшую коробочку ваточника. Подхватил и понес. Роланд почувствовал, как он быстро поднимается, теряя связь с тем местом, где только что был, но крепко держась за одно-единственное услышанное слово. Слово это вызвало из памяти образ матери, наклонившейся над ним, лежащим в постели. Происходило это в комнате, раскрашенной в яркие цвета, и, разумеется, цвета эти он воспринимал, как маленький мальчик, воспринимал, как дети, только что выросшие из ползунков, воспринимают окружающий мир: с наивным изумлением, в полной уверенности, что все это — *магия*.

Окна в спальне были из витражного стекла, разумеется, всех цветов колдовской радуги. Он помнил: когда мать наклонялась к нему, ее лицо переливалось разными цветами, капюшон она откидывала, так что он мог проследить изгиб ее шеи взглядом ребенка

(это все магия)

и душой любовника; он помнил свои мысли о том, как будет ухаживать за ней и уведет от отца, если она согласится отдать ему предпочтение; как они поженятся, у них родятся свои дети, и они будут жить вечно в этом сказочном королевстве, которое называлось Вечный Свет, как Габриэль Дискейн будет петь своему маленькому мальчику с большими глазами, которые очень серьезно смотрели на нее с подушки (а на его лице уже лежал отсвет жизни странника), петь глупую детскую песенку с таким вот куплетом:

Попрыгунчик, милый крошка,
Ягоды клади в лукошко.
Чаззет, чиззет, чеззет,
Все в лукошко влезет.^[11]

Все в лукошко влезет, — думал он, когда летел, невесомый, сквозь темноту и ужасное звяканье колокольцев Прыжка. Слова третьей строки были не бессмыслицей — числами. Она как-то сказала ему, когда он спросил. *Чаззет, чиззет, чеззет* — семнадцать, восемнадцать, девятнадцать.

Чеззет — это девятнадцать. Естественно, все у нас девятнадцать. А потом он и Эдди вновь вылетели в свет, болезненно-оранжевый свет, и нашли там и Джейка, и Каллагэна. Роланд увидел даже Ыша, у левой ноги Джейка, ошетилившегося, с оскаленными зубами.

Чаззет, чиззет, чеззет, — думал Роланд, глядя на своего сына, совсем еще маленького мальчика, которому противостояло великое множество врагов в обеденном зале «Дикси-Пиг». — *Чеззет — это девятнадцать. Все в лукошко влезет. Но в какое лукошко? И что это должно означать?*

На Канзас-роуд в Бриджтоне двенадцатилетний «форд» Джона Каллема (на спидометре сто шесть тысяч миль, а машина только входит во вкус дороги, любил говорить Каллем людям) покачивался, словно на волнах, над обочиной. Передние колеса касались земли, потом поднимались, чтобы пообщаться с ней могли задние колеса. В салоне двое мужчин, не просто в бессознательном состоянии, но еще и ставшие *прозрачными*, лениво покачивались вместе с автомобилем, словно два трупа в затопленной лодке. А вокруг них плавал всякий хлам, скапливающийся в старом автомобиле, на котором постоянно ездят. Пепел, ручки, скрепки, крошки и монетки с заднего сиденья, сосновые иголки с ковриков на полу и даже один коврик. В темноте бардачка его содержимое билось о стенки и закрытую дверцу. Если б кто проезжал мимо, его поразило бы это зрелище: плавающий в воздухе мусор и люди (Люди! Возможно, мертвые!), которые, если уж на то пошло, ничем от этого мусора не отличались. Но никто не проехал. Те, кто жил на этой стороне Длинного озера, в основном смотрели на другой его берег, где находился Ист-Стоунэм, хотя смотреть-то уже было не на что. Дым, и тот практически развеялся.

Автомобиль лениво колыхался, а в нем Роланд из Гилеада всплывал к потолку, где его шея касалась грязной обивки, при этом ноги, следуя за их обладателем, отрывались от

переднего сиденья. Эдди поначалу оставался на месте, его удерживал руль, но потом боковая качка привела к тому, что он выскользнул из-под руля и тоже начал подниматься и опускаться, с расслабившимся и мечтательным лицом. Серебряная ниточка слюны вытекла из уголка его рта, оторвалась от кожи и поплыла, сверкающая, полная миниатюрных пузырьков, мимо щеки с запекшейся на ней кровью.

5

Роланд знал, что Сюзанна видела его, возможно, видела и Эдди. Вот почему она приложила столько усилий, чтобы произнести единственное слово. Джейк и Каллагэн, однако, их не увидели. Мальчик и преподобный отец вошли в «Дикси-Пиг», продемонстрировав то ли отчаянную храбрость, то ли запредельную глупость, и теперь полностью сосредоточились на тех, кто их там поджидал.

Глупо они поступили или нет, но Роланд очень гордился Джейком. Он видел, что мальчик определился с кандой между собой и Каллагэном: расстоянием (для каждого случая своим), которое гарантировало, что пара стрелков, противостоящая куда более многочисленному противнику, не будет убита одним выстрелом. Оба вошли в «Дикси-Пиг», готовые к бою. Каллагэн держал в одной руке пистолет Джейка, а в другой что-то еще... вроде бы какую-то резную вещицу. Роланд не сомневался, что это кан-тах, один из маленьких богов. У мальчика были рисы Сюзанны, две — в руках, остальные — в ее плетеной сумке. Где он их взял, знали только боги.

Стрелок увидел толстуху, чье сходство с человеком заканчивалось шеей. Над тремя дряблыми подбородками болтались клочья человеческой маски. Глядя на видневшуюся из-под маски крысиную голову, Роланд внезапно многое понял. Что-то могло дойти до него и раньше, но, как мальчика и отца Каллагэна в этот самый момент, его занимали совсем другие проблемы.

К примеру, «низшие люди» Каллагэна. Они могли быть тахинами, существами не из Прима или естественного мира, но из каких-то других мест, расположенных между ними. Они определенно не имели отношения к тем, кого Роланд называл медленными мутантами, потому что последние появились в результате бездумных войн и катастрофических экспериментов. Нет, они могли быть истинными тахинами, известными, как третий народ, или кан-тои. Да, конечно, Роланду следовало знать об этом. И сколько тахинов служили существу, имя которого — Алый Король? Несколько? Много?

Все?

Если правильным был третий ответ, тогда, предположил Роланд, дорога к Башне действительно будет трудной. Но стрелок не отличался привычкой заглядывать за горизонт, и в данном случае недостаток воображения следовало расценивать как плюс, а не минус.

6

Он увидел то, что требовалось увидеть. Кан-тои, «низшие люди» Каллагэна, окружали Джейка и преподобного отца со всех сторон (эти двое даже не видели парочку «низших» мужчин, которые охраняли двери на Шестьдесят первую улицу и теперь оказались позади),

но Каллагэн зачаровал их резной вещицей, которую держал в руке, и они замерли. Точно так Джейк зачаровывал людей ключом, найденным на пустыре. Желтый тахин, с телом человека и головой waseau^[12], держал под рукой какое-то оружие, но не пытался его использовать.

Но существовала еще одна опасность, и наметанный глаз Роланда, искушенного во всякого рода стычках и засадах, тут же ее заметил. Он увидел на стене гобелен с кощунственной пародией на «Последнюю вечерю в Эльде» и понял, что это означает, за несколько секунд до того, как гобелен отбросили в сторону. И запах: пахло не просто жареным мясом, а жареной человечиной. Это тоже следовало понять раньше, и он бы понял, будь у него время подумать... да только жизнь в Калье Брин Стерджис не оставляла времени для раздумий. В Калье, как в какой-то книге, одно постоянно наваливалось на другое.

Но теперь-то все стало ясно, не так ли? «Низшие люди» могли быть тахинами; великанами-людоедами детских фантазий, если угодно. Но гобелен скрывал тех, кого Каллагэн называл вампирами первого рода, а Роланд знал, как Праотцов, возможно, самых страшных и могущественных существ, которые сумели выжить после стародавнего отступления Прима. И если тахины могли стоять, таращась на сигул, который поднял над головой Каллагэн, то Праотцы не удостоили бы его и взгляда.

А тут еще и жуки полезли из-под столов. С ними Роланду уже доводилось сталкиваться, и если у него еще оставались сомнения насчет того, кто мог находиться за гобеленом, то при виде жуков они отпали. Паразиты, кровососы, прилипалы: блохи Праотцов. Возможно, не опасные, ушастик-путаник мог легко с ними расправиться, но присутствие маленьких докторов, да еще в таком количестве, однозначно указывало на то, что Праотцы где-то рядом.

И когда Ёш атаковал жуков, Роланд, не находя других вариантов, спикировал на Каллагэна.

В разум Каллагэна.

7

Отец, я здесь.

Да, Роланд. Что...

Нет времени. ОТОШЛИ ЕГО ОТСЮДА. Ты должен. Отошли, пока есть время.

8

И Каллагэн попытался. Мальчик, конечно, не хотел уходить. Глядя на него глазами Каллагэна, Роланд с горечью думал: «Мне следовало лучше познакомить его с предательством. Но, видят боги, я сделал все, что мог».

— Иди, пока можешь. — Каллагэн старался сохранять спокойствие. — Найди ее, если получится. Это приказ твоего дина. Такова и воля Белизны.

Этого должно было хватить, чтобы Джейк сдвинулся с места, но не хватило. Он все еще спорил, боги, да, в этом мальчик был ничем не лучше Эдди, и Роланд более не смог ждать.

Отец, позволь мне.

И перехватил контроль над телом, не дожидаясь ответа. Он уже почувствовал, что волна, *авен кэл*, начала спадать. И Праотцы могли появиться в любую секунду.

— *Иди, Джейк!* — прокричал Роланд, используя рот и голосовые связки отца Каллагэна, как громкоговоритель. Если б он задумался, как такое возможно, то, конечно же, не нашел бы ответа, но он старался не думать о непонятном, поэтому почувствовал облегчение, увидев широко раскрывшиеся глаза мальчика. — *У тебя только один шанс, и ты должен его использовать! Найди ее! Как твой дин я приказываю тебе!*

А потом, как в больничной палате, где лежала Сюзанна, Роланд вновь ощутил, что его тащит вверх, как что-то невесомое выдуло его из тела и разума Каллагэна, словно клочок паутины или «парашют» с семечком распушенной головки одуванчика. Какие-то мгновения он пытался вернуться обратно, как пловец пытается преодолеть сильное течение, чтобы добраться до берега, но куда там.

Роланд! — В его голове зазвучал наполненный ужасом голос Эдди. — *Господи Иисусе, Роланд, кто они такие?*

Гобелен отнесло в сторону. И в обеденный зал полезли существа, древние и уродливые, со страшными мордами, утыканными торчащими во все стороны зубами, со ртами, навечно раззявленными клыками, каждый из которых толщиной не уступал запястью Роланда, их морщинистые, в щетине подбородки блестели кровью, на них повисли кусочки мяса.

И мальчик... боги, о боги... мальчик оставался в обеденном зале.

Они убьют Ёша первым! — закричал Каллагэн, да только Роланд сомневался, что кричал именно бывший священник. Подумал, что кричал Эдди, воспользовавшись голосом Каллагэна точно так же, как и Роланд. Каким-то образом Эдди удалось найти не столь сильный восходящий поток, или у него осталось больше сил. И сил этих хватило, чтобы попасть в разум Каллагэна после того, как Роланда выдернуло оттуда. — *Убьют у тебя на глазах, потом выпьют его кровь!*

Вот это подействовало. Мальчик развернулся и побежал, вместе с Ёшем, который не отставал ни на шаг. Пробежал перед клювом птицы-тахина, проскочил между двух «низших людей», но никто не попытался его остановить. Зачарованные, они по-прежнему смотрели на Черепаху в поднятой руке Каллагэна.

Праотцы не обратили на убегающего мальчишку ни малейшего внимания. Роланд не сомневался, что так и будет. Каллагэн рассказал им свою историю, и Роланд знал, что один из Праотцов в свое время появился в маленьком городке Салемс-Лот, где Каллагэн был приходским священником. Ему удалось выжить, что случалось крайне редко с теми, кто в противостоянии с Праотцами лишался оружия или символов власти, но тварь заставила Каллагэна выпить своей отравленной крови, прежде чем отпустила. И тем самым пометила бывшего священника.

Каллагэн протягивал им навстречу свой крест-символ, но, прежде чем Роланд успел увидеть что-то еще, его швырнуло в темноту. Опять зазвучали колокольца, сводящие с ума ужасным звяканьем. Откуда-то доносился едва слышный крик Эдди. Роланд попытался нащупать его в темноте, коснулся предплечья, выпустил, нашел руку, ухватил. Они переворачивались и переворачивались, держась друг за друга, прилагая все силы к тому, чтобы не разлучиться, надеясь не потеряться в лишенной дверей темноте между мирами.

Эдди вернулся в автомобиль Джона Каллема в состоянии, в каком подростком приходил в себя после кошмарного сна: в смятении, тяжело дыша от страха, совершенно дезориентированный, не понимающий, кто он, не говоря уж о том, где находится.

Ему потребовалась секунда, чтобы осознать, что он и Роланд парят в воздухе, крепко обнимая друг друга, словно еще не рожденные близнецы в чреве матери, только чрева никакого не было. Перед его глазами плавали ручка и скрепка для бумаги. А также желтая пластиковая коробочка, в которой он узнал футляр для бобины с восьмидорожечной магнитной лентой. *Не трать попусту время, Джон,* — подумал Эдди. — *Тупиковый вариант. Эту технику скоро спишут в утиль.*

Что-то царапало ему шею. Потолочный фонарь кабины старенького «гэлакси» Джона Каллема? Господи, а он-то думал, что без крыльев...

И тут гравитация взяла свое, и они рухнули вниз вместе со всем, что плавало вокруг. Напольный коврик, дрейфовавший по кабине «форда», упал на рулевое колесо. Эдди грудью приземлился на спинку переднего сиденья, да так, что воздух с шумом вырвался из легких. Роланд — рядом с ним, на больное бедро. Вскрикнул от боли и начал перелезать на переднее сиденье.

Эдди хотел что-то сказать, открыл рот, но тут в его голове раздался голос Каллагэна: *Хайл, Роланд! Хайл, стрелок!*

Сколько же энергии пришлось затратить бывшему священнику, чтобы голос его долетел до другого мира? А звуковым фоном, едва различимым, но слышным, служили звериные, торжествующие крики. Не слова — завывания.

Широко раскрытые, изумленные глаза Эдди встретились с блекло-синими глазами Роланда. Он схватил левую руку стрелка, подумав: *Он уходит. Великий Боже, я думаю, отец уходит.*

Найди свою Башню, Роланд...

— ...и взойди на вершину, — выдохнул Эдди.

Они вновь находились в автомобиле Джона Каллема, припаркованном, пусть и криво, на обочине Канзас-роуд, в тени деревьев, в предвечерний час летнего дня, но Эдди по-прежнему видел перед собой оранжевый дьявольский свет ресторана, не ресторана вовсе, а людоедского логова. Мысль о том, что такие места существовали, что люди ходили мимо их тайного убежища каждый день, не зная, что творится внутри, не чувствуя жадных глаз, которые, возможно, уже наметили кого-то из них в качестве очередной жертвы...

А потом, не успев продолжить мысль, Эдди вскрикнул от боли, когда воображаемые зубы вонзились в шею, щеки, бока, губы обожгло, как крапивой, мошонку сжало. И продолжал кричать, отмахиваясь свободной рукой, пока Роланд не схватил ее и не опустил.

— Прекрати, Эдди. Прекрати. Их нет. — Пауза. Связь оборвалась, боль исчезла. Роланд, конечно, был прав. В отличие от отца Каллагэна им удалось выбраться из «Дикси-Пиг». Эдди увидел, что глаза Роланда блестят от слез. — Он *тоже ушел*. Отец.

— Вампиры? Ты понимаешь, людоеды? Они... они?... — Эдди не смог закончить фразу. Не смог заставить себя спросить вслух: «Неужто отец Каллагэн стал одним из них?»

— Нет, Эдди. Вовсе нет. Он... — Роланд достал из кобуры револьвер. Сталь поблескивала в предвечернем свете. Ткнул ствол под подбородок, выразительно посмотрел на Эдди.

— Он от них ушел, — договорил Эдди.

— Ага, и как же они на него обозлились.

Эдди кивнул, внезапно почувствовав, что совершенно вымотался. И раны вновь разболелись. Нет, запульсировали от боли.

— Хорошо, — кивнул он. — А теперь убери эту штуковину куда положено, а то и сам застрелишься. — Когда Роланд вернул револьвер в кобуру, добавил: — Что с нами произошло? Мы уходили в Прыжок или было еще одно лучетрясение?

— Думаю, в какой-то мере и первое, и второе, — ответил Роланд. — Есть такое явление, называется *авен кэл*. Что-то вроде приливной волны, которая бежит вдоль Тропы Луча. Нас она и подняла.

— И позволила увидеть то, что мы хотели увидеть.

Роланд поначалу задумался, потом решительно покачал головой:

— Мы увидели то, что хотел показать нам *Луч*. Место, куда хочет нас направить.

— Роланд, ты изучал все это мальчишкой? Этот старичок Ванни читал тебе лекции... ну не знаю, о строении Лучей и Колдовской радуги?

Роланд улыбался.

— Да, полагаю, нас учили и тому, и другому на уроках истории и сумма логикалес^[13].

— Логика-что? — переспросил Эдди.

Роланд не ответил. Он смотрел в окно автомобиля Каллема, все еще пытаюсь прийти в себя, как в прямом, так и в переносном смысле. Труда это не составляло, особенно здесь; эта часть Бриджтона очень уж напоминала ближайшие окрестности одного пустыря на Манхэттене. Потому что и здесь был генератор. Не сэй Кинг, как поначалу думал Роланд, а потенциал сэй Кинга... то, что он сможет создать, будь у него достаточно времени и места. А может, Кинг тоже несся на *авен кэл*, может, создал волну, которая его и подняла?

«Человек не сможет вытащить себя за свои же стремяна, как бы ни старался», — учил Корт Роланда, Катберта, Алана и Джейми, когда они только-только научились ходить. Говорил он уверенно-радостным голосом, который, однако, становился все строже по мере того, как последние его ученики выросли, приближаясь к испытанию, доказывающему их право зваться мужчинами. Но, возможно, насчет стремян Корт ошибался. Возможно, при определенных обстоятельствах человек мог вытащить себя за свои же стремяна. Или родить вселенную из своего пупа, как вроде бы удалось Гану. А чем Кинг, пишущий истории, не создатель? Если уж на то пошло, творение — сделать что-то из ничего. Это тебе и увидеть мир в песчинке, и вытащить себя за свои же стремяна.

Но что это он делает? Сидит, погружившись в философские размышления, когда два члена его ка-тета неизвестно где.

— Трогай эту повозку с места. — Роланд пытался игнорировать звучащее в голове приятное гудение, то ли голос Луча, то ли голос Гана-Творца, он не знал. — Поедем в этот Лоувелл, на Тэтлбек-лейн, и посмотрим, не сможем ли попасть туда, где находится Сюзанна.

И не одна Сюзанна. Если Джейку удалось убежать от этих монстров в «Дикси-Пиг», он наверняка попытается добраться до той палаты, где они ее видели. В этом Роланд несколько

не сомневался.

Эдди взялся за рукоятку коробки передач (волна пришла и ушла, а двигатель старенького «форда-гэлакси» Каллема продолжал работать, как ни в чем не бывало)... и убрал руку. Повернулся к Роланду, мрачно посмотрел на него.

— Что гнетет тебя, Эдди? Что бы это ни было, выкладывай побыстрее. Роды идут... может, ребенок уже родился. И тогда она станет лишней.

— Я знаю, — кивнул Эдди. — Но мы не можем ехать в Лоувелл. — Он поморщился, словно слова эти причинили ему физическую боль. Роланд решил, что так оно и было. — *Пока не можем.*

2

Они какое-то мгновение посидели, вслушиваясь в гудение Луча, в котором иногда проскальзывали чьи-то веселые голоса. Смотрели на сгущающиеся тени деревьев, в которых мелькали миллионы лиц и историй. О, ты можешь сказать, ненайденная дверь, ты можешь сказать, о, потерянная.

В глубине души Эдди ожидал, что Роланд сейчас закричит на него, может, и ударит, как поступал старый учитель стрелка, Корт, когда его ученики что-то делали медленно или неправильно. Эдди этого даже хотел. Хороший удар в челюсть — Шардик подтвердил бы — мог прочистить мозги.

Да только путаница в голове — не беда, и ты это знаешь, — подумал он. — *У тебя в голове больше порядка, чем у него. В противном случае ты бы давно покинул этот мир и направился на поиски жены.*

Наконец Роланд заговорил.

— Что теперь? Это? — Он наклонился и поднял сложенный лист бумаги, исписанный убористым почерком Эрона Дипно. Роланд посмотрел на листок, потом бросил на колени Эдди, недовольно поморщившись.

— Ты знаешь, как сильно я ее люблю, — устало прошептал Эдди. — Ты знаешь.

Роланд кивнул, но не повернулся к нему. Продолжал смотреть на свои разбитые пыльные сапоги и грязный пол у переднего пассажирского сиденья. Эти опущенные глаза, этот взгляд, который не обращался к нему, а ведь для него Роланд из Гилеада практически превратился в живого бога, чуть не разбили Эдди Дину сердце. Тем не менее он не отступился. Если раньше они и могли допускать ошибки, то теперь лишились такой возможности. Потому что игра подходила к концу.

— Я бы поспешил к ней прямо сейчас, если б думал, что это правильный шаг. В эту самую секунду, Роланд! Но мы *должны* закончить наши дела в этом мире. Потому что этот мир — однонаправленный. Покинув сегодня, 9 июля 1977 года, мы уже никогда не сможем вернуться сюда. Мы...

— Эдди, об этом уже был разговор. — Стрелок по-прежнему не смотрел на него.

— Да, но ты это *понимаешь*? Можно выстрелить только раз, бросить только одну рису. Вот почему мы и приехали в Бриджтон! Видит Бог, мне захотелось поехать на Тэтлбек-лейн, как только Джон Каллем рассказал нам об этом уникальном месте, но я подумал, что нам нужно повидаться с писателем и поговорить с ним. И я оказался прав, не так ли? — В голосе слышалась мольба. — Ты с этим согласен?

Роланд наконец-то посмотрел на Эдди, чем безмерно его обрадовал: ему и так тяжело, очень тяжело, а тут еще упершийся в пол взгляд его старшего.

— И возможно, наша задержка не будет иметь особого значения. Если мы сконцентрируемся на этих двух женщинах, лежащих на соседних кроватях, Роланд... если мы сконцентрируемся на Сюзи и Миа, *какими видели их в последний раз...* тогда, возможно, мы попадем в их мир аккурат в тот самый момент. Не так ли?

После долгой-долгой паузы, в течение которой Эдди боялся даже дышать, стрелок кивнул. Такого могло и не случиться, если б на Тэтлбек-лейн они нашли, как говорил Роланд, «дверь древних», потому что такие двери были «привязанными», то есть всегда открывались в одно и то же место. Но если бы где-то на Тэтлбек-лейн в Лоувелле стояла *магическая* дверь, оставшаяся после отхода Прима, тогда да, они могли бы попасть куда пожелали. Но с такими дверьми тоже все ой как непросто. Они убедились в этом в Пещере голосов, когда в Нью-Йорк дверь вместо Роланда и Эдди отправила Джейка и Каллагэна, тем самым порушив все их планы в Девятнадцатиландии.

— Что еще мы должны сделать? — Злости в голосе Роланда Эдди не услышал, только усталость и неуверенность.

— Точно не скажу, но могу гарантировать, что придется попотеть.

Эдди взял купчую и посмотрел на нее так же мрачно, как Гамлет взирал на череп бедного Йорика. Потом повернулся к Роланду:

— Благодаря этой бумажке мы стали владельцами пустыря, на котором растет роза. Теперь нам нужно передать этот листок Мозесу Карверу из «Холмс дентал индастриз». А где нам его найти? Мы не знаем.

— Если уж на то пошло, Эдди, мы даже не знаем, жив ли он.

Эдди расхохотался:

— Ты говоришь правильно, я говорю, спасибо тебе! Почему бы мне не развернуть автомобиль, Роланд? Вернемся в дом Стивена Кинга. Мы сможем занять у него двадцать или тридцать баксов, потому что, братец, не знаю, заметил ты это или нет, но на двоих у нас нет ни цента. А что более важно, мы можем попросить его специально для нас ввести в историю крутого частного детектива, который будет выглядеть, как Богарт, и крушить челюсти, как Клинт Иствуд. Пусть он и *найдет* нам этого Карвера! — Он покачал головой, словно пытался прочистить ее. В ушах звучало мягкое гудение голосов — прекрасное противоядие от отвратительного звяканья колокольцев. — Я хочу сказать, моя жена в другом мире, на волосок от смерти. Может, ее уже жрут заживо вампиры или вампировы жуки, а я вот сижу на деревенской дороге, рядом с парнем, основное занятие которого убивать людей, и пытаюсь понять, что же нужно сделать, чтобы основать эту гребаную *корпорацию!*

— Остынь. — Смирившись с тем, что им придется немного задержаться в этом мире, Роланд заметно успокоился. — Скажи мне, что, по-твоему, нам необходимо предпринять, прежде чем мы сможем навсегда стряхнуть с наших каблуков пыль этого где и когда.

Вот Эдди и сказал.

Многое Роланд слышал и раньше, но не осознавал в полной мере, в каком сложном они положении. Им принадлежал пустырь на Второй авеню, все так, но их право собственности

подтверждалось одним листком, который в любом суде выглядел бы крайне неубедительно, учитывая, что оспаривать его законность будут высококлассные юристы, нанятые «Сомбра корпорейшн».

Эдди хотел переправить этот документ Мозесу Карверу, сообщив также и о том, что его крестная дочь, Одетта Холмс, пропавшая тринадцатью годами раньше лета 1977 г., больше всего на свете хочет, чтобы Карвер взял под свою опеку не только означенный пустырь, но и растущую на нем розу.

Мозеса Карвера — если он, конечно, жив — следовало убедить, и убедить исключительно словами, что жизненно необходимо включить так называемую «Тет корпорейшн» в «Холмс индастриз» (или наоборот). Убедить в большем! В том, что он должен посвятить остаток жизни (почему-то Эдди думал, что Карвер в том же возрасте, что и Эрон Дипно) созданию корпорации-гиганта с единственной целью: при каждом удобном и неудобном случае вставлять палки в колеса двум другим корпоративным гигантам: «Сомбре» и «Северному центру позитроники». Придушить их, если удастся, не дать превратиться в монстра, который оставит разрушительный след в умирающем Среднем мире и нанесет смертельную рану самой Темной Башне.

— Может, нам следовало оставить купчую у сэя Дипно, — предположил Роланд после того, как Эдди выговорился. — По крайней мере он смог бы найти этого Карвера, встретиться с ним и рассказать нашу историю.

— Нет, мы поступили правильно, забрав листок. — Как раз в этом Эдди ни капельки не сомневался. — Если б он остался у Эрона Дипно, то сейчас ветер уже разносил бы оставшийся от него пепел.

— Ты думаешь, Тауэр пожалел бы о том, что согласился на сделку и уговорил своего друга уничтожить купчую?

— Я это знаю, — ответил Эдди. — Но даже если бы Дипно устоял перед уговорами давнего друга, не поддался бы бесконечным: «Сожги его, Эрон, они вынудили меня поставить подпись, а теперь они точно меня обманут, ты это знаешь не хуже моего, сожги его, а потом мы вызовем полицию, чтобы она разобралась с этими хмырями...» — ты думаешь, Мозес Карвер поверит такой безумной истории?

Роланд невесело улыбнулся:

— Я думаю, Эдди, дело не в том, поверит он или нет. Если уж на то пошло, какую часть нашей безумной истории слышал Эрон Дипно?

— Маленькую. — Эдди закрыл глаза, потер их. Сильно. — Я знаю только одну особу, которая может убедить Мозеса Карвера сделать то, о чем мы собираемся его попросить, но она занята в другом месте. В 1999 году. А к тому времени Карвер точно умрет, как и Дипно, а может, рухнет и сама Башня.

— А как нам обойтись без нее? Что бы тебя устроило?

Эдди думал о том, что Сюзанна, возможно, смогла бы вернуться в 1977 год без них, поскольку там еще не побывала. То есть появлялась во время Прыжка, но Эдди полагал, что это не в счет. Впрочем, он опасался, что доступ в 1977 год ей закроют, потому что она из одного ка-тета с ним и Роландом. Или по каким-то другим причинам, которых Эдди не знал. Не привык вчитываться в те пункты договора, что набирались мелким шрифтом. Он повернулся к Роланду, чтобы спросить, а что думает он, но стрелок заговорил, прежде чем Эдди открыл рот.

— Как насчет нашего дан-тете?

И хотя термин Эдди понял — он означал «крошка-бог», или «маленький спаситель», — до него не сразу дошло, о ком речь. Потом понял. Разве не их дан-тете одолжил им автомобиль, в котором они сидели в этот самый момент?

— *Каллем?* Ты говоришь о нем, Роланд? О парне, коллекционирующем бейсбольные мячи с автографами?

— Ты говоришь правильно. — Сухой тон Роланда свидетельствовал о легком раздражении. — Избавь меня от своих восторгов по поводу этой идеи.

— Но... ты же велел ему уехать. И он согласился!

— Очень ему хотелось навестить своего друга в Вермонте?

— *Монте.* — Эдди не смог подавить улыбку. Однако, с улыбкой или без, он встревожился. Подумал, не вызван ли крайне неприятный скрип, который он слышал в своем воображении, движениями трехпалой правой руки Роланда, обследующей самое дно бочки с шансами на благополучный исход.

Роланд пожал плечами, как бы показывая, что ему без разницы, куда собирался поехать Каллем, в Вермонт или баронство Гарлан.

— Ответь на мой вопрос.

— Ну...

Каллем действительно не стремился к отъезду. И с самого начала повел себя так, словно он — скорее один из них, чем один из травоядных, среди которых жил (Эдди без труда отличал травоядных, поскольку сам был таким до того, как Роланд «извлек» его и начал учить жизни). Стрелки определенно заинтриговали Каллема, и ему хотелось знать, что занесло их в его маленький город. Но Роланд умел настоять на своем, и люди обычно выполняли его просьбы.

Теперь же он вновь крутанул правой рукой, демонстрируя нетерпение. *Поторопись, ради своего отца. Просрись или слезай с «очка».*

— Как я понимаю, ехать ему не хотелось, — ответил Эдди. — Но это не означает, что он сейчас в своем доме в Ист-Стоунэме.

— Тем не менее он там. Никуда не поехал.

Немалым усилием Эдди удалось удержать отваливающуюся челюсть.

— Откуда ты знаешь? Прикосновения, да?

Роланд покачал головой.

— Тогда как?

— Ка.

— Ка? *Ка?* И что ты хочешь этим сказать?

На осунувшемся лице Роланда отражалась усталость, сквозь загорелую кожу просвечивала бледность.

— Кого еще мы знаем в этой части мира?

— Никого, но...

— Значит, это он. — Роланд не повышал голоса, тем же тоном ребенку объясняли прописные истины: верх — над головой, низ — там, где ноги упираются в землю.

Эдди уже собрался ответить, что глупости все это, не более чем суеверия, но предпочел промолчать. За исключением Дипно, Тауэра, Стивена Кинга, отвратительного Джека Андолини, Джон Каллем действительно был единственным человеком, которого они знали в этой части мира (или на этом уровне Темной Башни, если вы предпочитаете оперировать такими категориями). А после того, что Эдди довелось увидеть в последние месяцы... черт,

даже в последнюю *неделю*... мог ли он посмеиваться над суевериями?

— Хорошо, — кивнул Эдди. — Давай попробуем.

— Как нам с ним связаться?

— Мы можем позвонить из Бриджтона. Но в любой истории, Роланд, третьестепенный персонаж вроде Джона Каллема *никогда* не поднимается со скамьи запасных, чтобы спасти игру. Реализмом тут и не пахнет.

— А вот в жизни, — ответил Роланд, — я уверен, такое случается сплошь и рядом.

Эдди рассмеялся. А что еще ему оставалось делать? Ничего другого ждать от Роланда и не приходилось.

БРИДЖТОН ХАЙ-СТРИТ 1

ОЗЕРО ХАЙЛЕНД 2

ГАРРИСОН 3

УОТЕРФОРД 6

СУИДЕН 9

ЛОУВЕЛЛ 18

ФРАЙБУРГ 24

Они как раз миновали щит-указатель, когда Эдди обратился к стрелку:

— Пошарь в бардачке, Роланд. Посмотри, не оставили ли нам ка, Луч или кто-то еще немного мелочи для телефона-автомата.

— В бар... Ты про эту панель?

— Да.

Роланд сначала попытался повернуть хромированную кнопку на передней панели, потом смекнул что к чему, и нажал на нее. Панель откинулась. Внутри оказалось «сорочье гнездо», которое перетряхнуло во время короткого периода невесомости. Квитанции кредитных карточек, очень старый тюбик чего-то, названного Эдди зубной пастой (Роланд смог разобрать только два слова, набранные крупными буквами: **ХОЛМС ДЕНТАЛ**), фоттеграф маленькой улыбающейся девочки на пони, должно быть, племянницы Каллема, какая-то трубочка, похожая на взрывчатку (Эдди сказал, что это фальшфейер, сигнальный факел на случай чрезвычайного происшествия на дороге), журнал с непонятным названием, что-то вроде ЯНКМИ... и коробка из-под сигар. Роланд не смог понять слова, написанного на коробке. Подумал, что «своры». Такого слова он не знал. Протянул коробочку Эдди, у которого тут же вспыхнули глаза.

— Тут написано **СБОРЫ**^[14]. Может, ты прав насчет Каллема и ка. Открой ее, Роланд, открой, пожалуйста.

Ребенок, который, должно быть, подарил эту коробочку Каллему, снабдил ее защелкой, не дававшей крышке подняться. Роланд отвел защелку, открыл крышку и показал Эдди множество серебряных монеток.

— Этого хватит, чтобы позвонить в дом сэя Каллема?

— Да, — кивнул Эдди, — хватит, чтобы позвонить в Фэрбенкс, что на Аляске. Но все эти монетки ничем нам не помогут, если Каллем уже едет в Вермонт.

Одну сторону городской площади Бриджтона занимали аптечный магазин и пиццерия, противоположную — кинотеатр («Волшебный фонарь») и универмаг («Ренис»). Между кинотеатром и универмагом находился маленький скверик со скамейками и тремя телефонами-автоматами.

Эдди порылся в коробке с мелочью и выдал Роланду шесть долларов четвертаками.

— Я хочу, чтобы ты пошел туда, — он указал на аптечный магазин, — и купил мне пузырек с таблетками аспирина. Ты поймешь, что это он, когда увидишь?

— Астин. Да, я знаю, как он выглядит.

— Возьми самый маленький, какой только у них будет, потому что шесть баксов — деньги небольшие. Потом зайди в соседний дом. С вывеской «Пицца и сэндвичи». Если у тебя останется не меньше шестнадцати момент, скажи, что ты хочешь hoagie^[15].

Роланд кивнул, но Эдди этим не удовлетворился:

— Хочу услышать, как ты произнесешь это слово.

— Hoggie.

— Hoagie.

— HOOG-gie.

— Но... — Эдди замолчал. — Роланд, скажи-ка «poor boy»^[16].

— Poor boy.

— Хорошо. Если у тебя останется не меньше шестнадцати четвертаков, попроси «poorboy»^[17]. Сможешь сказать «lots of mayo»^[18]?

— Lots of mayo.

— Годится. Если останется меньше шестнадцати, попроси сэндвич с салями и сыром. Сэндвич — не бутер.

— Салами сэндвич.

— Похоже. И ничего не говори без крайней на то необходимости.

Роланд кивнул. Он признавал правоту Эдди. Действительно, лучше не раскрывать рта. Людям достаточно одного взгляда, чтобы сразу понять, почувствовать в глубине сердца, что он не из этих мест. Они также интуитивно знали, что лучше уступить ему дорогу. Так что незачем усугублять их подозрительность.

Рука Роланда по привычке упала к левому бедру, когда он повернулся, чтобы вылезти из кабины, однако на этот раз нащупала пустоту: оба револьвера, завернутые в пояса-патронташи, лежали в багажнике «гэлакси» Каллема.

Но прежде чем он ступил на землю, Эдди схватил его за плечо. Стрелок повернулся, удивленно подняв брови. Выцветшие глаза уставились на друга.

— В нашем мире есть поговорка, Роланд... мы говорим, что кое-кто хватается за соломинки.

— И что это означает?

— Это самое, — устало ответил Эдди. — Чем мы сейчас занимаемся. Пожелай мне удачи, дружище.

Роланд кивнул.

— Ага, желаю. Нам обоим.

Начал отворачиваться, но Эдди вновь позвал его. На этот раз на лице Роланда

отразилось легкое раздражение.

— Будь осторожен, переходя улицу. — Тут Эдди скопировал интонации Каллема. — Этих летних туристов здесь больше, чем блох на бродячей собаке. И ездят они не на лошадаках.

— Не тяни со звонком, Эдди, — ответил Роланд, вылез из автомобиля и неспешно и уверенно пересек Главную улицу Бриджтона, размеренно, чуть раскачиваясь, как пересекал тысячи других Главных улиц в тысячах других маленьких городков.

Эдди проводил его взглядом, а потом направился к телефонам-автоматам. Нашел номер телефонной справочной и позвонил.

6

«Он не уехал», — уверенно заявил стрелок, говоря о Джоне Каллеме. Но почему? Потому что Каллем был последним шансом, только ему они могли и позвонить? Другими словами, их действия опять определяла эта чертова старая карга, ка Роланда из Гилеада.

После короткой паузы оператор телефонной справочной продиктовала ему номер Каллема. Эдди попытался его запомнить, он всегда хорошо запоминал числа, Генри иной раз даже называл его Маленьким Эйнштейном. Но на этот раз не решился полагаться на память. Что-то, похоже, произошло, то ли с его мыслительными процессами вообще (в это он не верил), то ли со способностью запоминать некоторые атрибуты культуры этого мира (вот с этим, пожалуй, он спорить бы не стал). Попросив повторить номер и записав его на пыльной стенке навеса над телефоном-автоматом, Эдди вдруг задался вопросом: а сможет ли он читать роман, сложатся ли для него движущиеся картинки на экране в фильм с единым сюжетом? Но разве это имело хоть какое-то значение? В «Волшебном фонаре», по соседству со сквериком, показывали «Звездные войны», и Эдди подумал: если он дойдет до конца жизненной тропы и ступит в пустошь, больше ни разу не взглянув на Люка Скайуокера или не услышав шумного дыхания Дарта Вейдера, он все равно ни о чем жалеть не будет.

— Спасибо, мэ, — поблагодарил он телефонистку и уже собрался набрать номер, когда за спиной один за другим прогремели несколько взрывов. Эдди развернулся, с гулко забившимся сердцем, уронив правую руку к бедру, ожидая увидеть Волков, охотников, даже этого сукиного сына Флегга...

Но увидел автомобиль с откидным верхом, набитый хохочущими подростками, по виду — учениками средней школы, с обожженными солнцем щеками. Один из них «отстреливал» шутихи, оставшиеся от празднования Четвертого июля, Дня независимости. В Калье Брин Стерджис их сверстники называли такие громыхалками.

Будь у меня на бедре револьвер, я скорее всего уложил бы пару этих придурков, — подумал Эдди. — *Чтоб знали, как вести себя в общественном месте.* Да. Пожалуй. А может, и не уложил бы. В любом случае ему пришлось признать: в более цивилизованных мирах он стал опасен для окружающих.

— Придется с этим жить, — пробормотал он, потом добавил любимое слово великого мудреца и выдающегося наркомана, адресованное решению маленьких жизненных проблем: — Заметано.

Он набрал номер Джона Каллема на допотопном телефонном аппарате с вращающимся диском, и когда голос робота — возможно, прапрапрапрапрабабушки Блейна Моно —

попросил бросить в щель девяносто центов, бросил бакс. Почему нет, он же спасал мир.

Раздался гудок... второй... потом трубку сняли!

— Джон! — прямо-таки заорал в трубку Эдди. — Ну, слава Богу! Это...

Но голос на другом конце провода уже отвечал. И Эдди, дитя середины восьмидесятых годов, знал, что ничего хорошего это не сулит.

— ...позвонили Джону Каллему из «Службы охраны и ремонта летних резиденций Каллема», — отвечал, понятное дело, голос Джона Каллема, тянущий слова с характерным выговором уроженца Новой Англии. — Мне пришлось внезапно отъехать, вы понимаете, и я не могу с определенностью сказать, когда вернусь. Если это вызовет неудобства, прошу меня извинить, но при необходимости вы можете позвонить Гэри Кроуэллу, телефон 926-5555, или Джуниору Бейкеру, телефон 929-4211...

Первоначальный испуг Эдди испарился (*испа-а-рился*, как сказал бы Каллем) где-то в тот момент, когда записанный нерешительный голос Каллема сообщал о том, что его обладатель не очень-то знает, когда сможет вернуться. По той простой причине, что Каллем никуда и не уезжал, находился в маленьком аккуратном коттедже на берегу Кейвадин-Понд, сидел то ли на большущем диване, то ли в одном из двух кресел. Сидел и слушал послания, которые записывались на довольно-таки примитивный автоответчик семидесятых годов. Эдди это знал, потому что... ну...

Потому что знал.

Запись не смогла скрыть нотки озорства, которое прокралось в голос Каллема на последних фразах.

— Если вы все еще хотите поговорить ни с кем, можете оставить сообщение после звукового сигнала. Только короткое.

Эдди дождался сигнала, после чего сказал:

— Это Эдди Дин, Джон. Я знаю, что вы меня слушаете, и, думаю, ждали моего звонка. Не спрашивайте, *откуда* я это знаю, потому что я не имею об этом ни малейшего понятия, но...

В трубке раздался громкий щелчок и послышался голос Каллема, *живой* голос:

— Привет, сынок, вы хорошо заботитесь о моей машине?

На мгновение Эдди даже не нашелся с ответом, потому что из-за местного выговора вопрос получился совсем другой: «Вы хорошо заботитесь о моей ка^[19]?»

— Сынок? — В голосе Каллема зазвучала тревога. — Ты на линии?

— Да, — ответил Эдди, — как и вы. Я думал, что вы собирались в Вермонт, Джон.

— Ну, вот что я тебе скажу. Такого волнительного дня у нас не было с тех пор, как в 1923 году в Саут-Стоунэме сгорел обувной магазин. Копы перекрыли все дороги, ведущие из города.

Эдди не сомневался, что местные жители могли миновать любой блокпост, предъявив соответствующее удостоверение личности, но тут у него в голове мелькнула другая идея.

— Вы хотите сказать, что не сможете выбраться из города, возникни у вас такое желание, не повстречав ни единого копа?

Последовала короткая пауза. Эдди почувствовал, что кто-то стоит рядом. Не поворачиваясь, понял, что Роланд. От кого еще в этом мире мог идти едва уловимый, но, бесспорно, запах другого мира?

— Ну, ладно, — наконец подал голос Каллем. — Может, я знаю лесную дорогу, или две, которые ведут в Лоувелл. Лето выдалось сухим — пожалуй, смогу проехать по ним на моем

пикапе.

— Одну или две?

— Ну, скорее три или четыре. — Вновь пауза, которую Эдди не стал прерывать. Разговор с Каллемом доставлял ему безмерное удовольствие. — Пять или шесть. — Вновь Эдди не отреагировал. — Восемь. — И когда Эдди рассмеялся, Каллем, составил ему компанию, а потом спросил: — И что у тебя на уме, сынок?

Эдди глянул на Роланда, который протягивал ему зажатый в оставшихся пальцах правой руки жестяной тюбик с таблетками аспирина. Благодарно кивнул.

— Я бы хотел, чтобы вы приехали в Лоувелл, — ответил он Каллему. — Похоже, нам нужно еще кое о чем поговорить.

— Да, а я, судя по всему, это чувствовал, только не головой, а сердцем, потому что в голове вертелась мысль: «Скоро я уеду в Монпелье». Однако находил какие-то мелкие поводы, чтобы задержаться подольше. Если б ты позвонил пятью минутами раньше, линия была бы занята. Я говорил с Чарли Бимером. Его жену убили в магазине, знаешь ли. И ее сестру. А потом я подумал: «Какого черта, приберусь-ка я в доме, прежде чем брошу чемодан в пикап и уеду». Нет, в голове ничего не было, но сердцем я все-таки ждал звонка с того самого момента, как проводил вас. Где вы будете? На Тэтлбек-лейн?

Эдди вскрыл тюбик, с жадностью посмотрел на таблетки. Торчок навсегда остается торчком, рассудил он. Даже если соскочил с иглы.

— Ага, — кивнул он, коснувшись языком щеки; он отлично научился имитировать местные диалекты с той поры, как повстречался с Роландом в самолете авиакомпании «Дельта», идущим на посадку в аэропорту Кеннеди. — Вы говорили, что Тэтлбек-лейн — двухмильная дорога, которая обоими концами упирается в шоссе номер семь, не так ли?

— Говорил. На Тэтлбек такие красивые дома. — Короткая, раздумчивая пауза. — Правда, многие продаются. В последнее время там появилось очень уж много приходящих. О чем я, кажется, уже упоминал. Людей они нервируют, а богатые могут позволить себе переехать из тех мест, где что-то мешает им спокойно спать по ночам.

Больше Эдди ждать не мог. Взял три таблетки аспирина и бросил в рот, наслаждаясь горечью, которые они оставили на языке. Боль, конечно, доставала его, но он мог бы выдержать и куда как более сильную, если б ему удалось получить весточку от Сюзанны. Но она не давала о себе знать. У него возникла мысль, что линия связи между ними, и без того ненадежная, перестала существовать после рождения чертова ребенка Миа.

— Вам, парни, лучше бы держать ваши стреляющие железки под рукой, раз уж вы направляетесь на Тэтлбек в Лоувелле, — продолжил Каллем. — Что касается меня, то я брошу дробовик в кабину, прежде чем садиться за руль.

— Почему нет? — согласился Эдди. — Вы хотите увидеть свою машину где-нибудь на Тэтлбек-лейн, не так ли? Обязательно увидите.

— Да уж, старую «гэлакси» не спутаешь ни с какой другой, — ответил Каллем. — Скажи мне, сынок, в Вермонт я вот не поехал, но у меня такое чувство, что вы хотите меня куда-то послать, если я соглашусь. Тебя не затруднит сказать, куда именно?

Эдди подумал, что Марк Твен мог бы назвать следующую главу, несомненно, колоритной жизни Джона Каллема «Янки из Мэна при дворе Алого Короля», но решил не озвучивать свои слова.

— Вы бывали в Нью-Йорке?

— Господи, конечно. Провел там увольнительную на сорок восемь часов, когда служил в

армии. Насколько помню, побывал в мюзик-холле «Радио-сити» и в Эмпайр-стейт-билдинг. Должно быть, увидел и другие достопримечательности, потому что мой кошелек похудел на тридцать долларов, а два месяца спустя мне поставили диагноз: триппер.

— На этот раз у вас будет слишком много дел, чтобы подхватить триппер. Возьмите с собой кредитные карточки. Я знаю, что они у вас есть, потому что в бардачке лежат квитанции. — Его охватило безумное желание растянуть последнее слово, квити-а-а-анции.

— Там действительно бардак, верно? — поллюбопытствовал Каллем.

— Ага, выглядело все, как изжеванная собакой обувь. Увидимся в Лоувелле, Джон. — И Эдди повесил трубку. Посмотрел на пакет в другой руке Роланда, изогнул брови.

— Это сандвич «пубой», — пояснил Роланд, — с большим количеством майо, уж не знаю, что это такое. Я бы предпочел соус, который не выглядит, как сперма, но, возможно, тебе виднее.

Эдди закатил глаза.

— Боже, умеешь же ты разжечь аппетит.

— Ты так говоришь?

Эдди пришлось напомнить себе, что чувство юмора у Роланда отсутствовало практически полностью.

— Говорю, говорю. Пошли. Я могу съесть мой спермо-сырный сандвич и за рулем. Опять же нам надо обсудить, как строить разговор с Каллемом.

7

Они сошлись во мнении, что Джону Каллему следует рассказать все, во что он сможет поверить и что выдержит его психика. Чтобы потом, если не возникнет неожиданных осложнений, вручить ему купчую и направить к Эрону Дипно. Строго наказав, что разговор с ним надо вести в отсутствие не заслуживающего доверия Келвина Тауэра.

— Каллем и Дипно на пару сумеют найти Мозеса Карвера, — сказал Эдди, — а я сообщу Каллему достаточно сведений о Сюзи... личного порядка, чтобы убедить Карвера, что она по-прежнему жива. В конце концов... все будет зависеть именно от убедительности Дипно и Каллема. И той энергии, которую они вложат в создание «Тет корпорейшн» на закате жизни. Эй, эта парочка еще сможет удивить нас! Я не могу представить себе Каллема в костюме и при галстукe, но разъезжающим по стране, чтобы тормозить бизнес «Сомбры»... почему нет? — Он задумался, склонив голову набок, котом кивнул, улыбаясь: — Да. Это у него получится.

— Крестный отец Сюзанны тоже, должно быть, старикан, — заметил Роланд. — Только с кожей другого цвета. Такие люди часто говорят на одном языке, когда встречаются антет^[20]. И возможно, я смогу дать Каллему нечто такое, что поможет ему убедить Карвера войти в нашу компанию.

— Сигул?

— Да.

Его слова заинтриговали Эдди.

— Какой?

Но прежде чем Роланд успел ответить, Эдди пришлось надавить на педаль тормоза. Они уже были в Лоувелле, на шоссе № 7, а им навстречу, вдоль придорожного кювета, шатаясь из

стороны в сторону, шел старик с торчащими во все стороны включенными седыми волосами. В рубище из грязной материи. Костлявые руки и ноги покрывали царапины и язвы. Шел он босиком, а место пальцев занимали отвратительные и грозного вида желтые когти. Под мышкой нес какой-то деревянный предмет, похожий на сломанную лютню. Эдди подумал, что очень уж странно смотрится этот старик на шоссе, где ранее им встречались только серьезного вида бегуны трусцой, определенно приезжие, в нейлоновых шортах, бейсболках и футболках (у одного на груди Эдди прочитал: **НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ТУРИСТОВ**).

Старик тем временем приближался, медленно, но верно сокращая расстояние до «гэлакси», и с губ Эдди сорвался крик ужаса. Глаза старика сливались над переносицей, напоминая двухжелтковое яйцо на сковородке. Из одной ноздри, как бивень, торчал клык. Но наибольшее отвращение вызывало зеленоватое свечение лица старика. Слово на кожу нанесли тонкий слой флуоресцирующей каши-размазни.

Странное существо увидело их и метнулось в лес, бросив расщепленную лютню.

— Господи! — вырвалось у Эдди. Если это был проходящий, он очень надеялся, что ему уже не доведется увидеть второго.

— Останавливайся, Эдди! — крикнул Роланд, уперся ладонью в приборный щиток «форда» Каллема, который, подняв шлейф пыли, замер на обочине рядом с тем местом, где скрылся в лесу жуткий старик.

— Открой заднюю крышку. — Роланд уже распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья. — Достань мой вдоводел.

— Роланд, мы спешим, а до Тэтлбек-лейн еще три мили на север. Я думаю, нам надо...

— Заткнись и принеси его! — проревел Роланд, затем побежал к лесу. Глубоко вдохнул, а когда что-то прокричал вслед убежавшему уроду, от его голоса по рукам Эдди побежали мурашки. Раз или два он слышал, как Роланд говорил таким вот голосом, но в промежутках не составляло труда забыть, что в жилах стрелка текла королевская кровь.

Он произнес несколько фраз, которых Эдди не понял, но последнюю разобрал: «Приблизься же, ты, дитя Родерика, ты, увечный и заблудший, и преклони колени передо мной, Роландом, сыном Стивена, из рода Эльда».

Поначалу ничего не изменилось. Эдди открыл багажник «форда», принес Роланду его револьвер. Стрелок затянул пояс-патронташ, даже не взглянув на Эдди, не говоря уж о том, чтобы поблагодарить.

Прошло тридцать секунд. Эдди уже открыл рот, чтобы предложить Роланду продолжить путь, когда шевельнулась запыленная придорожная листва. А еще через пару мгновений из леса появился старик с седыми космами. Он плелся, едва переставляя ноги, с опущенной головой. На рубище расплывалось большое мокрое пятно. Эдди почувствовал сильный запах свежей мочи.

Однако урод упал на колени и поднял деформированную руку ко лбу с такой обреченностью, что Эдди едва не заплакал.

— Хайл, Роланд из Гилеада, Роланд Эльдский! Ты покажешь мне какой-то сигул, дорогой?

В городке Речной Перекресток старая женщина, которая называла себя матушка Талита, дала Роланду серебряный крестик на серебряной же, из мелких звеньев, цепочке. С тех пор Роланд носил крестик на груди. Теперь сунул руку за пазуху и показал крестик коленопреклоненному старику, медленному мутанту, умирающему от лучевой болезни — Эдди в этом не сомневался, — и мутант издал крик изумления.

— Ты найдешь покой в конце пути своего, ты, дитя Родерика? Ты найдешь покой в пустоши?

— Да, мой дорогой, — ответил мутант, рыдая, а потом заговорил на тарабарском языке и Эдди не смог разобрать ни слова. Посмотрел направо, налево, ожидая увидеть приближающиеся автомобили, все-таки лето, разгар отпускного сезона, но шоссе № 7 пустовало, никаких машин. Удача явно им благоволила.

— Сколько таких, как ты, в этих местах? — спросил Роланд, прерывая приходящего. Произнося эти слова, он достал из кобуры револьвер и поднял оружие смерти на уровень груди.

Дитя Родерика вскинул руку к горизонту, не поднимая головы.

— Делах^[21], стрелок, ибо здесь перегородки между мирами тонки, скажи *анро кон фа; сей-сей дезине фанно билле кобайр кан. Я, Чевин, девар дан ду*. Потому что я грущу по ним. *Кан-тои, кантах. Кан Дискордия, авен ла кам мах кан*. Могу я? Если *лах вайнен*, то...

— Как много *дан девар*?

Мутант обдумал вопрос Роланда, пять раз растопырил пальцы (Эдди их сосчитал: *десять*). Хотя чего пятьдесят, Эдди не знал.

— И Дискордия? — резко спросил Роланд. — Ты действительно так говоришь?

— О да, так говорю я, Чевин из Чайвена, сын Хамила, менестрель Южных равнин, которые когда-то были моим домом.

— Скажи мне название города, который стоит у замка Дискордия, и я освобожу тебя.

— Ах, стрелок, там все мертвы.

— Я так не думаю. Называй его.

— Федик! — вскричал Чевин из Чайвена, странствующий музыкант, который и представить себе не мог, что его жизнь оборвется в таком далеком, странном месте, не на равнинах Срединного мира, а в горах западного Мэна. Внезапно он поднял голову, обратил к Роланду свое жуткое светящееся лицо. Широко раскинул руки, словно распятый на кресте.

— Федик — на дальней стороне Тандерклепа, на Тропе Луча! На Луче Шардика, на Луче Матурин, на Пути к Темной...

Револьвер Роланда рывкнул один только раз. Пуля попала коленопреклоненному мутанту в лоб, окончательно изуродовав и без того страшное лицо. Когда Чевин падал на землю, его плоть на глазах Эдди превратилась в зеленоватый дым, эфемерный, как крыло шершня. С мгновение Эдди видел зависшие в воздухе зубы Чевина из Чайвена, напоминающие коралловое кольцо, потом исчезли и они.

Роланд бросил револьвер в кобуру. Потом выставил оставшиеся пальцы правой руки и провел ими сверху вниз перед лицом, словно прощая мутанту его прегрешения.

— Покойся с миром, — сказал Роланд, после чего расстегнул пояс-патронташ и начал заворачивать в него револьвер.

— Роланд, это был... это был медленный мутант?

— Да, полагаю, можно сказать и так. Бедный старик! Но Родерики, насколько мне известно, жили за морями, за долами, на краю света, хотя, прежде чем мир сдвинулся, они присягнули на верность Артуру Эльдскому. — Он повернулся к Эдди, синие глаза горели на усталом лице. — Федик — тот самый город, куда Миа отправилась рожать своего ребенка. Куда взяла Сюзанну. К последнему замку. Вероятно, нам придется вернуться в Тандерклеп, но сначала мы должны попасть в Федик. Как хорошо, что теперь мы знаем, где Сюзанна.

— Он сказал, что грустит. По кому?

Роланд только покачал головой, не ответив на вопрос Эдди. Мимо проехал грузовик «Кока-колы», далеко на западе громыхнул гром.

— Федик у замка Дискордия, — пробормотал стрелок. — Федик — Красная смерть. Если мы сможем спасти Сюзанну... и Джейка... мы пойдем назад, к Пограничью, к Кальям. Но мы вернемся, закончив там наши дела. А когда вновь повернем на юго-восток...

— Что? — с тревогой спросил Эдди. — Что тогда, Роланд?

— Тогда мы не остановимся, пока не достигнем Башни. — Он вытянул перед собой руки, посмотрел на их дрожь, потом повернулся к Эдди. На его лице читалась усталость, но не страх. — Никогда я не был так близок к ней. Я слышу шепот всех моих ушедших друзей и их ушедших отцов. И шепчут они про близость Башни.

Эдди с минуту смотрел на Роланда, зачарованный и испуганный. Затем усилием воли отвел взгляд.

— Ладно, — он направился к открытой дверце у водительского сиденья, — если эти голоса нашепчут тебе и что нужно сказать Каллему, чтобы убедить его сделать все, что нам от него нужно... ты уж, пожалуйста, дай мне знать.

Эдди сел за руль и захлопнул дверцу до того, как Роланд успел ответить. Мысленным взором он по-прежнему видел Роланда, вытягивающего руку с большим револьвером, целящегося в коленопреклоненную фигуру, нажимающего на спусковой крючок. И этого человека он называл старшим и другом. Но мог ли он с уверенностью утверждать, что Роланд не проделал бы такого с ним... с Сюзанной... с Джейком... если бы сердце сказало ему, что этим он приблизится к своей Башне? Не мог. И однако шел с ним. И пошел бы даже в том случае, если бы в глубине сердца знал, не дай Бог, конечно, что Сюзанна мертва. Потому что не мог поступить иначе. Потому что Роланд стал для него даже больше, чем дином и другом.

— Отцом, — выдохнул Эдди перед тем, как Роланд открыл дверцу и залез в кабину.

— Ты что-то сказал, Эдди? — спросил Роланд.

— Да, — ответил Эдди. — «Чуть дальше^[22] нам поворачивать». Мои слова.

Роланд кивнул. Эдди включил передачу, и «форд» покатился к Тэтлбек-лейн. Еще вдалеке, но ближе, чем раньше, вновь громыхнул гром.

Момент появления ребенка на свет приближался, и Сюзанна Дин огляделась, вновь сосчитав своих врагов, как учил Роланд. «Нельзя открывать огонь, — говорил он, — не зная, кто и в каком количестве противостоит тебе. Конечно, есть еще два варианта. Или ты твердо знаешь, что сосчитать их нет никакой возможности, или твоя цель — умереть в этот день». Ей, понятное дело, хотелось отделаться от этого ужасного, вторгающегося в мысли шлема, но, каким бы ни было его предназначение, шлем этот не мешал пересчитывать тех, кто присутствовал при рождении малого Миа. И это радовало.

Во-первых, Сейр, который командовал парадом. «Низший» мужчина с пульсирующим красным пятном во лбу. Потом Скоутер, врач, который устроился между ног Миа, готовясь принять роды. Сейр быстро поставил дока на место, когда тот повел себя слишком уж нагло, но, похоже, не собирался мешать ему выполнять профессиональные обязанности. Кроме Сейра, Сюзанна насчитала еще пятерых «низших людей», но по именам знала только двоих. Одного из них, с бульдожьей мордой и толстым животом, звали Хабер. Рядом с Хабером стояла птицетварь с головой в коричневых перьях и злобными глазами ястреба. Это существо звали то ли Джей, то ли Джи. Все семеро были вооружены автоматическими пистолетами, рукоятки которых торчали над кобурами. Пистолет Скоутера вылезал из-под белого халата всякий раз, когда врач наклонялся. Сюзанна уже решила, что постарается завладеть именно этим пистолетом.

К ним Сюзанна прибавила троих бледных, настороженных человекоподобных существ, которые стояли за Миа. По густосиним аурам она определила, что это вампиры. Возможно, из тех, кого отец Каллагэн относил к третьему роду (бывший священник еще сравнивал их с рыбой-лоцманом). Итого: десять. У двух вампиров были арбалеты, у третьего — какой-то электрический меч, и в тот момент у него, опущенного вниз, чуть светилась сердцевина. Если б ей удалось добраться до пистолета Скоутера (*Когда ты завладеешь им, сладенькая, — поправила она себя. Она прочитала книгу «Сила позитивного мышления» и до сих пор верила каждому слову преподобного Пила*), она в первую очередь намеревалась нейтрализовать вампира с электрическим мечом. Лишь Господь знал, какой урон могло нанести это оружие, но Сюзанна Дин не хотела этого выяснять.

Плюс медицинская сестра с головой большой коричневой крысы. Пульсирующий красный глаз в центре лба подсказал Сюзанне, что на всех остальных «низших людях» человеческие маски, которые они носили, чтобы не пугать своих жертв, когда приходилось выйти на улицы Нью-Йорка. Возможно, не все маски скрывали крысиные морды, но Сюзанна точно знала, что никто из них не похож на Роберта Гуле^[23]. И насколько она могла видеть, оружия не было только у крысоголовой медсестры.

Итак, всего одиннадцать. Одиннадцать на весь огромный и по большей части пустой лазарет, расположенный — на этот счет сомнений у нее практически не было — отнюдь не под Манхэттеном. И если она собиралась положить всех, действовать следовало, пока их внимание сосредоточено на ребенке Миа, ее драгоценном малом.

— Он идет, доктор! — нервно и восторженно воскликнула медсестра.

Она не ошиблась. Подсчеты Сюзанны оборвал приступ жуткой боли, какой ей еще не доводилось испытывать. Боль эта захлестнула их обеих. Накрыла с головой. Они закричали в унисон. А Скоутер требовал от Миа:

— *Тужься! Тужься! ТУЖЬСЯ!*

Сюзанна закрыла глаза и тоже тужилась, потому что это был и ее ребенок... во всяком случае, был раньше. И чувствуя, как боль уходит из нее, будто вода в сливное отверстие раковины, она ощутила глубочайшую печаль. Ибо ребенка она полностью переправила Миа: последние несколько строк живого послания, которые каким-то образом заставили передать тело Сюзанны. На том все и закончилось. Что бы ни произошло потом, эта страница ее жизни переворачивалась, вот Сюзанна Дин и издала крик облегчения и сожаления, крик, который прозвучал, как песня.

А потом, до того, как начался кошмар, столь ужасный, что мельчайшие подробности она будет помнить предельно четко, словно высвеченные ярким прожектором, до того дня, как шагнет в пустошь, Сюзанна почувствовала маленькую горячую руку, охватившую ее запястье. Она повернула голову вместе с надетым на нее металлическим шлемом. Услышала, как ахнула. Встретилась взглядом с Миа. Последняя разлепила губы и произнесла единственное слово. Сюзанна не смогла расслышать его за ревом Скоутера (тот, подняв щипцы над головой, наклонился, всматриваясь между ног Миа). Однако *услышала* слово и поняла, что Миа старается выполнить свое обещание.

Я освобожу тебя, если представится случай, — обещала ее похитительница, и теперь в голове Сюзанны прозвучало: *Чеззет*. Это же слово она увидела на губах рожавшей женщины.

Сюзанна, ты меня слышишь?

Я слышу тебя очень хорошо, — ответила Сюзанна.

И ты помнишь наш уговор?

Ага. Я помогу тебе выбраться отсюда с твоим малым, если смогу. И...

И убьешь нас, если не сможешь! — истово закончил фразу голос. Раньше он не был таким громким. Сюзанна не сомневалась, что частично его усиливает соединительный кабель. — *Скажи это, Сюзанна, дочь Дэна!*

Я убью вас обоих, если вы...

Она замолчала. Миа, похоже, такой ответ устроил, Сюзанну — тем более: она не смогла бы реализовать задуманное, если бы от нее зависели жизни матери и младенца. Она случайно подняла взгляд к потолку огромного помещения и там, над рядами кроватей, разделенными проходами, увидела Эдди и Роланда. Точнее, их расплывчатые силуэты, появляющиеся из потолка и скрывающиеся в нем. Они смотрели на нее, как рыбы-фантомы.

Вновь схватка, но уже не такая сильная. Сюзанна чувствовала, как напрягаются бедра, стараясь помочь животу что-то вытолкнуть из себя, но эти ощущения отступили на периферию сознания, не имели ровно никакого значения. Что имело, так это ответ на вопрос: действительно ли она видит то, что, по ее разумению, открылось ей под потолком? Может, просто сказалось перенапряжение, и сознание в стремлении обрести поддержку создало эту галлюцинацию, чтобы успокоить ее?

Она почти поверила, что это галлюцинация. Поверила бы полностью, не будь они оба голые, не окружай их странная коллекция плавающего в воздухе мусора: книжица со спичками, орешек, табачный пепел, цент. И напольный автомобильный коврик! Напольный

автомобильный коврик с большими буквами, складывающимися в слово: FORD.

— Доктор, я вижу го...

Фраза оборвалась недовольным визгом, потому что доктор Скоутер, не показав себя джентльменом, бесцеремонно отпихнул Крыску-медсестру и наклонился еще ниже, чуть ли не сунулся лицом в промежность Миа. Словно решил вытаскивать ее малого зубами. Ястреб — то ли Джей, то ли Джи — возбужденно заговорил с Хабером на каком-то жужжащем языке.

Они действительно здесь, — подумала Сюзанна. — *Напольный коврик — тому доказательство.* Она не могла сказать, каким образом напольный коврик доказывает присутствие в лазарете Роланда и Эдди, только знала, что доказывает. И одними губами произнесла слово, которое сообщила ей Миа: «Чеззет». Это был пароль. Открывающий как минимум одну дверь, а может — многие. Сомнений в том, что Миа говорит правду, у Сюзанны даже не возникло. Их связывали воедино не только шлемы, соединенные кабелем, но более естественный (и значительно более мощный) процесс рождения ребенка. Нет, Миа не врала.

— Тужься, ты, проклятая богами ленивая сучка! — проорал Скоутер, и Роланд с Эдди внезапно исчезли в потолке, словно их сдуло потоком воздуха, вырвавшегося изо рта врача. По разумению Сюзанны, так оно и было.

Она повернулась на бок, чувствуя, как волосы прилипают к голове, а пот галлонами изливается из тела. Она чуть придвинулась к Миа, чуть приблизилась к Скоутеру, чуть приблизилась к перекрестному рифлению, нанесенному на металл рукоятки автоматического пистолета Скоутера.

— Лежи тихо, сестричка, послушай меня, прошу. — Один из «низших» мужчин коснулся плеча Сюзанны. Холодной, влажной рукой, с большими перстнями на пальцах. От этого прикосновения по коже Сюзанны побежали мурашки. — Все закончится через минуту, а потом переменятся все миры. Когда этот малыш присоединится к Разрушителям в Тандерклепе...

— Заткнись, Стро! — рявкнул Хабер и оттолкнул того, кто пытался успокоить Сюзанну. А затем вновь сосредоточил все внимание на родах.

Миа выгнула спину, застонала. Крысоголовая медсестра положила руки ей на бедра, мягко надавила на них.

— Давай же, давай, тужься, выталкивай его из живота.

— Жри говно, сука! — закричала Миа, но Сюзанна чувствовала лишь отголоски ее боли, и ничего больше. Связь между ними сходила на нет.

Собрав волю в кулак, Сюзанна выкрикнула в глубине своего сознания: *Эй! Эй, Позитронная леди! Ты еще здесь?*

Связь... разорвана, — ответил ей приятный женский голос. Как и прежде, раздался он в глубине головы Сюзанны, но в отличие от прошлого раза ему явно не хватало четкости и громкости, он напоминал голос из радиоприемника, едва различимый из-за атмосферных помех. — *Повторяю: связь... разорвана. Мы надеемся, вы будете обращаться в Северный центр позитроники при необходимости расширения ваших ментальных возможностей. И в «Сомбра корпорейшн», признанного лидера в области телепатической связи с десятилетиями года!*

Потом глубоко в мозгу Сюзанны раздалось громкое «БIIIIИИП», от которого заныли зубы, и связь оборвалась. Исчез не только ужасающе-приятный женский голос, исчезли все

ощущения, связанные с родами. Она почувствовала, будто вырвалась из какой-то компрессионной ловушки, до боли сжимавшей все тело.

Миа закричала вновь, и Сюзанна откликнулась таким же криком. Частично потому, что не хотела извещать Сейра и остальных об обрыве связи между ней и Миа; а где-то от искреннего сожаления. Она потеряла женщину, которая в определенном смысле стала ей родной сестрой.

Сюзанна? Сюзи, ты здесь?

Она начала приподниматься на локтях, услышав этот новый голос, и на мгновение совершенно забыла про ту, что лежала рядом. Этот голос принадлежал...

Джейк? Это ты, сладенький? Ты, не так ли? Ты меня слышишь?

ДА! — выкрикнул он. — *Наконец-то! Господи, с кем ты говорила до этого? Продолжай кричать, чтобы я смог определить, где мне тебя...*

Голос оборвался, но лишь после того, как до нее донесся грохот далекой стрельбы. Джейк в кого-то стрелял? Она так не думала. Чувствовала, что кто-то стрелял в Джейка.

2

— Давай! — прокричал Скоутер. — Давай, Миа! Тужься! Ради своей жизни! Отдай все, что можешь! ТУЖЬСЯ!

Сюзанна попыталась перекатиться поближе к другой женщине (*Я в тревоге и меня нужно успокоить, видите, в какой я тревоге, я в тревоге и меня нужно успокоить, ничего больше*), но тот, кого звали Стро, вернул ее на прежнее место. Гофрированная стальная трубка, которая соединяла их шлемы, качалась и растягивалась.

— Не приближайся к ней, сука, — прошипел Стро, и в голове у Сюзанны впервые мелькнула мысль, что ей не удастся добраться до пистолета Скоутера. Или любого другого пистолета.

Миа закричала вновь, обращаясь к незнакомому богу на незнакомом языке. Когда попыталась оторвать верхнюю половину тела от кровати, медсестра (*Алия*, — подумала Сюзанна, — *медсестру зовут Алия*) ей этого не позволила, а Скоутер коротко вскрикнул, похоже, очень довольный развитием событий. Даже отбросил щипцы, которые держал в руках.

— Почему ты это сделал? — спросил Сейр. Простыня под широко раздвинутыми ногами Миа намочила от крови, и в голосе босса звучала озабоченность.

— Они не нужны, — небрежно ответил Скоутер. — Она идеально сложена для рождения детей. Может родить дюжину на рисовом поле, а потом продолжить собирать рис. Он спешит к нам, крепенький и здоровенький!

Скоутер уже собрался схватить самый большой таз из тех, что стояли на соседней кровати, потом решил, что времени нет, и протянул розовые, без перчаток руки, к промежности Миа. На этот раз, когда Сюзанна попыталась придвинуться к Миа, Стро ее не остановил. Все они, «низшие люди» и вампиры, зачарованно наблюдали за последним этапом рождения ребенка, в большинстве своем столпившись у той из двух сдвинутых кроватей, на которой лежала Миа. Только Стро держался рядом с Сюзанной. Вампира со светящимся мечом тут же понизили в статусе: Сюзанна решила, что первая пуля должна достаться Стро.

— Еще раз! — прокричал Скоутер. — Ради своего ребенка!

Как «низшие люди» и вампиры, Миа забыла про Сюзанну. Ее глаза, полные боли, как душевной, так и физической, не отрывались от Сейра.

— Смогу я оставить его у себя, сэр? Пожалуйста, скажите, что смогу, пусть и на короткое время!

Сейр взял ее за руку. Маска, которая скрывала его настоящее лицо, улыбнулась.

— Да, моя дорогая. Твой малой останется у тебя на долгие годы. Только потужься еще раз.

Миа, не верь его лжи, — мысленно выкрикнула Сюзанна, но крик ушел в никуда. «Может, оно и к лучшему, — подумала она. — Это ведь хорошо, что на какое-то время про меня полностью забыли».

И мыслями Сюзанна развернулась в другом направлении.

Джейк! Джейк, где ты?

Нет ответа. Плохо. «Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы он не умер».

«Может, он очень занят. Бежит... прячется... сражается... Молчание — не обязательно...»

Миа зашлась в крике, вроде бы так и сыпала ругательствами, но при этом тужилась изо всех сил. Влагалище растягивалось все сильнее, половые губы раскрывались все шире. На простыню выплеснулась свежая кровь, увеличив и без того большое пятно. А потом, в алом ореоле, Сюзанна увидела корону белого и черного. Белое — кожа, черное — волосы.

Тут же черное и белое начало утопать в алом, словно ребенок решил вернуться в чрево матери, еще не готовый к встрече с миром, но Миа, похоже, надоело ждать его появления на свет. Она тужилась, что было сил, сжатые в кулаки руки — она держала их перед глазами — вибрировали от напряжения, глаза превратились в щелочки, губы разошлись, обнажив сцепленные зубы. Жила тревожно пульсировала на лбу. Другая выпирала на шее.

— НУ-У-У-У-Ж-Е-Е-Е! — прокричала она. — КАММАЛА, МОЙ КРАСАВЧИК! КАММАЛА-КАМ-КАМ!

— Дан-тете, — пробормотал Джей, Ястреб, и остальные подхватили благоговейным шепотом:

— *Дан-тете... дан-тете... каммала дан-тете.* — Пришествие маленького бога.

На этот раз не только показалась макушка, но вся головка младенца пошла вперед. А потом Сюзанна увидела его ручки, прижатые к вымазанной кровью груди, крохотные кулачки, подрагивающие, живые. Увидела синие глаза, широко раскрытые, удивительные как своим знанием жизни, так и схожестью с глазами Роланда. Увидела черные, как сажа, ресницы. Микроскопические капельки крови сверкали на них, словно рубины. Сюзанна увидела, чтобы более никогда не забыть, как нижняя губа ребенка на мгновение задела внутреннюю половую губу матери. Тут же открылся маленький ротик, продемонстрировав идеальный ряд белых зубов на нижней челюсти, не клыков, а идеальных маленьких зубов, и, однако, от одного только вида зубов новорожденного по спине Сюзанны побежал холодок. Ту же реакцию вызвал и пенис малого, необычайно большой и стоящий торчком. Сюзанна прикинула, что длиной пенис превосходил ее мизинец.

Крича от боли и счастья, Миа приподнялась на локтях, ее глаза вылезали из орбит, истекая слезами. Вытянув руку, она мертвой хваткой вцепилась в запястье Сейра, тогда как Скоутер ловко поймал выскользнувшего из влагалища младенца. Сейр вскрикнул от боли, попытался вырваться, но с тем же успехом мог пытаться... вырваться из рук полицейского в

Оксфорде, штат Миссисипи. Восхищенный шепот «низших людей» и вампиров смолк, на какое-то мгновение в лазарете повисла мертвая тишина. И в ней обострившийся слух Сюзанны уловил хруст костей запястья Сейра.

— ОН ЖИВ? — прокричала Миа в изумленное лицо Сейра. Брызги слюны разлетались с ее губ. — СКАЖИ МНЕ, ПАРШИВЫЙ СИФИЛИТИК, СУЧИЙ СЫН, МОЙ МАЛОЙ ЖИВ?

Скоутер поднял малого так, что их лица оказались на одном уровне. Взгляд карих глаз доктора встретился с взглядом синих глаз младенца. Скоутер держал его на руках, а пенис воинственно торчал вверх. Сюзанна ясно увидела алую отметину на левой пятке младенца. Казалось, он окунул пятку в кровь матери перед тем, как покинуть ее чрево.

Вместо того чтобы шлепнуть младенца по ягодицам, Скоутер набрал полную грудь воздуха и дунул ему прямо в глаза. Малой Миа мигнул в комичном (и таком человеческом) изумлении. Вдохнул сам, на мгновение задержал дыхание, а потом... Он мог быть Королем королей, разрушителем миров, но в жизнь он вошел, как входят многие и многие дети, с криком ярости. От этого крика из глаз Миа вновь хлынули слезы, на этот раз радости. Дьявольские существа, собравшиеся вокруг новоявленной матери, конечно, были слугами Алого Короля, но тем не менее увиденное подействовало и на них. Они заплодировали, засмеялись. Присоединилась к ним и Сюзанна, пусть и кляня себя за это. Младенец повернулся на звук, в его глазах читалось изумление.

Плача, со слезами, катящимися по щекам, с закапавшими из носа соплями, Миа протянула руки.

— Дай его мне! — сквозь слезы выдохнула она; то плакала Миа, ничья дочь и мать одного. — Дай его мне, прошу тебя, позволь поддержать моего сына! Позволь поддержать моего малого. Позволь поддержать мою прелесть.

И младенец *повернул голову* на голос матери. Сюзанна сказала бы, что такое невозможно, но, разумеется, она сказала бы то же самое и про младенца, который родился, полностью проснувшись, с широко раскрытыми глазами, полным зубов ртом и стоящим концом. Однако во всем остальном младенец показался ей совершенно обычным: пухлым, с пропорциональными ручками и ножками, человеческим, а потому очень милым. Да, конечно, на пятке у него было родимое пятно, но разве мало появляется на свет детей с родимыми пятнами?

Разве ее отец, согласно семейной легенде, не родился с пятном во всю руку? Пятно на пятке никто бы и не увидел, разве что на пляже.

По-прежнему держа новорожденного на уровне лица, Скоутер посмотрел на Сейра. Возникла пауза. Воспользовавшись ею, Сюзанна могла бы без труда завладеть пистолетом доктора. Но даже не подумала об этом. Забыла и телепатический крик Джейка, и странный визит Роланда и ее мужа. Ее — точно так же, как и Джея, Стро, Хабера и остальных — зачаровало прибытие младенца в этот исстрадавшийся мир.

Сейр едва заметно кивнул, и Скоутер опустил крошку Мордредра, по-прежнему вопящего (по-прежнему поглядывающего через плечо, очевидно, на свою мать), в ждущие руки Миа.

Миа тут же развернула его, чтобы взглянуть на его личико, и сердце Сюзанны похолодело от тревоги и ужаса. Потому что Миа определенно тронулась умом. Ее глаза ярко блестели. Губы изгибались одновременно в улыбке и злобной ухмылке, слюна, розовая, загустевшая от крови из покусанного языка, текла по подбородку, но более всего напугал Сюзанну торжествующий смех Миа. Конечно, со временем она могла прийти в себя, но...

Никогда эта сучка не придет в себя, — возразила Детта, не без сочувствия. — *Слишком*

тяжело дался ей этот ребенок, вот она и сломалась. Для нее все кончено, и ты знаешь это не хуже моего!

— О, какой красавчик! — ворковала Миа. — Какие синие у тебя глазки, какая белая кожа, прямо-таки как первый снег на Широкую Землю! А какие у тебя сосочки, чисто ягодки, а какой член и яички, гладенькие, как персики! — Она огляделась. Прежде всего ее глаза прошлись по лицу Сюзанны, ставшей для Миа совершеннейшей незнакомкой, потом по остальным. — Посмотрите на моего малого. Вы, неудачники, вы, недоноски, посмотрите на мое сокровище, мою крошку, моего мальчика! — Она кричала на них, требовала внимания, смеялась безумными глазами и плакала перекошенным ртом. — Смотрите, ради кого я отдала вечную жизнь! Смотрите на моего Мордредра, смотрите на него очень хорошо, потому что второго такого вам никогда не увидеть!

Тяжело дыша, она покрывала замаранное кровью личико младенца поцелуями, сама пачкаясь в крови, и скоро уже выглядела, как пьяная женщина, попытавшаяся намазать губы помадой. Она смеялась и целовала пухлый двойной подбородок новорожденного, его соски, пупок, пенис, поднимая все выше и выше на трясущихся руках. А ребенок — она собиралась назвать его Мордредом — таращился на нее сверху вниз с написанным на личике изумлением. Она поцеловала его коленки, потом — обе крошечные ступни. Сюзанна услышала первое в этом лазарете чмокание: не младенец сосал грудь матери, а Миа — идеальной формы пальчики на ногах младенца.

3

Твой ребенок — погибель моего дина, — холодно подумала Сюзанна. — Если ничего больше мне не удастся, я успею выхватить пистолет Скоутера и пристрелить его. На это потребуется две секунды.

С ее быстротой, сверхъестественной быстротой стрелка, больше бы и не потребовалось. Но она не могла заставить себя пошевелинуться. Она рассматривала многие сценарии этого эпизода разворачивающейся драмы, но только не безумие Миа, такое не приходило ей в голову, и теперь она не знала, что делать. Сюзанна вдруг подумала, что ей еще очень повезло: связь между разумами, обеспечиваемая техникой, созданной инженерами «Северного центра позитроники», вовремя оборвалась. Иначе она тоже могла бы обезуметь.

А если связь вдруг снова подключат, сестричка... не думаешь ли ты, что действовать нужно прямо сейчас, пока у тебя есть такая возможность?

Но она не могла — не могла, и все тут. Превратилась в изваяние, замороженная происходящим у нее на глазах.

— Прекрати! — рявкнул на Миа Сейр. — Твоя работа — не облизывать его, а кормить! Если хочешь, чтобы он оставался с тобой, поторопись! Дай ему грудь! Или мне привести кормилицу? Многие отдали бы свои глаза за такой шанс!

— Никогда... никогда... в... ЖИЗНИ! — смеясь, выкрикнула Миа, но опустила ребенка и нетерпеливо рванула лиф надетой на нее просторной белой сорочки, обнажив правую грудь. Сюзанна понимала, почему мужчины так и липли к Миа. Даже теперь ее грудь являла собой идеальную, увенчанную кораллом полусферу, которая предназначалась скорее для мужской руки и мужской страсти, чем для губ младенца. Миа поднесла к ней новорожденного. На мгновение он вытаращился на грудь, точно так же, как таращился на

мать, его личико ударило о сосок, отскочило от него. А потом опустилось вниз, розовые губки сомкнулись на розовом бутоне соска, и он начал сосать.

Миа гладила малого по спутанным и пропитанным кровью черным волосам, продолжая смеяться. Для Сюзанны смех этот звучал, как крики.

Послышались тяжелые шаги: к сдвинутым кроватям приближался робот. Выглядел он точь-в-точь как Энди, робот-посыльный, такая же жердь высотой в семь или восемь футов, те же ярко-синие глаза, такое же сверкающее тело, те же конечности с множеством шарниров. В руках он держал большой стеклянный ящик, наполненный зеленым светом.

— Это еще что? — рявкнул Сейр. В голосе слышались злость и недоверчивость.

— Кувез^[24], — ответил Скоутер. — Я подумал, что лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Когда он повернулся к роботу, его плечевая кобура с пистолетом качнулась в сторону Сюзанны. Это был прекрасный шанс, лучший из тех, что предоставлялся ей ранее, и она это знала, но, прежде чем успела завладеть пистолетом, малой Миа *переменился*.

4

Сюзанна увидела красный свет, сбегающий по гладкой коже младенца от макушки к пятке с родимым пятном. То было не покраснение кожи: источник света находился снаружи, Сюзанна могла в этом поклясться. Младенец по-прежнему лежал на плоском животе Миа, обхватив губами сосок, а за красным светом последовала чернота, которая распространилась по всему телу, превратив человеческого ребенка в темного гнома, негатив розовенького ангелочка, который вышел из чрева Миа. И одновременно его тельце сжималось, ножки подтягивались и уползали в живот, головка, потащив за собой грудь Миа, уходила в шею, которая раздувалась, как у жабы. Синие глаза вдруг стали черными, потом вновь синими.

Сюзанна попыталась закричать, но не смогла.

По бокам черного существа появились вздутия, потом лопнули, открыв не ноги или руки, а лапки. Отметина, которая была на пятке, теперь сместилась на живот, превратилась в пятно, напоминающее алое клеймо на брюшке паука «черная вдова». Да, да, на Миа теперь лежал паук. Однако младенец исчез не полностью. На спине паука остался белый нарост. И в этом наросте Сюзанна видела миниатюрное, деформированное личико и синие искорки-глаза.

— Что... — спросила Миа, вновь начала приподниматься на локтях. Кровь полилась у нее из груди. Младенец пил ее, как молоко, не теряя ни капли. Рядом с Миа, окаменев, застыл Сейр, с отвалившейся челюстью, выпученными глазами. Чего-то он ожидал от этих родов, что-то об их возможном исходе ему определенно рассказали, но точно не такое. У Детты шок, который испытывал Сейр, вызвал злобную радость ребенка: по ее разумению, он выглядел, как комик Джек Бенни, выжимающий из публики смех.

С мгновение только Миа, похоже, понимала, что происходит, ибо лицо ее начало вытягиваться — то ли от ужаса, то ли от боли. Потом улыбка вернулась — ангельская улыбка мадонны. Она протянула руку и погладила все еще изменяющегося уродца, присосавшегося к ее груди, черного паука с крошечной человеческой головкой и красной отметиной на щетинистом брюшке.

— Разве он не прекрасен? — воскликнула она. — Разве мой сын не красавчик,

ослепительный, как летнее солнце?

То были ее последние слова.

Ее лицо не затвердело, но застыло. Щеки, лоб, шея, мгновением раньше пылавшие от напряжения, вызванного родами, поблекли до восковой белизны лепестков орхидеи. Сверкающие глаза уставились в одну точку. И внезапно Сюзанна поняла, что смотрит не на женщину, лежащую на кровати, а на *рисунок* женщины. Исключительно хороший рисунок, какие делаются на бумаге штрихами угля и несколькими пастельными тонами.

Сюзанна вспомнила, как она вернулась в отель «Плаза-Парк Хайатт» после первого посещения галереи замка Дискордия и как приходила сюда, в Федик, после первого разговора с Миа, в тени мерлона^[25]. Как небо, замок, камень мерлона разрывало надвое. И тут, словно причиной послужила ее мысль, лицо Миа разорвало от линии волос до подбородка. Глаза, уже потускневшие, разнесло в стороны, две губы растянулись и вдруг превратились в четыре, а из разлома на лице не хлынула кровь, нет, посыпался какой белый порошок с затхлым запахом. Сюзанне вспомнились слова Т. С. Элиота

(полые люди набитые чучела солома в башках)

и Льюиса Кэрролла

(да вы всего лишь колода карт)

и тут дан-тете Миа поднял отвратительную голову, оторвавшись от своей первой трапезы. Его вымазанный кровью рот раскрылся, и он приподнялся, нижними лапками опираясь на спадающий живот матери, верхними вроде бы нацелившись на Сюзанну.

Он торжествующе запищал и, если б воспользовался этим моментом, чтобы атаковать вторую женщину, лежащую рядом с той, что дала ему грудь, Сюзанна Дин наверняка умерла бы возле Миа. Вместо этого он вернулся к «сдувшейся» груди, из которой вкусил сначала молока, а потом крови, и оторвал ее. С чавканьем принялся жевать. Мгновением позже полез в образовавшуюся дыру. Белое человеческое личико исчезло, тогда как разорванное лицо Миа продолжала покрывать пыль, вырывающаяся из разлома в голове. Чавканье — грубое, напоминающее звуки, которые издает откачивающая воду машина, — продолжалось, и Сюзанна подумала: *Он забирает из нее всю жидкость, всю жидкость, которая в ней еще осталась. И посмотрите на него! Посмотрите, как он раздувается! Прямо-таки пиявка на шее лошади!*

И тут кто-то заговорил на чистом английском языке, с сочными интонациями истинного джентльмена:

— Прошу извинить меня, господа, но вам по-прежнему нужен кувез? Ибо ситуация в некотором роде изменилась, уж извините, что указываю на это.

От этого голоса чары, парализовавшие Сюзанну, рухнули. Она приподнялась на одной руке, а второй схватила рукоятку пистолета Скоутера. Дернула, но пистолет держал ремешок, перекинутый через рукоятку, и из кобуры вытащить его не удалось. Ее указательный палец нащупал рычажок предохранителя и сдвинул его. А потом она направила пистолет вместе с кобурой в грудь Скоутеру.

— Какого чер... — начал он, когда средним пальцем она нажала на спусковой крючок и тут же изо всей силы дернула пистолет. Ремни, которыми кобура крепилась на плече

Скоутера, выдержали. А вот тоненький ремешок, удерживающий рукоятку пистолета — нет. Скоутер повалился набок, пытаясь посмотреть на дымящуюся черную дыру в своем белом халате, пистолет остался у Сюзанны. Она застрелила Стро и вампира, который стоял позади него с электрическим мечом. Какое-то мгновение вампир еще стоял, во все глаза глядя на бога-паука, который поначалу так напоминал человеческого младенца, а потом его аура испарилась. За ней последовала и плоть. Так что осталась только пустая рубашка, заткнутая в пустые синие джинсы. И тут же одежда упала на пол.

— Убейте ее! — закричал Сейр, хватаясь за свой пистолет. — Убейте эту суку!

Сюзанна откатилась от паука, устроившегося на теле его быстро «сдувающейся» матери, срывая шлем, свалилась с кровати. Голову пронзила дикая боль, и Сюзанна уже подумала, что от шлема избавиться не удастся, но ударилась об пол уже без него. Шлем остался на кровати, украшенный по периметру ее волосами. Паук, оторвавшись от пиршества, когда тело его матери дернулось, сердито зашипел.

Сюзанна укатилась под кровать, когда загремели пистолетные выстрелы. Услышала, как зазвенела пружина, в которую попала одна из пуль. Увидела ступни и волосатые ноги крысоголовой медсестры и простелила ей колени. Медсестра вскрикнула, повернулась, визжа, захромала прочь.

Сейр наклонился вперед, направил пистолет на ту половину двойной кровати, на которой лежало тело Миа. В простыне уже чернели три дымящиеся дыры. Прежде чем Сейр успел добавить к ним четвертую, одна из лапок паука погладила ему щеку, разорвав маску, которую он носил, и обнажив заросшую шерстью кожу. Сейр, вскрикнув, отпрянул. Паук повернулся к нему, издав звук, очень уж похожий на мяуканье. Белый нарост с человеческим лицом на спине злобно зыркнул, как бы предупреждая Сейра: держись подальше от моей еды. И вновь дан-тете повернулся к женщине, которая женщину уже ничем и не напоминала, выглядела, как останки невероятно древней мумии, превратившиеся практически в пыль, прикрытую лохмотьями.

— Я бы сказал, все как-то запуталось, — заметил робот с инкубатором в руках. — Может, мне удалиться? Я мог бы вернуться, когда появится некоторая определенность.

Сюзанна изменила направление движения, выкатилась из-под кровати. Увидела, что двое «низших» мужчин дали деру. Джей, Ястреб, похоже, никак не мог решить, бежать ему или оставаться. Сюзанна приняла решение за него, прострелив коричневую голову. Полетели перья и кровь.

Приподнявшись, насколько могла, держась одной рукой за край кровати, Сюзанна вскинула вторую, с пистолетом Скоутера. Она уже уложила четверых. Крысоголовая медсестра и еще один «низший» мужчина убежали. Сейр выронил пистолет и попытался спрятаться за роботом с инкубатором.

Сюзанна застрелила двух оставшихся вампиров и «низшего» мужчину, похожего на бульдога. Этот — его звали Хабер — не забыл про нее, держал пистолет на изготовку, дожидаясь возможности всадить в нее пулю. Но Сюзанна опередила его и с чувством глубокого удовлетворения наблюдала, как он валится на пол. Хабер, решила она, был самым опасным.

— Мадам, если вас не затруднит, будьте так любезны сказать мне... — начал робот, и Сюзанна двумя быстрыми выстрелами разбила его ярко-синие глаза. Этому трюку она научилась у Эдди. Тут же заревела сирена. Сюзанна почувствовала, что оглохнет, если сирена так и будет реветь.

— МЕНЯ ОСЛЕПИЛИ РУЖЕЙНЫМ ОГНЕМ! — проорал робот все тем же абсурдным, не-желаете-чашечку-чая-мадам, выговором. — ВИДИМОСТЬ НУЛЕВАЯ, МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ, КОД 7, Я ГОВОРЮ, МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ!

Сейр выступил из-за робота, высоко подняв руки. Из-за сирены и криков робота Сюзанна не могла расслышать, что он говорит, но прочитала слова по губам этого мерзавца: «Я сдаюсь, вы примете мое обещание более не участвовать в боевых действиях?»

Сюзанна улыбнулась этому забавному вопросу, не отдавая себе отчета в том, что улыбается. В улыбке этой не было ни веселья, ни жалости, она означала только одно: будь у Сюзанны время, она заставила бы Сейра вылизывать ее культы, точно так же, как он заставил Миа лизать его туфли. Но времени на это не было. Он прочел свой приговор в ее усмешке и повернулся, чтобы убежать, но Сюзанна выстрелила в него дважды, раз — за Миа, второй — за отца Каллагэна. Череп Сейра разлетелся брызгами крови и ошметками мозга. Он ухватился за стенку, попытался зацепиться за полку с каким-то оборудованием... На пол повалился уже мертвым.

Теперь Сюзанна взяла на мушку паука-бога. Миниатюрное белое личико на его черной щетинистой спине повернулось к ней. Синие глаза, до жути похожие на глаза Роланда, сверкнули.

Нет, ты не сможешь! Не должна! Ибо я — единственный сын Короля!

Не смогу? — мысленно ответила она вопросом на вопрос, прицеливаясь. — *Сладенький, сейчас ты увидишь, как же ты в этом... ОШИБАЕШЬСЯ!*

Но прежде чем она успела нажать на спусковой крючок, за спиной прогремел пистолетный выстрел. Пуля обожгла ей шею. Сюзанна отреагировала мгновенно, повернулась и повалилась в проход. Один из «низших» мужчин, что убежали сразу же, видать, вспомнил о долге и вернулся. Сюзанна всадила ему в грудь две пули, заставив пожалеть о принятом решении.

Она повертела головой, ею овладело желание убивать и убивать (да, этого она хотела, для этого ее создали, и она знала, что навек признательна Роланду, который показал ей, какая она на самом деле), но остальные умерли или убежали. Паук на многочисленных мохнатых лапках спускался вниз по ножке кровати, наконец-то оторвавшись от трупа матери. На мгновение обратил к ней белоснежное личико младенца.

Ты поступишь правильно, Черная, если дашь мне уйти. Иначе...

Она выстрелила в него, но в тот самый момент зацепилась за руку Ястреба. И пуля, которая убила бы чудовище, чуть отклонилась, отстрелила одну из восьми мохнатых лапок. Желтовато-красная жидкость — скорее гной, чем кровь, — потекла из того места, где лапка присоединялась к телу. Чудовище закричало, от боли и изумления. В диапазоне слышимости крик этот растворился в вое сирены робота, но Сюзанна услышала его в своей голове, громкий и ясный.

Я тебе за это отплачу! Мой отец и я, мы тебе за это отплатим! Заставим тебя молить о смерти, вот что мы сделаем!

У тебя не будет такого шанса, сладенький, — ответила Сюзанна, стараясь вложить в эту мысль максимум уверенности, не хотела, чтобы чудовище узнало о том, в чем она сама не сомневалось: в пистолете Скоутера патронов не осталось. Она тщательно, пусть этого и не требовалось, прицелилась, а паук быстро-быстро убежал от нее, сначала метнулся за ревущего сиреной робота, потом в дверной проем.

Ну и ладно, подумала она. Не самый лучший исход, с какой стороны ни посмотри, но

она по-прежнему жива, а это просто отлично.

А как насчет того, что вся команда сэя Сейра мертва или разбежалась? Тоже неплохо.

Сюзанна отбросила пистолет Скоутера и выбрала другой, на этот раз вальтер ППК. Взяла его из кобуры Стро, потом обыскала карманы, нашла с полдюжины запасных обойм. Подумала, а не добавить ли к своему арсеналу электрический меч вампира, решила оставить его на месте. Всегда лучше пользоваться тем оружием, которое знаешь, чем браться за что-то новое.

Сюзанна попыталась связаться с Джейком, но не смогла расслышать себя и повернулась к роботу.

Эй, большой мальчик! Как насчет того, чтобы заткнуть эту чертову сирену?

Она понятия не имела, станет ли ее мысль приказом для робота, но стала. Мгновенно воцарилась буквально осязаемая, муарово-шелковая, божественная тишина. И такая нужная. Если б враги перешли в контратаку, она бы услышала их приближение. И если по правде, она надеялась на эту контратаку, хотела, чтобы они бросились на нее, не думая, имеет ли это смысл или нет. Она держала в руке заряженный пистолет, и кровь бурлила. Все остальное не играло никакой роли.

(Джейк, Джейк, ты слышишь меня, малыш? Если слышишь, ответь своей старшей сестричке?)

Ответа она не получила. Не услышала даже далекого грохота стрельбы. Он находился за пределами до...

Потом — одно-единственное слово... слово ли?

(уимове)

Что более важно, Джейк ли его послал?

Точно она не знала, но думала, что да. И слово это почему-то показалось ей знакомым.

Сюзанна сосредоточилась, с тем, чтобы послать Джейку максимально сильный сигнал, но тут в голову пришла странная мысль, слишком странная, чтобы ее источником была интуиция. Джейк старался не давать о себе знать. Он... прятался? Может, сидел в засаде, изготовившись к внезапной атаке? Безумная, конечно, идея, но, возможно, кровь бурлила и у него. Она этого не знала, но думала, что он или специально послал ей это единственное, странное слово

(уимове)

или оно случайно выскользнуло из его сознания. В любом случае следовало на какое-то время оставить его в покое.

— Я говорю, что ослеплен ружейным огнем! — настаивал робот. Говорил, конечно, громко, но уже не орал. — Я не вижу ни зги, и еще этот кувез...

— Брось его, — предложила Сюзанна.

— Но...

— Брось его, Чамли^[26].

— Прощу извинить, мадам, но меня зовут Найджел-Дворецкий, и я действительно не могу...

По ходу этого разговора Сюзанна на руках и коленях подобралась к роботу поближе — как она выяснила, привычные средства передвижения не забылись только из-за того, что на какое-то время ее тело снабдили ногами, и прочитала имя, серийный номер и функциональное предназначение робота на табличке, закрепленной на его хромированно-стальном корпусе.

— Найджел дэ-эн-ка 45932, брось этот гребаный стеклянный ящик и скажи: «Спасибо тебе».

Робот (**ПОМОЩНИК ПО ДОМУ**, как значилось под серийным номером) уронил кувез и вскрикнул, когда он разбился у его стальных ног.

Сюзанна тем временем добралась до Найджела и обнаружила, что ей пришлось преодолевать страх, который на мгновение помешал ей протянуть руку вверх и взяться за трехпалую стальную кисть робота. Она даже напонила себе, что это не Энди из Кальи Брин Стерджис, и Найджел не может ничего знать об Энди. Разработчики робота-дворецкого, возможно — а может, и нет — снабдили его достаточно сложным позитронным мозгом, чтобы жаждать мести (Энди точно снабдили), но в принципе нельзя жаждать того, о чем не знаешь.

Сюзанна надеялась, что робот не знал.

— Найджел, подними меня.

В жужжании сервомоторов робот наклонился.

— Нет, сладенький, тебе нужно чуть продвинуться вперед. А так ты поднимешь осколки стекла.

— Прошу меня извинить, мадам, но я слеп. Как я понимаю, именно вы меня и ослепили.

Ну вот, приехали.

— Послушай меня, — она надеялась, что раздражение в голосе скроет страх, — я точно не смогу найти тебе новые глаза, если ты меня не поднимешь. Так что шевелись, делай, что тебе говорят. Время уходит.

Найджел шагнул вперед, кроша металлом стекло, на звук ее голоса. Сюзанна с трудом подавила желание отпрянуть, но, как только помощник по дому нащупал ее, руки его стали очень нежными. И поднял он Сюзанну очень осторожно.

— А теперь отнеси меня к двери.

— Мадам, вы уж меня извините, но в Шестнадцатом много дверей. И еще больше под замком.

Сюзанна и не пыталась скрыть любопытство.

— Как много?

Короткая пауза.

— Я бы сказал, что на текущий момент функционируют пятьсот девяносто пять дверей.

Сюзанна тут же прикинула, что пять, девять и пять в сумме дают девятнадцать. В сумме дают *чеззет*.

— Тебя не затруднит отнести меня к той двери, через которую я прошла до того, как началась стрельба? — Сюзанна указала на дверь в дальнем конце лазарета.

— Нет, мадам, меня не затруднит, но, к сожалению, должен сообщить вам, что толку от этого не будет. — Найджел говорил все тем же сочным голосом. — Эта дверь, НЬЮ-ЙОРК-7/ФЕДИК, односторонняя. — Пауза, в стальном куполе щелкали реле. — Кроме того, она сторела при последнем использовании. Она, как вы могли бы сказать, ступила в пустошь на конце тропы.

— Потрясающе! — воскликнула Сюзанна, но поняла, что новости Найджела не так уж ее и удивили. Она помнила гудение, которое услышала, когда Сейр грубо втолкнул ее в дверь, помнила, как подумала, пусть ее занимало и другое, о том, что эта техника умирает. Вот она и умерла. — Просто *потрясающе!*

— Я чувствую, вы расстроились, мадам.

— Ты чертовски прав, я расстроилась! Мало того, что эта гребаная дверь открывалась только в одну сторону! Так теперь и вообще сломалась.

— Сломалась, — согласился Найджел, — но это поправимо.

— Поправимо? Это ты про что?

— Про дверь НЬЮ-ЙОРК-9/ФЕДИК, — ответил Найджел. — В свое время существовал тридцать один односторонний канал Нью-Йорк-Федик, но, насколько мне известно, сейчас остался только один, № 9. И все команды, обеспечивающие перемещение по каналу НЬЮ-ЙОРК-7/ФЕДИК теперь автоматически переключились на канал НЬЮ-ЙОРК-9/ФЕДИК.

Чеззет, — подумала она... взмолилась, чтобы так оно и было. — *Думаю, он говорит о чеззет. Господи, надеюсь, что говорит.*

— Ты про пароли и все такое, Найджел?

— Да, конечно, мадам.

— Отнеси меня к двери номер девять.

— Как вам будет угодно.

Найджел быстро двинулся по проходу между сотнями кроватей. Туго натянутые белые простыни отражали яркий свет висящих под самым потолком ламп. Воображение Сюзанны мгновенно населило этот огромный лазарет кричащими, перепуганными детьми, только что прибывшими из Кальи Брин Стерджис, возможно, и из соседних городков. Она видела не одну крысоголовую медсестру — сотни, и все они спешили надеть шлемы на головы похищенных детей, чтобы начать процесс... чего? Короче, процесс, который губил их, высасывал из них разум, разрушал гормональный баланс, превращал в рунтов. Сюзанна предположила, что поначалу их успокаивал приятный голос, который начинал звучать в голове каждого, голос, приглашающий в удивительный мир «Северного центра позитроники» и «Сомбра групп». Они переставали плакать, их глаза загорались надеждой. Возможно, они даже начинали думать, что медсестры в белых халатах не такие уж и плохие, несмотря на их волосатые страшные морды и желтые клыки. Такие же хорошие, как этот приятный женский голос.

А потом начиналось жужжание, быстро набирающее силу, перемещающееся в центр головы, и лазарет вновь наполнялся испуганными криками...

— Мадам? Вы в порядке?

— Да. А почему ты спрашиваешь, Найджел?

— Как мне показалось, вы задрожали всем телом.

— Не важно. Неси меня к двери в Нью-Йорк, той, что еще работает.

Как только они покинули лазарет, Найджел быстрым шагом понес ее по одному коридору, потом по другому. Они подошли к эскалаторам, которые, судя по их виду, остановились многие сотни лет назад. Когда спускались по одному из них, стальной шар на ножках сверкнул Найджелу янтарными глазами и крикнул:

— Перепрыгивай! Перепрыгивай!

Найджел ответил:

— Перепрыгиваю, перепрыгиваю! — а потом добавил, уже Сюзанне, доверительным

тоном, каким сплетники любят обсуждать неудачников: — Это Бригадир механиков, и он застрял там более восьмисот лет назад. Полагаю, заклинило панелями эскалатора. Бедняга! Но все еще старается предостеречь других.

Дважды Найджел спросил ее, верит ли она, что его глаза можно заменить. Первый раз Сюзанна ответила, что не знает. Второй, что сожалеет о случившемся, и поинтересовалась его мнением на этот счет.

— Я думаю, дни моей службы подходят к концу, — ответил он, а потом добавил еще пару слов, от которых по ее рукам побежали мурашки: — О, Дискордия!

Братья Дьем мертвы, — подумала она, вспоминая что-то (Грезу? Видение? Открывшийся ей образ ее Башни?), происходившее с ней, когда она делила тело с Миа? Или была в Оксфорде, штат Миссисипи? — *Папа Док Дювалье мертв. Криста Маколифф*^[27] *мертва, Стивен Кинг мертв, популярный писатель погиб во время послеполуденной прогулки. О, Дискордия, о, потерянная!*

Но кто такой Стивен Кинг? Кто такая Криста Маколифф?

Они прошли мимо «низшего» мужчины, который присутствовал при родах Миа. Он лежал на пыльном полу коридора, свернувшись, как человеческая креветка, с пистолетом в руке и дыркой от пули во лбу. Сюзанна подумала, что он покончил с собой. И она понимала, почему он так поступил. Потому что события вышли из-под контроля Сейра и его прихвостней, не так ли? И если монстру, рожденному Миа, не удастся добраться до своих, Большой Алый Папа сильно осерчает. Возможно, осерчает даже в том случае, если Мордред найдет-таки дорогу к дому.

Его *второй* отец. Ибо это мир близнецов и зеркальных отражений, и теперь Сюзанна понимала в том, что видела, гораздо больше, чем прежде, гораздо больше, чем ей хотелось понимать. Мордред тоже был близнецом, Джекилом и Хайдом в одном флаконе, и он — или оно — имел двух отцов, лица которых ему приходилось помнить.

Они прошли мимо других трупов. По разумению Сюзанны, исключительно самоубийц. Она спросила Найджела, может ли он это определить, по запаху, по чему-либо еще, но получила отрицательный ответ.

— Сколько их тут еще, как по-твоему? — спросила она. Кровь бурлила уже не столь сильно, вот Сюзанна и начала нервничать.

— Не много, мадам. Как я понимаю, в большинстве своем они покинули это место. Скорее всего перебрались в Дерву.

— Дерва — это что? И где?

Найджел ответил, что, к великому его сожалению, это секретная информация, и он может поделиться ею, лишь услышав соответствующий пароль. Сюзанна тут же сказала:

— *Чеззет*, — но, увы.

Не дали результата ни *девятнадцать*, ни *девянсто девять*. Она решила, что придется удовлетвориться малым: большинство обитателей этого «Догана» перебрались куда-то еще.

Найджел повернул налево, в новый коридор, с дверями по обе стороны. Она задержала его, чтобы заглянуть за одну из дверей, но не увидела там ничего особенного. Обычное служебное помещение, давно не используемое, если судить по толстому слою пыли. Заинтересовал ее разве что постер с танцующими что-то быстрые подростками. Под ними она прочитала надпись большими синими буквами:

Сюзанна практически не сомневалась, что исполнитель на сцене — Ричард Пенниман ^[29]. Клубные завсегдатаи вроде нее относились с легким презрением ко всем, кто темпом превосходил Фила Окса ^[30], но Сюзии тем не менее питала слабость к Литтл Ричарду; «милая крошка, мисс Молли, вам, конечно, нравится трахаться в поле». Она полагала, что Литтл Ричард очень уж был по душе Детте.

Может, в стародавние времена эти люди использовали двери, чтобы отправляться в отпуск в разные где и когда? Использовали силу Лучей, чтобы превратить некоторые уровни Башни в туристические достопримечательности?

Сюзанна спросила Найджела, тот ответил, что насчет этого он точно ничего не знает. По голосу чувствовалось, что Найджел по-прежнему грустит из-за потери глаз.

Наконец они пришли в большую ротонду, где каждое слово отдавалось эхом. По периметру тянулись двери. Пол устлала черно-белые мраморные плиты, уложенные в шахматном порядке. Сюзанна помнила этот пол из тревожных снов, в которых Миа кормила своего малого. Над головой, высоко-высоко, на синем куполе, по которому змеилось множество трещин, мерцали электрические лампочки-звезды. Ротонда напомнила Сюзанне Колыбель Луда, а еще больше Гранд-сентрал-стейшн ^[31]. Где-то в этих стенах шумно работали кондиционеры или вентиляторы. Воздух пах чем-то очень знакомым, и вскоре Сюзанне удалось идентифицировать запах: «Комет клинзер». Производитель этих чистящих средств спонсировал передачу «Правильная цена», которую она иногда смотрела по телевизору, если оставалась утром дома. «Я — Дон Прадо, а теперь давайте поприветствуем нашего ведущего, мистера Билла Каллена». На мгновение голова у Сюзанны пошла кругом, она закрыла глаза.

Билл Каллен мертв. Дон Прадо мертв. Мартин Лютер Кинг мертв, застрелен в Мемфисе. Правь, Дискордия.

Боже, эти голоса, ну почему они не замолкают?

Она открыла глаза и увидела двери с табличками: ШАНХАЙ/ФЕДИК, БОМБЕЙ/ФЕДИК, ДАЛЛАС (НОЯБРЬ 1963)/ФЕДИК. Другие маркировались рунами, которые ей ничего не говорили. Наконец, Найджел остановился у двери, надпись на которой она прочитала без труда:

СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ, ЛТД.

Нью-Йорк/Федик

Максимальный уровень безопасности

Все это Сюзанна видела и на другой стороне двери, но под надписью **ВХОД ПО РЕЧЕВОМУ ПАРОЛЮ** зловеще мигала красным еще одна:

№ 9 ПРОГРАММЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНЫ

7

— Что мне теперь делать, мадам? — как всегда, вежливо осведомился Найджел.

— Опусть меня на пол, сладенький.

Она не успела даже подумать о том, чтобы будет делать, если Найджел не послушается, но он исполнил приказ без малейшего колебания. На руках и коленях Сюзанна добралась до двери, уперлась в нее ладонями. На ощупь чувствовалось, что это не дерево и не металл. Ей показалось, что она слышит слабое гудение. Она подумала о том, чтобы произнести «Чеззет», ее вариант «Сезам, откройся» Али-Бабы, но решила не сотрясать воздух. На двери не было даже ручки. Односторонняя — значит, односторонняя, решила она. Без дураков.

(ДЖЕЙК!)

Она послала сигнал, вложившись в него без остатка.

Никакого ответа. Даже слабенького

(уимове)

бессмысленного слова. Она еще подождала, потом развернулась и села, привалившись спиной к двери. Положила запасные обоймы между раздвинутых колен, подняла правую руку с вальтером ППК. Хорошее оружие, решила Сюзанна, если ты сидишь спиной к запертой двери; ей нравилась тяжесть пистолета, придавала уверенности в собственных силах. Когда-то давно она и другие практиковали метод выражения протеста, именуемый непротивлением. Лежать на полу столовой, прикрывая чувствительный к ударам живот и еще более чувствительные половые органы. Не реагировать на тех, кто бьет тебя, оскорбляет, прокликает твоих родителей. Петь в кандалах, как море^[32]. И что сказали бы ее прежние друзья, увидев, какая она стала теперь?

— Знаете, что я думаю по этому поводу? — воскликнула Сюзанна. — Мне на это наплевать. Потому что непротивление тоже мертво.

— Мадам?

— Не обращай внимания, Найджел.

— Мадам, позвольте спросить...

— Что я делаю?

— Именно так, мадам.

— Жду друга, Чамли. Просто жду друга.

Она подумала, что DNK 45932 сейчас напомнит ей: его зовут Найджел. Но робот спросил, как долго она собирается ждать. Пока не замерзнет ад, проинформировала его Сюзанна. Последовала долгая пауза, которую в конце концов прервал Найджел:

— Тогда я могу идти, мадам?

— А как ты что-то увидишь?

— Я переключился на инфракрасный диапазон. Хуже, конечно, чем трехмерное макровидение, но я смогу добраться до ремонтных мастерских.

— А в ремонтных мастерских есть кому починить тебя? — без особого любопытства, как бы между прочим, спросила Сюзанна. Нажала на кнопку фиксатора обоймы в рукоятке вальтера, потом вернула обойму на место, получив удовольствие от металлического звука, который издавала обойма, скользя по хорошо смазанному направляющим.

— С уверенностью сказать не могу, мадам, — ответил Найджел, — хотя вероятность, что там есть кому меня починить, крайне невелика, менее одного процента. Если никто не придет, я, как и вы, подожду.

Сюзанна кивнула, внезапно почувствовав навалившуюся усталость, уверенность в том, что великий поход для нее закончится именно здесь, она так и останется сидеть, привалившись спиной к двери. *Но ты не сдалась, не так ли? Сдаваться — это для слабаков, не для стрелков.*

— Счастливого тебе пути, Найджел... спасибо, что донес. Долгих дней и приятных ночей. Надеюсь, тебе вставят новые глаза. Извини, что расстреляла эти, но я немного нервничала и не знала, на чьей ты стороне.

— И вам наилучшие пожелания, мадам.

Сюзанна кивнула. Найджел ушел, и она осталась одна, у двери в Нью-Йорк. Дожидаясь Джейка. Прислушиваясь к Джейку.

Но слышала только скрипящий, умирающий машинный гул, доносящийся из стен.

Только угроза, что «низшие люди» вместе с вампирами могут убить Ыша, и заставила Джейка забыть о желании умереть рядом с отцом Каллагэном. Более он не колебался с решением. Закричал

(ЫШ, КО МНЕ!)

во всю мощь ментальных сил, и Ыш последовал за ним, не отставая ни на шаг. Джейк пробежал мимо «низших людей», зачарованных черепашкой, напрямик направился к двери с надписью «Только для сотрудников». Из оранжево-красного полумрака обеденного зала они попали в ослепительно белый свет, резкий пряный запах готовки, горячий и влажный пар, который ударил в лицо мальчику,

(джунгли)

возможно, предвосхищая то, что ждало его впереди

(громадные джунгли),

возможно, нет. Когда глаза Джейка приспособились к резкой смене освещенности (зрачки сузились, превратившись в булабочные головки), он понял, что находится на кухне «Дикси-Пиг». И не в первый раз. Однажды, незадолго до появления Волков в Калье Брин Стерджис, Джейк последовал за Сюзанной (только тогда она была Миа) в сон, в котором она забрела в огромную и пустынную кухню в поисках еды. Эту самую кухню, только сейчас жизнь в ней была ключом. Большая свинья, шипя капающим жиром, вращалась на железном вертеле над открытым огнем. Языки пламени проскакивали сквозь металлическую решетку всякий раз, когда в огонь попадала капля жира. С обеих сторон жаровни стояли гигантские плиты с медными колпаками вытяжки, на которых что-то кипело в кастрюлях высотой чуть ли не в рост Джейка. Содержимое одной помешивало существо с серой кожей, такое отвратительное, что глаза Джейка просто отказывались на него смотреть. Серый, с толстенными губами рот окаймляли два бивня. Дряблые щеки со свисающими мешками покрывали мерзкие бородавки. А белый, в пятнах, поварской наряд и такой же колпак шеф-повара на голове только усиливали ужас, который вызывала эта тварь, словно покрытая белым лаком. За чудовищем, практически скрытые паром, два других существа, тоже в белом, бок о бок мыли посуду в двойной раковине. Джейк заметил, что у обоих на шею повязаны платки. Один, похоже, был человеком — юношей лет семнадцати, второй более всего напоминал здоровенного двуногого кота.

— Вай, вай, дрянные мальчишки. Тре канниц эн фонс! — кричал украшенный бивнями шеф-повар на молодых посудомойщиков, запекая их за нерадивость.

Джейка он еще не заметил. В отличие от одного из посудомойщиков, кота. Тот прижал уши к голове, зашипел. Не раздумывая, Джейк бросил орису, которую держал в правой руке. Она пересекла заполненную паром кухню и легко, как раскаленный нож — масло, разрубила шею кота-посудомойщика. Отделившаяся от туловища голова с еще сверкающими зелеными глазами плюхнулась в заполненную водой раковину, подняв фонтан брызг.

— Сан фай, кан дит лос! — вскричал шеф-повар. То ли не увидел, что произошло, то ли

не мог осознать увиденного. Посмотрел на Джейка. Из-под покатого, в толстых складках лба на мальчика глянули два затуманенных серо-синих глаза, прямо-таки человеческих. Теперь, когда шеф-повар повернулся к Джейку лицом, мальчик понял, что перед ним невесть откуда взявшийся разумный кабан-бородавочник. И судя по всему, жарил он свою ближайшую родственницу. С другой стороны, в «Дикси-Пиг» такое, похоже, считалось обычным делом.

— Как фой мальчишка ан-тет кан фа! Ши-со ран! Вай! — Вот это уже адресовалось Джейку. А потом, чтобы довести идиотизм ситуации до предела, бородавочник вдруг заговорил на понятном Джейку языке. — А если ты не хочешь мыть посуду, нечего даже и начинать!

Второй посудомойщик, человек, что-то выкрикнул, похоже, предупреждая шеф-повара об опасности, но тот не обратил внимания на его слова. Шеф-повар, видать, верил, что Джейк, убив одного из его помощников, теперь просто обязан занять место мертвого кота.

Джейк бросил вторую тарелку, и она рассекла шею бородавочника, оборвав его монолог. Не меньше галлона крови выплеснулось на плиту справа от чудовища. Кровь зашипела, на кухне завоняло горелым. Голова бородавочника откинулась влево, потом назад, но не отлетела. Существо, ростом никак не меньше семи футов, сделало два неуверенных шага к жаровне и обхватило руками вращающуюся на вертеле свинью. Голова Бородавочника улеглась на плечо, один глаз смотрел сквозь пар на флуоресцентные лампы под потолком. Жар припечатал ладони шеф-повара к свинье, и они начали таять. А потом чудовище рухнуло на железную решетку, и одежда тут же вспыхнула.

Джейк вовремя развернулся, чтобы увидеть второго посудомойщика, приближающегося к нему с мясницким ножом в одной руке и топориком в другой. Джейк выхватил из плетеной сумки еще одну орису, но не бросил ее, хотя голос в голове твердил: *бросай, бросай, бросай, отстриги мерзавцу голову вместе с волосами*. Сделать «глубокую стрижку», так, он однажды это слышал, называла это действие Маргарет Эйзенхарт. Другие женщины, тренирующиеся вместе с ней в метании тарелок, услышав ее слова, еще громко рассмеялись. И тем не менее Джейк сдержал руку, пусть ему и хотелось бросить тарелку.

Он видел перед собой юношу, кожа которого в ярком свете отливала желто-серым. На изможденном лице — чувствовалось, что кормят юношу плохо, — читался страх. Джейк предупреждающе замахнулся тарелкой, и юноша остановился. Только смотрел он не на рису, а на Ыша, который расположился между ног мальчика. Шерсть ушастика-путаника встала дыбом, отчего размеры его увеличились вдвое. Ярко блестели оскаленные зубы.

— Ты... — начал Джейк, и тут дверь в ресторан распахнулась. В кухню ворвался один из «низших людей». Джейк без промедления бросил тарелку. Она просвистела по заполненному паром воздуху и срезала голову незваному гостю аккуратно над адамовым яблоком. Тело без головы шагнуло вправо, потом влево, словно комик, срывающий аплодисменты зрителей, изображая пьяного, потом рухнуло.

Через мгновение Джейк держал тарелки уже в обеих руках. Вновь скрестил руки на груди — эту позицию сэй Эйзенхарт называла «на изготовку». Посмотрел на посудомойщика, который по-прежнему стоял с ножом в одной руке и топориком в другой. «Однако угрозы в нем нет», — подумал Джейк. Он предпринял вторую попытку и на этот раз задал вопрос полностью:

— Ты говоришь на моем языке?

— Да, — ответил юноша. Отбросил топорик, поднял руку и свел большой, покрасневший от горячей воды палец и мизинец на расстояние в четверть дюйма. — Чуть-

чуть. Выучил, после того, как попасть сюда. — Он разжал вторую руку, и мясницкий нож присоединился к топорнику на полу кухни.

— Ты родом из Срединного мира? — спросил Джейк. — Оттуда, так?

Джейку посудомойщик не показался шибко сообразительным («В телевикторине ему не победить», — без сомнения, хмыкнул бы на его счет Элмер Чеймберз), но при этом ему хватало ума, чтобы тосковать по дому. Несмотря на ужас, охвативший юношу, Джейк увидел, как сверкнули его глаза.

— Да. Из Лудвега я.

— То есть ты жил где-то рядом с Лудом?

— К северу от него, если тебе будет угодно или если нет, — ответил посудомойщик. — Ты убьешь меня, мальчик? Я не хочу умирать, пусть и жизнь моя печальная.

— Я тебя не убью, если ты скажешь мне правду. Через кухню проходила женщина?

Посудомойщик ответил после короткой паузы.

— Ага. Сейр и его команда тащили ее. Безногую, голова болталась... — Он продемонстрировал, как болталась голова Сюзанны, еще более напоминая деревенского идиота. Джейк вдруг вспомнил Шими. Роланд упоминал о нем, рассказывая о Меджисе.

— Но не мертвую.

— Нет, я слышал ее дыхание, да.

Джейк искоса глянул на дверь. Никто через нее не рвался. Пока. Ему, конечно, надо идти, но...

— Как тебя зовут?

— Джохабим, это я, сын Хоссы.

— Тогда слушай, Джохабим. За этой кухней большой мир, называется он Нью-Йорк, и такие юноши, как ты, там свободны. Я советую тебе сбежать отсюда, пока есть такая возможность.

— Они поймают меня и изрежут на куски.

— Нет, ты просто не понимаешь, какой он огромный, Нью-Йорк. Как Луд, когда Луд...

Он посмотрел в тупое лицо Джохабима и подумал: *Нет, кто не понимает, так это я. И если и дальше болтаться здесь, уговаривая его бежать, я, безусловно, получу то, что...*

Дверь в ресторан вновь распахнулась. На этот раз двое «низших людей» попытались ворваться на кухню. Понятное дело, они застряли в дверном проеме, плечом к плечу. Джейк бросил две тарелки и наблюдал, как они рассекают заполненный паром воздух. Головы прищельцев отделились от шей в тот самый момент, когда им удалось миновать дверной проем. Их отбросило назад, и дверь снова захлопнулась. В школе Пайпера Джейк узнал о битве при Фермопилах, в которой отряд греков долго сдерживал армию персов, численностью превосходившую его в десятки, а то и сотни раз. Греки сражались с персами в узком горном проходе. Для Джейка таким проходом являлась дверь на кухню. Пока они пытались ворваться сюда по одному или вдвоем, если только не могли обойти его с тыла, он мог их сдержать.

Во всяком случае, до того момента, как в плетеной сумке закончатся орисы.

— Оружие? — спросил он Джохабима. — Есть тут где-нибудь оружие?

Джохабим покачал головой, но, учитывая раздражающую тупость паренька, это покачивание могло означать как: «На кухне оружия нет», так и: «Я тебя не понимаю».

— Ладно, я пошел, — сказал Джейк. — И если ты не смоешься отсюда, пока у тебя есть шанс, Джохабим, ты покажешь себя круглым дураком. Я понимаю, умом тебя природа

обделила, но ведь в голове у тебя не солома. За этими стенами видеоигры, парень... подумай об этом.

Джохабим, однако, продолжал тупо смотреть на Джейка, и мальчик сдался. Собрался что-то сказать Ышу, когда к нему обратились из-за двери.

— Эй, малыш! — Голос грубый. Уверенный. Знающий этот мир. *Голос человека, который может ударить тебя, чтобы отнять пять баксов, или переспать с твоей подружкой, если вдруг возникло такое желание,* — подумал Джейк. — Твой друг, папа, мертв. Собственно, папу съели на обед. А теперь выходи, и без глупостей, тогда, возможно, не станешь десертом.

— Засунь свой хер себе в зад, — крикнул в ответ Джейк. Смысл этих слов прошиб даже стену глупости Джохабима. На его лице отразился ужас.

— Даю тебе последний шанс, — продолжил грубый и всезнающий голос. — Выходи.

— Лучше входи ты, — предложил Джейк. — Тарелок мне хватит!

В действительности же его переполняло идиотское желание броситься к двери. Ворваться в ресторан, вступить в бой с «низшими» мужчинами и женщинами, которые столпились по другую сторону двери. И идея эта была отнюдь не безумной, тут с ним согласился бы даже Роланд; они такого никак не могли ожидать, так что полдюжины быстро и удачно брошенных тарелок могли вызвать панику и обратить оставшихся в бегство.

Но главная угроза исходила от монстров, которые кормились за гобеленом. Вампиров. Они бы не запаниковали, и Джейк это знал. Его не отпускала мысль, что он бы уже умер, если б Праотцы захотели войти на кухню (пока точно не хотели, что-то удерживало их в обеденном зале, возможно, еще не доеденное тело отца Каллагэна), да и Джохабим тоже.

Он упал на колени, прошептал:

— Ыш, ищи Сюзанну, — и усилил команду, послав ушастик-путанику ментальный образ.

Ыш еще раз недоверчиво глянул на Джохабима, а потом принялся обнюхивать пол. Плитки влажно блестели, их недавно протирали, и Джейк уже испугался, что ушастик не сможет учуять запах Сюзанны. Но тут Ыш резко вскрикнул, скорее, тьякнул, как собака, и побежал к середине кухни, лавируя между плит и паровых столов. Обогнув по широкой дуге дымящееся тело шеф-повара Бородавочника и двинулся дальше.

— Послушай меня, маленький говнюк! — крикнул «низший» мужчина из-за двери. — Я начинаю терять терпение!

— Вот и хорошо! — ответил Джейк. — Заходи! И поглядим, сможешь ли ты выйти!

Он посмотрел на Джохабима, приложил палец к губам, показывая, что тот должен молчать. Хотел уже повернуться и побежать (он не мог знать, как скоро посудомойщик начнет кричать, что мальчик и его ушастик-путаник более не охраняют кухонные Фермопилы), когда Джохабим вдруг что-то сказал ему тихим голосом, скорее прошептал.

— Что? — переспросил Джейк, в недоумении глядя на посудомойщика. Вроде бы он сказал: «Берегись ловушки разума». Бред какой-то. Или нет?

— Берегись ловушки разума, — повторил Джохабим громче и отчетливее и повернулся к своим кастрюлям в мыльной воде.

— Что такое ловушка разума? — спросил Джейк, но Джохабим вроде бы его и не услышал, да и время задавать вопросы вышло. Он побежал за Ышем, то и дело оглядываясь: если бы «низшие люди» попытались вновь ворваться на кухню, Джейк хотел узнать об этом первым.

Но никто не ворвался, во всяком случае, до того момента, как он последовал за Ышем в другую дверь, которая привела их в кладовую, заставленную ящиками и коробками и благоухающую кофе и пряностями. Она очень напоминала подсобку магазина в Ист-Стоунэме, только была чище.

В углу кладовой «Дикси-Пиг» находилась закрытая дверь. За ней — лестница, ведущая вниз, только Господь знал, как глубоко. Ее освещали маломощные лампочки за стеклянными засиженными мухами колпаками. Ыш двинулся по лестнице первым, без малейшего колебания, переставляя со ступеньки на ступеньку сразу по две лапы, сначала передние, потом задние. Выглядело это довольно комично. Носом он практически прижимался к ступеням, и Джейк знал, что он идет по следу Сюзанны: эту информацию мальчик мог почерпнуть из головы своего четвероногого друга.

Джейк пытался сосчитать ступени, дошел до ста двадцати, потом сбился. Задался вопросом, по-прежнему ли они в Нью-Йорке (вернее, под ним). Однажды ему показалось, что слышен далекий, но знакомый грохот: если это был поезд подземки, тогда ответ следовал положительный.

Наконец лестница осталась позади. Они оказались в просторном сводчатом помещении, более всего напоминающем гигантский вестибюль отеля, правда, сам отель отсутствовал. Ыш решительно пересек его, мордой к полу, с мотающимся из стороны в сторону хвостом. Джейк поспевал за ним только бегом. Оставшиеся в плетеной сумке рисы стучали друг о друга. В дальнем конце вестибюля-склепа стоял киоск с надписями на пыльном стекле: «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДЛЯ ПОКУПКИ НЬЮ-ЙОРКСКИХ СУВЕНИРОВ» и «ПОСЕТИТЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА! ПОКА ЕЩЕ ЕСТЬ БИЛЕТЫ НА ЭТО НЕЗАБЫВАЕМОЕ ЗРЕЛИЩЕ! АСТМАТИКАМ БЕЗ СПРАВКИ — РАЗРЕШЕНИЯ ОТ ВРАЧА БИЛЕТЫ ПРОДАВАТЬСЯ НЕ БУДУТ!» Джейк задумался, а что же такого незабываемого могло произойти в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, и решил, что, возможно, ему и не хочется знать.

Внезапно так громко, словно голос говорил прямо в ухо, в голове раздались слова: *Эй! Эй, Позитронная леди! Ты еще здесь?*

Джейк понятия не имел, кто такая Позитронная леди, но голос узнал сразу.

Сюзанна! — прокричал он, остановившись около туристического киоска. Удивленная, радостная улыбка осветила его уставшее лицо, и оно вновь стало детским. — *Сюзи, ты здесь?*

И услышал ее ответный радостно-изумленный крик.

Ыш, обнаружив, что Джейк более не следует за ним, повернулся и нетерпеливо позвал мальчика:

Эйк! Эйк!

Но Джейк в тот момент не мог на него откликнуться.

— Я тебя слышу! — прокричал он. — Наконец-то! Господи, с кем ты говорила до этого? Продолжай кричать, чтобы я смог определить, где мне тебя...

Позади, то ли с верхней площадки лестницы, то ли уже с середины, кто-то проорал: «Он там!» Послышались выстрелы, но Джейк едва их расслышал. Потому что мальчика охватил ужас: что-то заползло ему в голову. Что-то, напоминающее ментальную руку. Он подумал,

что это, возможно, «низший» мужчина, с которым он говорил через дверь. Рука «низшего» мужчины нащупала управляющие диски в каком-то «Догане» Джейка Чеймберза и теперь вращала их. Пытаясь

(не дать сделать ни шагу заставить меня замереть на этом самом месте застыть столбом)

остановить меня. И рука эта смогла забраться к нему в голову, потому что, посылая ментальный сигнал и получая на него ответ, он *открыл...*

Джейк, Джейк, где ты?

Отвечать времени не было. Однажды, пытаясь открыть Ненайденную дверь в Пещере голосов, Джейк вызвал образ миллиона широко открывающихся дверей. Теперь он вызвал другой: одной, с грохотом захлопывающейся двери.

И очень вовремя. Еще с мгновение его ноги оставались прикованными к полу, а потом что-то закричало от боли и отпустило его. Позволило сдвинуться с места.

И Джейк сдвинулся. Сначала неуклюже, потом все более уверенно. Боже, а ведь он едва не погиб! Он слышал зов Сюзанны, очень далекий, но не решался открыться, чтобы ответить на него. Ему оставалось лишь надеяться, что Ыш не потеряет ее след, а она не прекратит его звать.

Потом он пришел к выводу, что вскоре после последнего слабого крика Сюзанны, должно быть, начал петь песню, которую слышал по радиоприемнику миссис Шоу, но точно сказать, конечно, не мог. С тем же успехом человек, слегший с простудой, может пытаться определить, в какой именно момент у него заболела голова. В чем Джейк мог быть уверен, так это в непрекращающемся грохоте выстрелов, а однажды пуля с воем от ricochet от стены, но все это происходило далеко позади, очень далеко, так что он перестал пригибаться при каждом выстреле (а потом и оглядываться). А кроме того, Ыш убежал вперед, быстро-быстро переставляя мохнатые лапы. В стенах и под полом стучали и хрипели неведомые машины. На полу появились стальные рельсы. Джейк предположил, что когда-то здесь курсировал трамвайчик, избавлявший туристов от необходимости преодолевать коридор на своих двоих. Через одинаковые интервалы Джейк видел на стенах строгую надпись: ВПЕРЕДИ «ПАТРИЦИЯ»; ФЕДИК; СИНИЙ ПРОПУСК ПРИ ВАС? В некоторых местах плитки осыпались, в других рельсы исчезли, кое-где застоявшаяся, кишашая паразитами вода заполняла выбоины в полу. Два или три раза Ыш и Джейк прошли мимо каких-то транспортных средств, нечто среднего между тележкой, на которой игроки ездят по полю для гольфа, и дрезиной. Прошли они и мимо робота с головой, похожей на большую репу. Робот тускло сверкнул красными глазами и прохрипел одно слово, вроде бы: «Стоять!» Джейк поднял орису, не зная, поможет ли она остановить робота, если он двинется за ним, но робот не шевельнулся. Должно быть, на вспышку глаз ушла последняя толика энергии, еще остававшейся в аккумуляторах, атомных или каких-то еще, которые питали системы жизнедеятельности робота. Тут и там стены изрисовали граффити. Две надписи показались ему знакомыми. ДА ЗДРАВСТВУЕТ АЛЫЙ КОРОЛЬ, с красным глазом над «й» вместо «птички», и БАНГО СКАНК, 84. *Да уж, — рассеянно подумал Джейк, — этот Сканк везде пошел.* А потом впервые ясно услышал свой голос. Он, оказывается, напевал себе под нос.

Услышал не слова, а старый, едва запомнившийся рефрен одной из песен, которую когда-то слышал по радио на кухне миссис Шоу: «Э-уимове, э-уимове, э-уиии-аммм-иммм-овее...»

Он замолк: стало противно, что бормочет этот мотивчик, как древнее заклинание, крикнул Ышу, чтобы тот остановился.

— Подожди, мне нужно отлить, малыш.

— Ыш! — откликнулся ушастик-путаник, а яркие глазки и ушки торчком дополнили фразу: «Только поторопись».

Джейк оросил мочой одну из выложенных плиткой стен. В швы между квадратами кафеля въелась какая-то зеленоватая грязь. Джейк также прислушался, нет ли погони, и его усилия не пропали даром. Кто его преследовал? В каком количестве? Роланд, наверное, смог бы ответить на эти вопросы, Джейк — нет. Если судить по разносящемуся по коридору эху — следом бежал целый полк.

И когда Джейк Чеймберз стряхивал последние капли, до него дошло, что отцу Каллагэну более никогда такого не сделать, он уже не улыбнется ему, Джейку, не наставит на него палец, не перекрестится перед едой. Потому что его убили. Отняли у него жизнь. Остановили дыхание и пульс. И если не считать снов, отец Каллагэн покинул эту историю. Джейк заплакал. И, как и улыбка, слезы вновь превратили его в ребенка. Ыш, которому не терпелось следовать за запахом Сюзанны, повернулся, посмотрел на Джейка, на его мордочке определенно читалась озабоченность.

— Все нормально. — Джейк застегнул ширинку, потом вытер слезы тыльной стороной ладони. Да только о нормальности не могло быть и речи. Его переполняли печаль, злость, страх перед «низшими людьми», которые неумолимо настигали его, раз уж он стоял на месте. Теперь, когда адреналин постепенно выводился из крови, Джейк вдруг почувствовал, что голоден. И устал. Только *устал*? Просто валится с ног от изнеможения. Он не мог вспомнить, когда спал в последний раз. Его засосало в дверь, и он оказался в Нью-Йорке, это он помнил, помнил, как Ыш едва не угодил под такси, помнил проповедника Бога-бомбы, имя которого вызвало у него ассоциации с Джимми Кэгни, играющего Джорджа М. Коуэна в старом черно-белом фильме, который он смотрел еще маленьким в своей комнате. Потому что — теперь он это понимал — в том фильме была песня о парне по фамилии Харриган: *Ха-А-двойное Эр-И; Харриган — это я*. Все это он мог вспомнить, а вот когда в последний раз съел корочку...

— Эйк! — твякнул Ыш, неумолимый, как судьба. *Если у ушастиков-путаников и наступает момент, когда они выбиваются из сил*, — устало подумал Джейк, — *то Ыш к нему еще не приблизился*. — Эйк-Эйк!

— Да-да, — согласился он, отталкиваясь от стены. — Эйк-Эйк теперь бежать-бежать. Давай. Ищи Сюзанну.

Ему хотелось брести, с трудом переставляя ноги, но об этом не могло быть и речи. Обычный шаг и то не годился. Так что Джейк заставил ноги бежать трусцой и вновь начал напевать себе под нос, на этот раз слова песни: «В джунглях, громадных джунглях, лев сегодня спит... В джунглях, спокойных джунглях, лев сегодня спит... о-о-о-х...» — а потом вновь перешел на что-то бессмысленное (*уимове, уимове, уимове*), услышанное когда-то по радиоприемнику на кухне, всегда настроенному на волну радиостанции WCBS, отдающей предпочтение старым песням... а может, из какого-то фильма, от которого в памяти осталась только эта песня? Песня не из «Дэнди Янки Дудл», а из какого-то другого фильма? С ужасными монстрами? Который он видел маленьким мальчиком, когда, возможно, еще не

вылез из

(пеленок)

подгузников?

«У деревеньки, тихой деревеньки, лев сегодня спит... У деревеньки, мирной деревеньки, лев сегодня спит... Ух-ох, э-уимове, э-уимове, э-уимове...»

Джейк остановился, тяжело дыша, потирая бок. В боку колело, но не сильно, пока не так сильно, боль не проникала достаточно глубоко, чтобы остановить его. Но эта грязь, зеленоватая грязь, которая вдруг начала выдавливаться из швов между кафельными плитками... она выдавливалась сквозь древнюю затирку и разрушала кафель, потому что это происходило

(джунгли)

глубоко под городом, глубоко, как в катакомбах,

(уимове)

или как...

— Ыш, — позвал он сквозь растрескавшиеся губы. Господи, как же ему хотелось пить! — Ыш, это не грязь, это *трава*. Или сорняки... или...

Ыш отозвался именем своего друга, но Джейк его и не услышал. Никуда не делось эхо от топота преследователей (более того, оно заметно приблизилось), но Джейк проигнорировал и эти звуки.

Трава, растущая из выложенной кафелем стены.

Сокрушающая стену.

Джейк посмотрел вниз и увидел еще траву, много травы, ярко-зеленой, сверкающей под флуоресцентными лампами, растущей на полу. А кусочки разбитого кафеля теперь более всего напоминали осколки костей древних людей, которые жили и строили до того, как Лучи начали разрушаться, а мир — сдвигаться.

Джейк наклонился. Сунул руку в траву. Поднял кусочки разбитого кафеля, но также и *землю*, землю

(джунглей)

каких-то глубоких катакомб, или могилы, или, возможно...

Какой-то жучок-паучок полз по пригоршне земли, которую Джейк поднял с пола, с красной отметиной на черной спине, напоминающей кровавую улыбку, и мальчик отбросил его с криком отвращения. Клеймо Короля! Правильно говоришь! Он пришел в себя и осознал, что стоит, опустившись на одно колено, занимаясь археологическими раскопками, как герой в каком-то старом фильме, тогда как бегущие по следу собаки настигают его. И Ыш смотрел на него, глаза сверкали тревогой.

— *Эйк! Эйк-Эйк!*

— Да. — Он заставил себя подняться. — Я иду, Ыш. Но что это за место?

Ыш понятия не имел, чем вызвана озабоченность, которую он слышал в голосе своего ка-дина; он видел перед собой то же, что и прежде, обонял то же, что и прежде: ее запах, мальчик просил его найти, следовать за ним. И запах этот становился все свежее. Ыш побежал дальше по ясному следу.

Пять минут спустя Джейк остановился вновь, крича: «Ыш! Подожди, остановись!»

Покалывание в боку вернулось, проникло глубже, но все-таки остановило мальчика не оно. *Все* изменилось. Или изменялось. И, да поможет ему Господь, он знал, во что все превращалось.

Над его головой по-прежнему горели флуоресцентные лампы, но стены покрыла зеленая растительность. Воздух стал сырым и влажным, рубашка намочла, прилипла к телу. Прекрасная оранжевая бабочка огромных размеров пролетела мимо его широко раскрывшихся глаз. Джейк попытался ее схватить, но бабочка легко и непринужденно ускользнула от его руки. Играючи, подумал он.

Выложенный плиткой коридор превратился в тропу в джунглях. Впереди тропа эта вела к неровной дыре в густой растительности, возможно, к какой-то вырубке или прогалине. А дальше Джейк сквозь туман видел огромные старые деревья, их могучие стволы покрывал мох, ветви переплели лианы. Он видел и громадные папоротники, а над деревьями, сквозь зеленый покров — слепящее небо, накрывающее джунгли. Он знал, что находится под Нью-Йорком, должен находиться под Нью-Йорком, но...

Пронзительно закричала мартышка, так близко, что Джейк дернулся и поднял голову, уверенный, что увидит ее прямо над собой, лыбящуюся на него между ламп. А потом, леденя кровь, по джунглям прокатился оглушающий рык льва. Только этот лев определенно *не спал*.

Мальчик уже хотел развернуться на сто восемьдесят градусов и дать деру, когда понял, что такой возможности у него нет; «низшие люди» (возможно, возглавлял их тот самый тип, который сказал, что «паппа стал обедом») отрезали ему путь к отступлению. И Ыш смотрел на него с горящим в глазах нетерпением, ему явно хотелось бежать дальше. Ыш тупостью не отличался, но не выказывал никаких признаков тревоги, во всяком случае, не считал, что впереди их поджидает что-то ужасное.

Со своей стороны, Ыш тоже не мог понять, что происходит с Джейком. Он знал, что мальчик устал, чувствовал по запаху, но знал и другое: Эйк боялся. Почему? Да, в этом месте хватало неприятных запахов, преимущественно пахло людьми, но Ыш не считал, что они свидетельствовали о нависшей над ними опасности. А кроме того, здесь был и ее запах. Теперь очень свежий. Слово она находилась совсем близко.

— Эйк! — вновь твякнул он.

Джейк уже восстановил дыхание.

— Хорошо. — Он огляделся. — Ладно. Но не так быстро.

— Тро, — откликнулся Ыш, и Джейк без труда отметил нотки осуждения в ответе Ыша.

Джейк двинулся дальше только потому, что выбора у него не было. Он шагал по поднимающейся вверх по склону заросшей тропе (по восприятию Ыша, они шли по прямой, проложенной на горизонтальной плоскости, с того самого момента, как лестница осталась позади), которая вела к прогалине или вырубке, обрамленной папоротниками и лианами, к безумному визгу мартышки и леденящему мошонку реву охотящегося льва. А в голове вновь и вновь звучала песня

(в деревне... в джунглях... тихо, мой милый, не шевелись, мой милый...)

и теперь он знал, что это за песня, знал даже название группы

(это же «Токенс»^[33] с песней «Лев сегодня спит», покинувшей чарты, но не наши сердца)

которая исполняла ее, но какой фильм? Как назывался этот чертов фи...

Джейк добрался до вершины склона и края прогалины. Всмотрелся в ковер широких

*Однажды, давным-давно
(пришла пора перекусить)*

когда он был маленьким мальчиком

(черничный в чашки чай разлить)

наступил день, когда мать отправилась в Монреаль со своим арт-клубом, а отец — в Лас-Вегас на ежегодное представление осенних программ;

(и джем по-братски разделить)

случилось это, когда Бама было четыре...

Бама — так зовет его единственный человек,

(миссис Шоу, миссис Грета Шоу)

от которого он видит только добро. Она срезает корочки с его сандвичей, прикрепляет его рисунки, сделанные в детском саду, к холодильнику магнитами, которые выглядят, как маленькие пластиковые фрукты, называет Бама, и для него это особое имя

(для них)

потому что его отец, как-то в субботу, по пьяному делу, обучил его песенке: «Разливайся вширь и ввысь, к горизонту развернись, на тебя идет стена, Бамы Алая волна^[34]!», и поэтому она зовет его Бама, это секретное имя, и только они знают, что оно означает, и больше не знает никто, и это все равно что иметь дом, войти в который можешь только ты, безопасный дом в страшном лесу, где все тени выглядят, как чудовища, великаны-людоеды и тигры.

(«Тигр, о тигр, светло горящий»^[35], — поет ему мать, потому что полагает это стихотворение колыбельной, вместе с «Жужжала муха надо мной... когда умерла»^[36]. От последней фразы Баму Чеймберза бьет дрожь, хотя матери он никогда ничего не говорит; иной раз он лежит в постели ночью, а случается, и днем, после обеда, и думает: «Я услышу, как жужжит муха, и это будет моя муха-смерть, мое сердце остановится, мой язык упадет в горло, как камень падает в колодец», — и это воспоминания, которые он отторгает от себя).

Это хорошо, иметь секретное имя, и когда он узнает, что мать собирается в Монреаль во имя искусства, а отец — в Вегас, помочь в презентации новых шоу телесети, он умоляет мать попросить миссис Шоу остаться с ним, и в конце концов мать сдается. Маленький Джейки знает, что миссис Шоу — не его мать, и не единожды миссис Грета Шоу сама говорила ему, что она — не его мать.

«Я надеюсь, ты знаешь, что я — не твоя мать, Бама, — говорит она, ставя перед ним тарелку, а на тарелке — сэндвич с ореховым маслом, беконом и бананом, а корочки срезаны так, как умеет их срезать только Грета Шоу, — потому что в мои обязанности это не входит».

И Джейки... только здесь он — Бама, он — Бама, когда они вдвоем... не может найти слов, чтобы сказать ей, что он это знает, знает, но хочет побыть с ней, пока не вернется настоящая мать или пока он не вырастет и муха-смерть перестанет его страшить).

И Джейки говорит: «Не волнуйся, я в порядке», — но он все равно рад, что миссис Шоу соглашается остаться и не придет та девица что оставалась с ним в прошлый раз в коротенькой юбке занимающаяся только своими волосами и помадой не обращающая на него ни малейшего внимания не знающая что в глубине своего сердца он — Бама, и господи до чего эта маленькая Дейзи Мэй

(именно так его отец называет всех сиделок)

глупа глупа глупа. Миссис Шоу не глупа. Миссис Шоу кормит его после возвращения из детского сада. Называет эту трапезу послеполуденным чаем или просто полдником, и не важно, что она ему предлагает, творог и фрукты, сэндвич со срезанной корочкой, кусок торта, канане, оставшиеся после вчерашней вечеринки, она всегда поет одну и ту же песенку, когда ставит перед ним еду: «Пришла пора перекусить, черничный в чашки чай разлить, и джем по-братски разделить».

В его комнате стоит телевизор, и каждый день, пока его родители в отъезде, он ест полдник, вернувшись из детского сада перед телевизором и смотрит смотрит смотрит его и слышит радио с кухни, всегда старые песни, всегда радиостанция WCBS, и иногда он слышит ее, слышит миссис Шоу, которая поет вместе с «Четырьмя сезонами»^[37] Вандой Джексон^[38] Ли «Йя-Йя» Дорси^[39], случается представляет себе что его родители погибли в авиакатастрофе и она каким-то образом становится его матерью и называет его бедный малыш и бедный маленький сиротка и благодаря какой-то магической трансформации она любит его, а не просто заботится о нем, любит его любит его любит его точно так же как он любит ее, она — его мать (а может — его жена, ему не очень понятно, какая между ними разница), но она зовет его Бама вместо сладкий мой

(его настоящая мать)

или умник

(его отец)

и хотя он знает, что идея глупая, он обдумывает ее в постели забавы ради, полагая, что куда приятнее думать об этом, а не о мухе-смерти, которая прилетит и будет жужжать над его трупом, когда он умрет с языком, свалившимся в горло, как камень — в колодец. Во второй половине дня, когда он возвращается домой из детского сада (к тому времени он достаточно большой, чтобы знать, что детский сад — это ступень к начальной школе), он смотрит в своей комнате передачу «Фильм за миллион долларов». Передача «Фильм за миллион долларов» выделяется тем, что целую неделю, в одно и то же время, в четыре часа дня, по ней показывают один и тот же фильм. На неделе, предшествующей отъезду родителей, когда миссис Шоу стала оставаться на ночь, вместо того, чтобы уходить домой

(О, какое блаженство, миссис Грета Шоу отвергает Дискордию, можете сказать аминь)

музыка доносится с двух сторон каждый день, старые песни с кухни

(WCBS можете сказать Бог-бомба)

и из телевизора, где Джеймс Кэгни фланирует в котелке и поет о Харригане — Ха-А-двойное Эр-И, Харриган, это я! Опять же о том, каково быть настоящим живым племянником своего дяди Сэма.

А потом наступает следующая неделя, неделя, на которой его родители в отъезде, и показывают новый фильм, и впервые фильм пугает его до смерти. Называется он «Потерянный континент», главную роль в нем исполняет Сезар Ромеро^[40], и когда Джейк увидит его снова (значительно повзрослевшим, в возрасте 10 лет), он удивится, просто не сможет понять, как мог испугаться такого глупого фильма. Потому что фильм этот об исследователях, которые теряются в джунглях, понимаете, и в этих джунглях живут динозавры, а в четыре года он не мог осознать, что динозавры эти — всего лишь гребаная МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ, и ничем они не отличаются от Твити, Сильвестра, Моряка Папая и Олив Ойл. Первый динозавр, которого он видит, — трицератопс. Он ломится сквозь джунгли, и девушка-исследователь

(впечатляющие бу-бу, сказал бы его отец, так он всегда говорит о тех, кого его мать называет девушками известного поведения)

кричит во весь голос, и Джейк тоже закричал бы, если б его грудь и горло не сковал ужас, о, воплощенная Дискордия! В глазах чудовища он видит абсолютную пустоту, которая означает конец всего, мольбы такого монстра не тронут, и крик с таким монстром не поможет, он слишком туп, крики могут только привлечь внимание монстра, и привлекают, он поворачивается к Дейзи Мэй с впечатляющими бу-бу, а потом бросается на Дейзи Мэй с впечатляющими бу-бу, а на кухне (громадной кухне) поет группа «Токенс», ушедшая из чартов, но не из наших сердец, они поют о джунглях, мирных джунглях, а здесь, перед широко раскрытыми, полными ужаса глазами маленького мальчика тоже джунгли, только далеко не мирные, и это не лев, а неуклюжее чудовище, которое чем-то напоминает носорога, только больше, и у него на шее что-то вроде костяного воротника, и потом Джейк выяснит, что такой вид монстров называют трицератопсами, но пока чудовище для него безымянное, а это хуже, гораздо хуже. «Уимове, — поют «Токенс». — Уиши-аммм-а-виши», — и, конечно, Сезар Ромеро пристреливает монстра до того, как тот успеет разорвать девушку с впечатляющими бу-бу на куски, что, конечно, на тот момент хорошо, но той же ночью монстр возвращается, трицератопс возвращается, он в его стенном шкафу, потому что даже в четыре года Джейк понимает, что иногда его стенной шкаф — совсем не стенной шкаф, а дверь, которая может открываться в разные места, где его поджидают те, с кем лучше не встречаться.

Он начинает кричать, ночью он может кричать, и миссис Грета Шоу входит в комнату. Она садится на край кровати, лицо у нее, как у призрака, намазано каким-то синесерым ночным кремом-маской, она спрашивает, что случилось, и вот ей Бама может рассказать все. Не смог бы рассказать ни отцу, ни матери, если б кто-то из них был дома, но их, к счастью, нет, но он может рассказать обо всем миссис Шоу, потому что, пусть она и не очень-то отличается от прочей обслуги, будь то приходящие няни, присматривающие за детьми, отводящие в школу, она тем не менее чуть другая, но этого чуть хватает, чтобы прикреплять его рисунки к холодильнику маленькими магнитами, чтобы менять для него весь мир, чтобы удерживать башню психического здоровья глупого маленького мальчика, которую без нее могло бы снести, скажите аллилуйя, скажите, найденная, а не потерянная, скажите, аминь.

Она выслушивает все, что ему нужно сказать, заставляет повторять три-ЦЕР-а-ТОПС, пока он не произносит это слово правильно. И только оттого, что ему удастся произнести слово правильно, на душе становится легче. А потом она говорит: «Эти животные когда-то были настоящими, но они умерли сто миллионов лет тому назад, Бама. Может, даже больше. И больше не тревожь меня, потому что мне нужно выспаться».

Джейк смотрит «Потерянный континент», который показывают в передаче «Фильм за миллион долларов» изо дня в день, всю неделю. При каждом новом просмотре фильм пугает его все меньше. Однажды миссис Грета Шоу приходит и смотрит часть фильма вместе с ним. Она приносит ему полдник, большую миску с гавайскими хлопьями (еще одну для себя), и поет свою замечательную песенку: «Пришла пора перекусить, черничный в чашки чай разлить, и джем по-братски разделить». В гавайских хлопьях, само собой, нет черники, и пьют они виноградный сок, а не черничный чай, но миссис Грета Шоу говорит, что важен дух, а не буква. Она уже научила говорить рути-тути-салюти перед тем, как они что-то пьют, и чокаются стаканами. Джейк думает, что это очень круто, круче просто не бывает.

Очень скоро появляются динозавры. Бама и миссис Грета Шоу сидят бок о бок, едят гавайские хлопья и наблюдают, как большой динозавр (миссис Грета Шоу говорит, что таких называют Тираннасербет Рекс) сжирает плохого исследователя. «Мультишные динозавры, — фыркает миссис Грета Шоу. — Тебе не кажется, что их могли бы нарисовать и получше», — по мнению Джейка, это самый блестящий образец критики фильма, который ему доводилось слышать за всю свою жизнь. Блестящий и полезный.

В конце концов его родители возвращаются. В передаче «Фильм за миллион долларов» начинают показ «Высокого цилиндра», страхи маленького Джейка не упоминаются. Со временем он и сам забывает о том, что боялся трицератопса и Тираннасербета Рекса.

Но теперь, лежа в высокой зеленой траве и всматриваясь между листьев папоротника в затянутую туманом прогалину, Джейк обнаружил, что забылось далеко не все.

«Берегись ловушки разума», — предупредил его Джохабим, и, глядя на тяжело переваливающегося динозавра, мультишного трицератопса в настоящих джунглях, ничем не отличающегося от воображаемой жабы в реальном саду, Джейк понимает, что все это значит. Ловушка разума. Трицератопс не мог стать реальным, как бы страшно он ни ревел, как бы сильно ни била в нос Джейка его вонь: в мягких складках, образовавшихся в том месте, где короткие лапы переходили в живот, гнила растительность, дерьмо засыхало на бронированном заду, жвачка сочилась между могучих челюстей, заканчивающихся бивнями, как бы явственно ни слышалось его натужное дыхание. Он не мог *стать* реальным, потому что его, прости Господи, *нарисовали!*

И однако Джейк знал, что трицератопс достаточно реален, чтобы убить его. Выйди Джейк на прогалину, трицератопс разорвал бы его на куски точно так же, как разорвал бы Дейзи Мэй с впечатляющими бу-бу, если бы Сезар Ромеро не появился в нужном месте и в нужный момент и не всадил пулю из своего крупнокалиберного охотничьего карабина в Единственное уязвимое место чудовища. Джейк избавился от руки, которая пыталась манипулировать его двигательными центрами, захлопнул все эти двери так сильно, что,

насколько он мог это знать, отрубил пальцы незваному гостю, но на этот раз имел дело с чем-то другим. Он не мог закрыть глаза и идти дальше; впереди его поджидал реальный монстр, созданный его предательским сознанием, который действительно мог разорвать его на куски.

И не было Сезара Ромеро, который смог бы это предотвратить. Как и Роланда.

Были только «низшие люди», которые бежали по его следу и приближались с каждым мгновением.

Словно в подтверждение его мыслей, Ыш оглянулся, посмотрел в том направлении, откуда они пришли, и тьякнул, громко и отрывисто.

Трицератопс услышал и заревел в ответ. Джейк ожидал, что от этого рева Ыш тут же прижмется к нему, но Ыш продолжал смотреть за спину Джейка. Ыша занимали «низшие люди», а не трицератопс, который загораживал им путь, или Тираннасорбет Рекс, который мог появиться следом, или...

Потому что Ыш его не видит, — подумал Джейк.

Он поиграл с этой идеей и не нашел, в чем не прав. Ыш не обонял трицератопса и не слышал его. Вывод напрашивался сам собой: для Ыша не существовало ужасного трицератопса в громадных джунглях.

Что не исключает реальности его существования для меня. Это ловушка, которую расставили мне или кому-то другому, наделенному воображением, кто мог пойти этим путем. Несомненно, какое-то хитрое устройство древних. Жаль только, что оно не сломалось, как многие другие их «штучки». Я вижу то, что вижу, и с этим ничего не могу поде...

Нет, подождите.

Подождите секундочку.

Джейк понятия не имел, насколько сильна его ментальная связь с Ышем, но подумал, что скоро он это узнает.

— Ыш!

Голоса «низших людей» звучали пугающе близко. Скоро они увидят мальчика и ушастика-путаника и пойдут в атаку. Ыш чувствовал их усиливающийся запах, но достаточно спокойно взглянул на Джейка. На своего любимого Джейка, ради которого он бы умер, возникни такая необходимость.

— Ыш, ты можешь поменяться со мной местами?

Как выяснилось, Ыш смог.

Ыш выпрямился с Джейком на руках, покачиваясь из стороны в сторону. К своему ужасу, он только теперь осознал, с каким трудом мальчику удавалось сохранять равновесие. Сама мысль о том, что придется пройти какое-то, пусть и короткое, расстояние на задних лапах, ужасала, но другого выхода, кроме как пройти его, и пройти незамедлительно, не оставалось. Так сказал Эйк.

Со своей стороны, Джейк знал, что должен крепко-накрепко закрыть позаимствованные глаза, через которые теперь смотрел на мир. Его сознание переместилось в голову Ыша, но он по-прежнему мог видеть трицератопса; вот и в тот момент углядел птеродактиля,

кружащего в жарком воздухе высоко над прогаиной, его кожистые крылья растягивались, чтобы поймать восходящие потоки из воздухопроводов.

Ыш! Ты должен это сделать сам. И сделать прямо сейчас, чтобы оторваться от них!

Эйк! — отозвался Ыш и нерешительно шагнул вперед. Тело мальчика повело в одну сторону, потом в другую, попытка сохранить равновесие ни к чему не привела. Так глупо устроенное двуногое тело Эйка упорно заваливалось вбок. Ыш, конечно, хотел этому помешать, но кончилось все тем, что он упал на правый бок и ударил об пол лохматую голову Эйка.

От раздражения Ыш сердито тявкнул. А из пасти Эйка вырвалось что-то непонятное, но скорее слово, чем звук: «Гав! Ав! Дерьмо-гав!»

— Я слышу его! — закричал кто-то. — Бегом! Бегите что есть мочи, паршивое дьявольское отродье! Его надо догнать, пока он не добрался до двери!

Уши Эйка чуткостью не отличались, но выложенные кафелем стены усиливали звуки, так что Ыш без труда слышал топот бегущих ног.

«Ты должен встать и идти!» — попытался крикнуть Джейк, но из его пасти вырвалось что-то вроде: *Ен-ать-ти!* При других обстоятельствах стоило бы посмеяться, но не при этих.

Ыш поднялся, ударив Эйка спиной о стену, и начал передвигать ноги Эйка. Наконец-то он понял, где находятся рычаги управления движением; в том месте, которое Эйк называл «Доганом», и управлять ими труда не составило. Слева, однако, сводчатый коридор вел в громадное помещение, заполненное сверкающими, как зеркало, машинами. Ыш знал: если он пойдет туда, в зал, где Эйк держал все свои замечательные мысли и словарный запас, то заблудится там навсегда.

К счастью, необходимости в этом не было. В «Догане» имелось все, что ему требовалось. Левая нога... вперед. (И пауза). Правая нога... вперед. (И пауза). Держи существо, которое выглядит, как ушастик-путаник, но на самом деле — твой ближайший друг, одной рукой, используй другую для сохранения равновесия. Подавляй желание опуститься на все четыре конечности и ползти. Преследователи догонят тебя, если ты попытаешься это сделать. Ыш более не мог уловить их запаха (да и какие запахи можно уловить этим абсурдно маленьким носиком Эйка), но он это и так знал.

А вот Джейк, наоборот, ловил запахи преследователей без труда. Их было не меньше дюжины, может, и шестнадцать. Их тела непрерывно вырабатывали запахи, которые летели впереди, как зловонное облако. Он ощущал запах спаржи, которую кто-то из «низших людей» съел за обедом, сильный, мерзкий до тошноты запах раковой опухоли, которая росла в другом, вероятно, в голове, а может, в горле.

Потом он услышал, как вновь заревел трицератопс. Ему криком ответил парящий в небе птеродактиль.

Джейк закрыл свои... ладно, Ыша... глаза. В темноте казалось, что ушастика-путаника качает куда как сильнее. Джейка тревожило, не вывернет ли его от такой качки, особенно с закрытыми глазами, наизнанку. Баму, похоже, одолевала морская болезнь.

Иди, Ыш, — думал он. — Как можно быстрее. Больше не падай и... иди, как можно быстрее.

Окажись рядом Эдди, он бы, конечно, вспомнил миссис Мислабурски, которая жила чуть подалее в его же квартале: миссис Мислабурски в феврале, после обрушившегося на город снежно-дождевой бури, когда тротуар блестел льдом, который еще не успели посыпать солью. Но никакой лед не мог удержать ее от ежедневного похода на рынок на Кастрл-авеню за мясом или рыбой (или в церковь по воскресеньям, потому что во всем Кооп-Сити миссис Мислабурски была самой набожной католичкой). Вот она и шла, широко расставляя толстые, обтянутые плотными розовыми лосинами ноги, одной рукой прижимая сумочку к необъятной груди, размахивая второй для равновесия, опустив голову, высматривая островки золы, которой уже присыпали лед около своих домов некоторые ответственные дворники (Иисус и дева Мария, благословите этих людей), и предательски опасные полоски раскатанного льда, которые могли заставить разехаться ее большие розовые колени, и она могла упасть на задницу, хуже того, на спину, а это могло привести к перелому позвоночника, и ее парализовало бы, как бедную дочь миссис Бернштейн в автомобильной аварии в Мамаронеке, да, такое случается. Она полностью игнорировала насмешливые крики детей (среди них часто были Генри Дин и его маленький брат) и шла своим путем, опустив голову, размахивая одной рукой, другой прижимая к себе старую черную дамскую сумочку, полная решимости никогда, ни при каких обстоятельствах, даже при падении, не расстаться ни с самой сумочкой, ни с ее содержимым, в случае чего упасть на нее, как Джо Намах падал на футбольный мяч, когда защитники сносили его.

Именно так Ъш из Срединного мира в теле Джейка шел по участку подземного коридора, который ничем не отличался (во всяком случае, для него) от любого другого участка. Впрочем, одно различие он все же заметил: по три дыры в боковых стенах, закрытые большими стеклянными глазами, от которых шло низкое, ровное гудение.

Одной рукой он нес что-то, очень похожее на ушастика-путаника, с крепко закрытыми глазами. Будь они открыты, Джейк, возможно, и догадался бы, что стеклянные круги — проекторы. Но скорее всего он бы их просто не увидел.

Медленным шагом (Ъш знал, что преследователи все ближе, но понимал: лучше медленно двигаться, чем упасть), широко расставляя ноги, практически не отрывая их от земли, прижимая Эйка к груди, точно так же, как миссис Мислабурски прижимала сумочку, когда тротуар покрывала ледяная корка, он миновал стеклянные глаза. Гудение стихло. Он прошел достаточно? Очень уж тяжело ходить по-человечески, изматывает донельзя. Так же трудно находиться и рядом с думающими машинами Эйка. Он почувствовал желание повернуться и посмотреть на них, ах, эти сверкающие зеркальные поверхности, но нет. Посмотрев, он мог впасть в транс. А может, случилось бы и что-то похуже.

Он остановился.

— Джейк! Открывай глаза! Смотри!

Джейк попытался ответить: «Хорошо», — и тьякнул. Смех, да и только. Осторожно открыл глаза и увидел по обеим сторонам коридора выложенные кафелем стены. Лишь кое-где в швах пробивались трава и папоротники, но в основном он видел плитки. И находился не на тропе в джунглях — в коридоре. Оглянулся и увидел прогалину. Трицератопс забыл про них. Он схлестнулся в смертельном бою с тираннасорбетом, этот эпизод из «Потерянного континента» также сохранился в памяти Джейка. Девушка с впечатляющими бу-бу наблюдала за битвой, уютно устроившись в объятиях Сезара Ромеро, и когда мультяшный тираннасорбет сомкнул свои гигантские челюсти на голове трицератопса, девушка уткнулась лицом в широкую грудь Сезара Ромеро.

— Ыш! — твякнул Джейк, но с твяканьем получилось не очень, и он переключился на ментальную связь.

Меняемся!

Ыша предложение это только обрадовало. Более всего на свете ему хотелось вернуться в собственное тело, но, прежде чем они успели поменяться, преследователи их увидели.

— Они! — закричал один, с бостонским акцентом, тот самый, что крикнул: «Паппа стал обедом». — Вон они! Взять их! Застрелить!

И когда Джейк и Ыш менялись разумами, перебираясь в свои тела, первые пули уже прорезали воздух, как щелкающие пальцы.

10

Преследователей возглавлял некто Флагерти. Из всех семнадцати только он был челом. Остальные, за исключением еще одного, — «низшими людьми» или вампирами. Последний был тахином с головой разумной горноста в летнем меху и парой огромных волосатых ног, торчащих из бермудских шорт. Заканчивались ноги узкими ступнями с большущими, острыми как бритва когтями. Один удар ноги Ламлы мог разорвать взрослого человека пополам.

Флагерти, родившийся в Бостоне, последние двадцать лет прослуживший Королю в одном из двух десятков Нью-Йорков конца двадцатого века, набирал свою команду в спешке, его буквально трясло от страха и ярости. «Никто не должен войти в «Дикси-Пиг». Так сказал Сейр Маймену. А тот, кто все-таки вошел, не должен ни при каких обстоятельствах выйти. И вдвойне приказ этот касался стрелка и любого члена его ка-тета. Их вмешательство в дела Алого Короля давно уже перешло ту черту, до которой от них можно было отмахнуться, как от назойливой мухи, и знала об этом уже не только элита. Но теперь Маймен, которого несколько его друзей звали Кенарь, лежал мертвым, а мальчишка каким-то образом удрал от них. *Мальчишка*, это же надо! Гребаный *мальчишка*! Но как они могли знать, что эта парочка принесет с собой такой мощный тотем, как черепаха? Если бы эта хреновина не укатилась под один из столов, они бы до сих пор стояли столбом, не отрывая от нее глаз.

Флагерти знал, что это правда, но знал и другое: Сейр никогда не примет такого оправдания. Даже не даст шанса ему, Флагерти, заикнуться об этом. Нет, он умрет задолго до того, как успеет открыть рот, да и остальные тоже. Будут лежать на полу, облепленные докторами-жуками, лакомящимися их кровью.

Хотелось, конечно, верить, что мальчишку остановит дверь, что он не знает пароля, ее открывающего, но Флагерти не тешил себя такими надеждами, хотя очень хотелось, чтобы они оправдались. Флагерти отдавал себе отчет, что рассчитывать они могут только на себя, вот почему испытал безмерное облегчение, увидев, что мальчишка и его мохнатый дружок остановились впереди. Несколько преследователей выстрелили, но промахнулись. Флагерти не удивился. Их и мальчишку разделял участок, заросший зеленью, гребаный островок джунглей, неведомо как оказавшийся под городом. Да еще поднимался туман, мешавший целиться. Плюс какие-то нелепые, как в мультипликационных фильмах динозавры! Один из них поднял измазанную кровью морду и зарычал на них, прижимая крошечные лапки к чешуйчатой груди.

Выглядит, как дракон, — подумал Флагерти, и у него на глазах муляшный динозавр

превратился в дракона. Он тоже заревел и выплюнул струю огня, который поджег несколько лиан и полоску мха. Мальчишка тем временем вновь бросился бежать.

Ламла, тахин с головой горностая в летнем меху, протиснулся вперед и поднес ко лбу мохнатый кулак. Флагерти нетерпеливо ответил на приветствие.

— Что там впереди, Лам? — спросил он. — Ты знаешь?

Флагерти еще не бывал под «Дикси-Пиг». Если он и путешествовал по делам, то исключительно между Нью-Йорками, и пользовался или дверью в вечно пустующем складе на Бликер-стрит (только в некоторых мирах это было вечно недостроенное здание), или той, что находилась в Верхнем Манхэттене, на Девяносто четвертой улице (последняя теперь срабатывала через два раза на третий, и никто, понятное дело, не знал, как ее починить). В городе были и другие двери, Нью-Йорк просто кишел порталами в разные *где* и *когда*, но функционировали только эти две.

И еще одна, ведущая в Федик. Та, в которую упирался коридор.

— Это создатель миражей, — ответил Ламла. Его урчащий голос мало напоминал человеческий. — Машина, которая находит, чего ты боишься, и превращает страх в реальность. Сейр, должно быть, включил ее, когда он и его тет прошли здесь вместе с чернокожей женщиной. Для того чтобы обезопасить себя с тыла, ты понимаешь.

Флагерти кивнул. Ловушка разума. Умно! Только так ли хороша эта машина? Каким-то образом этот маленький говнюк сумел ее миновать, верно?

— Увиденное мальчишкой превратится в то, чего боимся мы, — продолжил тахин. — Машина настраивается на наше воображение.

Воображение. Флагерти ухватился за это слово.

— Хорошо. Вот и скажи им, пусть игнорируют то, что видят.

Он уже поднял руку, чтобы приказать своим людям продолжить преследование — объяснения Ламлы безмерно его успокоили. Потому что они должны продолжать преследование, не так ли? Сейр (или Уолтер О'Дим, который того хуже) наверняка убьет их всех, если они не остановят этого молокососа. А то, что Флагерти действительно пугала мысль о существовании драконов, значения не имело. Он боялся их с детства, после того, как отец прочитал ему какую-то драконью сказку.

Тахин остановил его прежде, чем он успел взмахом руки бросить своих людей в погоню.

— Что теперь, Лам? — рявкнул Флагерти.

— Ты не понимаешь. То, что впереди, достаточно реально, чтобы убить тебя. Убить нас всех.

— И что видишь ты? — Не время, конечно, потворствовать собственному любопытству, но, к сожалению, оно всегда брало верх.

Ламла опустил голову.

— Я бы не хотел говорить. Меня и так мутит. Дело в том, сэй, что мы все умрем, если не проявим осторожность. То, что случится с любым из нас, для трупореза будет выглядеть, как смерть от инсульта, инфаркта, какой-то другой причины, но убьет нас то, что каждый из нас видит перед собой. И если кто считает, что воображение не может его убить, он просто дурак.

Остальные уже столпились позади тахина. То и дело переводили взгляд с затуманенной прогалины на Ламлу и обратно. Флагерти не нравились выражения их лиц, совершенно не нравились. Убийство одного или двоих, кто совсем лишился мужества, могло подогреть энтузиазм остальных, но какой от этого прок, если Ламла прав? Чертовы древние, вечно

оставляют свои игрушки! Опасные игрушки! Как же они усложняют человеку жизнь! Чуму бы на них всех и на каждую в отдельности!

— Так как же нам пройти? — воскликнул Флагерти. — Если уж на то пошло, как проскочил ловушку этот мальчишка?

— Насчет мальчишки не знаю, — ответил Ламла, — а нам нужно расстрелять проекторы.

— Какие еще говьяные проекторы?

Ламла указал вперед и вниз, на стены коридора, если, конечно, этот урод знал, о чем говорит.

— Там. Я знаю, вы их не видите, но можете мне поверить. Они там. С каждой стороны.

Флагерти как зачарованный наблюдал за трансформацией затянутой туманом прогалины в джунглях, которую «нарисовало» воображение Джейка, в густой темный лес. «Однажды давным-давно, когда все жили в густом темном лесу и никто не жил где-то еще, в этот лес забрел дракон».

Флагерти не знал, что видели Ламла и остальные, но у него на глазах дракон (который совсем недавно был Тираннасорбетом Рексом) послушно бродил по густому темному лесу, поджигая деревья и оглядываясь в поисках мальчиков-католиков, которыми мог бы закусить.

— Я НИЧЕГО не вижу! — проорал он Ламле. — Я думаю, ты выжил из своего гребаного УМА!

— Я видел, как их отключали, — спокойно ответил Ламла, — и могу практически точно вспомнить, где они находятся. Если ты позволишь мне взять четверых и показать им, куда стрелять, я уверен, у нас не уйдет много времени на то, чтобы вывести из строя проекторы.

«И как отреагирует Сейр, когда я доложу ему, что мы расстреляли его драгоценную ловушку разума? — мог бы сказать Флагерти. — Как отреагирует Уолтер о'Дим, когда ему станет об этом известно? Потому что ее уже не починить, во всяком случае, ее не починим мы, способные на то, чтобы разжечь огонь, потеряв друг о друга две палочки, но не более».

Мог, но не сказал. Потому что устранение мальчишки было куда важнее любого устройства древних, даже такого удивительного, как ловушка разума. И именно Сейр включил ее, не так ли? Ты говоришь правильно! Если уж кому-то придется объясняться, пусть объясняется Сейр! А пока этот чертов молокосос увеличивал расстояние от погони, которое Флагерти (именно его воображение удостоилось чести заменить воображение мальчишки) и его люди сумели так радикально сократить. Если бы одному из них повезло, и он подстрелил бы мальчишку и его мохнатого дружка, пока они были на виду! Но желания — это на одной чаше весов, а говно — на другой! Посмотрим, какая на этот раз перевесит!

— Бери своих лучших стрелков, — распорядился Флагерти голосом Джона Ф. Кеннеди. — Принимайся за дело.

Ламла приказал троим «низшим людям» и одному вампиру выйти вперед, поставил у стен по двое, быстро заговорил на незнакомом языке. Как понял Флагерти, двое из них, как и Ламла, успели побывать в этом коридоре и представляли себе, где находятся упрятанные в стены проекторы.

Тем временем дракон Флагерти, точнее, дракон его отца, продолжал бродить по густому темному лесу (джунгли полностью пропали) и поджигать все, что оказывалось в непосредственной близости.

Наконец (для Флагерти время тянулось долго, а на самом деле прошло меньше тридцати секунд) меткие стрелки открыли огонь. Практически мгновенно дракон и лес побледнели

перед глазами Флагерти, превратились в нечто, напоминающее передержанный негатив киноплёнки.

— Есть один! — закричал Ламла. К сожалению, если он поднимал голос, последний очень уж напоминал овечьё блеянье. — Разбейте остальные! Разбейте, ради любви ваших отцов!

«У половины этих тварей, наверное, и отцов-то никогда не было», — мрачно подумал Флагерти. Зазвенело разбитое стекло, дракон замер, вместе с языками пламени, которые в тот момент вырывались из его ноздрей и пасти, а также из жабр по обеим сторонам покрытой костяной броней шеи.

Вдохновленные первым успехом стрелки продолжили начатое, и несколько мгновений спустя с глаз исчезла как прогалина, так и замерший дракон. Остался только выложенный кафелем коридор, со следами на пыли тех, кто здесь уже прошел. У боковых стен на полу валялись осколки стеклянных фонарей, за которыми находились проекторы.

— Отлично! — воскликнул Флагерти, одобрительно кивнув Ламле. — А теперь бежим за мальчишкой, и бежим быстро. Мы должны его поймать и принести назад его голову на пике. Вы со мной?

Ему ответил согласный рев, но никто не смог перекричать Ламлу, глаза которого горели оранжево-красной злобой, совсем как у дракона.

— Это хорошо! — И Флагерти побежал первым, показывая пример, затянув речевку, которую точно узнали бы морские пехотинцы. — Нам без разницы, как далеко ты убежал...

— НАМ БЕЗ РАЗНИЦЫ, КАК ДАЛЕКО ТЫ УБЕЖАЛ! — подхватили остальные. По четыре в ряд, они миновали то место, где недавно росли джунгли Джейка. Под их ногами хрустели осколки стекла.

— Мы приведем тебя назад до того, как закончится этот забег!

— МЫ ПРИВЕДЕМ ТЕБЯ НАЗАД ДО ТОГО, КАК ЗАКОНЧИТСЯ ЭТОТ ЗАБЕГ!

— Ты можешь бежать до Каина или Луда...

— ТЫ МОЖЕШЬ БЕЖАТЬ ДО КАИНА ИЛИ ЛУДА!

— Мы съедим твои яйца и выпьем твою кровь!

Они проорали последнюю строку, и Флагерти прибавил скорость.

II

По топоту Джейк понял, что они вновь бросились в погоню. Услышал, как они пообещали съесть его яйца и выпить кровь.

«Хвастуны, хвастуны, хвастуны», — подумал он, но все равно постарался ускориться. Обмен разумами с Ышем, конечно, немного его утомил...

Нет.

Роланд учил его, что самообман — не более чем замаскированная гордость, оправдание, которое следует отвергнуть. Джейк делал все, что в его силах, применив на практике полученный урок, и в результате признал, что понятие «усталость» более не могло адекватно описать его состояние. Покалывание в боку отрастило зубы и вцепилось ими где-то глубоко под мышкой. Он знал, что ему нужно отрываться от преследователей, но нарастающая громкость речевки свидетельствовала об обратном: расстояние между ними сокращалось. Скоро они снова смогут начать стрелять в него и Ыша, и пусть точность стрельбы на бегу

оставляла желать лучшего, кому-то могло и повезти.

Теперь он уже видел: впереди что-то перегораживало коридор. Дверь. Приближаясь к ней, Джейк позволил себе задаться вопросом, а что он будет делать, если Сюзанны не окажется по другую сторону двери. Или она там будет, но не сможет ему помочь.

Что ж, он и Ыш примут последний бой, вот и все. На этот раз никакого укрытия, никаких Фермопил, но он будет бросать тарелки и срезать головы, пока они не убьют его.

Будет, если потребуется.

А может, и нет.

Джейк спешил к двери, горячее дыхание вырывалось из груди, едва не обжигая горло, и думал: *Ну и хорошо, что она здесь. Все равно я не смог бы бежать дальше.*

Ыш добрался до двери первым. Оперся передними лапами о дерево призраков и посмотрел вверх, словно читая слова, выбитые на двери или пульсирующую надпись под ними. Потом повернулся к Джейку, который, тяжело дыша, приближался к нему, зажав одну руку под мышкой и гремя орисами в плетеной сумке.

СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ, ЛТД

Нью-Йорк/Федик

Максимальный уровень безопасности

ВХОД ПО РЕЧЕВОМУ ПАРОЛЮ

№ 9 КОМАНДЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНЫ

Джейк попытался повернуть ручку, но она, естественно, не подалась. Когда холодный металл не шевельнулся под его пальцами, он не стал предпринимать вторую попытку, а застучал обеими ладонями по дереву.

— Сюзанна! — закричал он. — Если ты здесь,пусти меня!

Лучше б попросил об этом волосок на моем подбородке-подбородке-подбородочке, — услышал он голос отца, а его мать куда как более серьезно, словно говорила о важном, добавила: *Жужжала муха надо мной... когда умерла.*

Из-за двери не последовало никакого отклика. За спиной голоса слуг Алого Короля звучали все громче.

— Сюзанна! — прокричал он что было мочи и, не получив ответа и на этот раз, повернулся, прижался к двери спиной (он же всегда знал, что именно так уйдет из этой жизни, прижимаясь спиной к запертой двери), выхватил из плетеной сумки две орисы. Ыш занял позицию между его ног, шерсть встала дыбом, мягкая бархатистая кожа мордочки оттянулась назад, обнажив многочисленные зубы.

Джейк скрестил руки перед грудью, изготавившись к броску.

— Так подходите, мерзавцы, — процедил он. — За Гилеад и за Эльд. За меня и за Ыша.

Он очень уж сосредоточился на желании умереть красиво, взять с собой хотя бы одного

из врагов (лично он отдавал предпочтение тому, кто сказал ему, что «паппа стал обедом»), а может, и больше, если представится такая возможность, и поначалу не понял, что голос, который он слышит, доносится из-за двери, а не звучит в голове.

— Джейк! Это действительно ты, сладенький?

Глаза мальчика округлились. Неужто это чья-то шутка? Если да, Джейк полагал, что она станет последней, которую с ним сыграли.

— Сюзанна, они приближаются! Ты знаешь, как...

— Да. Пароль по-прежнему должен быть *чеззет*, ты меня слышишь? Если Найджел прав, пароль все тот же *чез*...

Джейк не стал ждать, пока она произнесет это слово вновь. Теперь он уже видел их, несущихся к нему на всех парах. Некоторые размахивали пистолетами и уже стреляли в воздух.

— *Чеззет!* — проорал он. — *Чеззет* за Башню! Открывайся! Открывайся, сучья дочь!

И дверь, к которой прижималась его спина, дверь между Нью-Йорком и Федиком щелкнула, открываясь. Флагерти, который возглавлял погоню, это увидел, с его губ сорвалось самое грязное ругательство, которое он только знал, он поднял пистолет и выстрелил. Это был хороший выстрел, пулю, вылетевшую из ствола, Флагерти направлял всей своей недюжинной волей. И она, конечно же, пробила бы лоб Джейка над левым глазом, вошла в мозг и оборвала его жизнь, если бы в тот самый момент сильная, с коричневыми пальцами, рука, не схватила Джейка за воротник и не дернула на себя. И перемещение Джейка в Федик сопровождалось тем пронзительным звоном колокольцев, которые всегда звучат между уровнями Башни. Пуля же просвистела мимо головы Джейка, вместо того чтобы угодить в нее.

Ыш последовал за своим другом, громко твякая: «Эйу-Эйк! Эйк-Эйк!» — и дверь за ними захлопнулась. Флагерти добежал до нее двадцать секунд спустя и барабанил по ней кулаками, пока не разбил их в кровь (когда Ламла попытался остановить его, Флагерти отшвырнул его с такой силой, что тахин растянулся на полу), но больше-то ничего сделать не мог. Кулаки не могли открыть дверь; ругательства — не могли; ничто не могло.

В самую последнюю минуту мальчишка и ушастик-путаник ускользнули от них. И еще на какое-то время ядро ка-тета Роланда сохранило свой состав.

Глава 6

На Тэтлбек-лейн

1

Посмотрите, прошу вас, и посмотрите очень хорошо, потому что это одно из красивейших мест, которые еще остались в Америке.

Я хочу показать вам обыкновенную проселочную дорогу, которая бежит вдоль густо заросшего лесом горного хребта в западном Мэне, ее северный и южный концы упираются в шоссе № 7, на расстоянии примерно в две мили. К западу от этого хребта, словно ювелирная оправка, расположилась глубокая зеленая впадина. В самом ее центре — камень в оправе, озеро Кезар. Как на всех горных озерах, погода на нем может меняться с полдюжины раз за день, но здесь она выкидывает просто удивительные фортели; ее можно назвать полоумной и не ошибиться. Местные жители охотно расскажут вам, что белые мухи один раз появились в конце августа (1948), а однажды посыпались на славное Четвертое^[41] (1959). Еще с большей радостью они расскажут вам о торнадо, который пронесся по ледяному панцирю озера в январе 1971 г., засасывая снег и создавая белый вихрь, в глубине которого гремел гром. Трудно поверить, что есть место с такой безумной погодой, но вы можете поехать и повидаться с Гэри Баркером, если не верите мне; у него есть фотографии, доказывающие вышесказанное.

Сегодня озеро на дне впадины — чернее смертного греха, не только отражает тяжелые грозовые облака, нависшие над ним, но и усиливает их черноту. Время от времени по обсидиановой, гладкой как зеркало поверхности пробегают серебряные искры: отражения молний, вылетавших из облаков. Раскаты грома прокатываются под ними, закрывшими небо с запада на восток, словно грохот колес огромной каменной повозки по небесной мостовой. Сосны, дубы и березы застывают, и весь мир, кажется, замер, затаив дыхание. Тени исчезли. Птицы замолкли. Над головой громыхает еще одна повозка, неспешно катясь лишь ей ведомым курсом, и тут (наконец-то!) мы слышим шум двигателя. А вскоре появляется и запыленный «форд-гэлакси». Сквозь ветровое стекло виднеется озабоченное лицо Эдди Дина, сидящего за рулем, включенные фары разгоняют раньше времени сгустившуюся темноту.

2

Эдди уже открыл рот, чтобы спросить Роланда, как далеко им еще ехать, но, разумеется, ответ знал и сам. Рядом с южным концом Тэтлбек-лейн стоял щит-указатель с большой черной единицей, и около каждого поворота на подъездную дорожку (все они вели влево, к озеру) — точно такой же, менялось лишь число, в большую сторону. В просветах между деревьями они кое-где видели черную воду, но дома находились ниже по склону, и в поле зрения не попадали. При каждом вдохе Эдди явно ощущал запах озона и дважды приглаживал волосы на загривке, в полной уверенности, что они стоят дыбом. Они не стояли, но все равно щекочущее нервы магическое чувство радостного возбуждения никуда не делось,

волнами прокатывалось через него, вспыхивая в солнечном сплетении, как среагировавший на перегрузку предохранитель, и уж оттуда расходясь по всему телу. Конечно, все дело в грозе. Так уж вышло, он из тех людей, у кого нервные окончания отзываются на ее приближение. Правда, никогда раньше они не отзывались так сильно.

Гроза тут ни при чем, и ты это знаешь.

Да, разумеется, ни при чем. Хотя Эдди рассчитывал, что все эти невыносимые вольты, возможно, облегчат ему установление контакта с Сюзанной. Он возникал и исчезал, как передача далекой радиостанции по ночам, но после их встречи с

(Ты, дитя Родерика, ты, увечный и заблудший)

Чевином из Чайвена контакт этот определенно окреп. Он подозревал, что часть Мэна, в которой они находились, благодаря утончению перемычек стала ближе ко многим мирам. Как их ка-тет приблизился к тому, чтобы вновь стать единым целым. Ибо Джейк уже нашел Сюзанну, и на какое-то время они пребывали в безопасности, отделенные крепкой дверью от преследователей. И однако что-то грозило им и по ту сторону двери:

Сюзанна то ли не хотела говорить об этом, то ли не могла объяснить, какая над ними нависла угроза. Но Эдди все равно ощущал страх Сюзанны, страх, что придется вновь столкнуться с этой угрозой, и думал, что знает, чего боится Сюзанна: ребенка Миа. Который в каком-то смысле, пусть Эдди до конца не понимал, как именно, был и ребенком Сюзанны. Что заставляло женщину, вооруженную пистолетом, бояться младенца, Эдди не знал, но не сомневался: если боится, значит, на то есть веская причина.

Они проехали щит-указатель ФЕНН, 11, потом — ИСРАЭЛЬ, 12. Обогнули поворот, и Эдди нажал на педаль тормоза. «Гэлакси» резко остановился, подняв столб пыли. На обочине, под указателем БЕКХАРДТ, 13, стоял знакомый пикап, сработанный компанией «Форд», а к тронутому ржавчиной борту кузова небрежно привалился еще более знакомый мужчина в синих, с отворотами, джинсах, отутюженной синей рубашке из «шамбре», застегнутой до чисто выбритой шеи и двойного подбородка. Голову украшала бейсболка бостонской команды «Ред сокс», чуть сдвинутая набекрень, как бы говорившая: «А я тебя обогнал, партнер». Мужчина курил трубку, и синеватый дымок окутывал его изрезанное морщинами добродушное лицо, не рассеиваясь в застывшем предгрозовом воздухе.

Все это благодаря обострившимся до предела чувствам Эдди видел с удивительной четкостью, отдавая себе отчет, что широко улыбается — так улыбаются, встретив давнего друга в далеком краю, скажем, у египетских пирамид, на рынке в Танжере, на острове Формоза или на Тэтлбек-лейн в Лоувелле, во второй половине летнего дня в 1977 году, перед самой грозой. И Роланд улыбался. Старый, длинный и уродливый... и улыбался! Что тут скажешь, чудесам несть конца.

Они вылезли из кабины и направились к Джону Каллему. Роланд поднес кулак ко лбу и чуть согнул колено.

— Хайл, Джон! Я вижу тебя очень хорошо.

— Ага, вижу тебя тоже, — ответил Джон Каллем. — Ясно, как божий день. — И отдал честь, коснувшись рукой головы пониже бейсболки и повыше кустистых бровей, потом повернул голову к Эдди. — Молодой человек.

— Долгих дней и приятных ночей. — Эдди тронул лоб костяшками пальцев. Он не принадлежал к этому миру, уже не принадлежал, и до чего же приятно не притворяться, будто принадлежишь.

— Хорошо сказано, — отметил Джон. — Я приехал раньше вас. Предполагал, что так и

будет.

Роланд оглядел леса по обе стороны дороги, нависшее над ними черное небо.

— Не думаю, что это место подходит?.. — Вопросительные нотки в его голосе едва слышались.

— Нет, это не то место, где вы хотели бы закончить свои дела, — согласился Джон, попыхивая трубкой. — Я его проехал по пути сюда, и вот что я вам скажу: если вы хотите поговорить, лучше это сделать здесь, чем там. Когда доберетесь туда, сможете только тарашиться с разинутыми ртами. Поверьте мне, ничего более удивительного я еще не видел. — На мгновение его лицо стало лицом ребенка, который поймал своего первого светлячка, и Эдди понял, что говорит Каллем совершенно искренне.

— Почему? — спросил он. — Что ждет нас впереди? Приходящие? Или дверь? — Тут в голове сверкнула мысль... и Эдди ухватился за нее. — Это дверь, не так ли? И она открыта?

Джон уже начал качать головой, потом передумал.

— Может, и дверь. — Последнее слово он растянул до невозможности, словно оно стало для него драгоценностью, с которой он никак не хотел расставаться. Оно тянулось, как вздох после долгого, трудного дня: «две-е-е-ерь». — Выглядела *не совсем*, как дверь, но... Возможно. Могла это быть дверь? — Он задумался. — Ага. Но я думаю, что вы, парни, хотите поговорить, а если мы поедем туда, к «Каре-Хохотушке», разговора не получится: вы будете просто стоять с отвисшими челюстями. — Каллем вскинул голову, расхохотался. — Я тоже.

— Кара-Хохотушка — это кто? — спросил Эдди.

Джон пожал плечами.

— Многие люди, купившие дома у озера, дают им имена. Я думаю, потому что очень дорого за них заплатили. Вот и хотят получить за свои деньги чуть больше. Так или иначе, «Кара» сейчас пустует. Дом этот принадлежит семье Макгрей из Вашингтона, округ Колумбия, но они выставили его на продажу. У них черная полоса. У него инсульт, а она... — Он опрокинул в рот воображаемый стакан.

Эдди кивнул. Многое, связанное с этим походом к Башне, он не понимал, но кое-что знал без всяких объяснений. К примеру, дом на Тэтлбек-лейн, откуда, судя по всему, и появлялись в этом мире приходящие, Джон Каллем назвал «Кара-Хохотушка». Эдди же не сомневался, что на щите-указателе, у которого начиналась подъездная дорожка к этому дому, будет стоять число 19.

Он поднял голову и увидел, как черные облака плывут над озером Кезар на запад, к Белым горам... которые — и тут сомнений быть не могло — в мире, расположенном не так уж далеко от этого, назывались Дискордией... и вдоль Тропы Луча.

Всегда вдоль Тропы Луча.

— Так что ты предлагаешь, Джон?

Каллем мотнул головой в сторону щита с надписью БЕКХАРДТ.

— Я присматриваю за домом Дика Бекхардта с конца пятидесятых. Чертовски милый человек. Сейчас он в Вашингтоне, что-то делает в администрации Картера. — *Ка-а-а-ртра-а*. — У меня есть ключ. Думаю, мы можем поехать туда. Там тепло и сухо, а здесь, думаю, скоро станет холодно и мокро. Вы, парни, сможете рассказать мне свою историю, я — ее выслушать, слушатель я сносный, а потом мы все поедем к «Каре». Я... ну, я просто никогда... — Он покачал головой, вынул трубку изо рта, посмотрел на них с искренним изумлением. — Говорю вам, никогда не видел ничего подобного. И знаете что, я даже не

знал, как мне на это смотреть.

— Хорошо, — кивнул Роланд. — Мы все поедem на твоem картomobile, если ты не возражаешь.

— Меня это устроит, — кивнул Джон и полез на заднее сиденье.

Коттедж Дика Бекхардта находился в полумиле от дороги, со стенами из сосновых бревен, теплый, уютный. В гостиной стояла пузатая печь, на полу лежал плетеный ковер.

Выходящую на запад стену целиком сделали из стекла, и Эдди не устоял перед тем, чтобы на несколько мгновений замереть около нее, несмотря на срочность их дела. Озеро цвета эбонита просто пугало. «Как глаз зомби», — подумал он, понятия не имея, откуда взялась такая мысль. У него возникла идея, что, подуй ветер (а он бы обязательно подул, если б пошел дождь), белые барашки побежали бы по поверхности и, конечно, смотреть на озеро стало бы куда как приятнее. Пропало бы ощущение, что не только ты смотришь на озеро, но и что-то смотрит на тебя.

Джон Каллем сел за стол Дика Бекхардта из полированной сосны, снял бейсболку, скомкал в правой руке. Обвел Роланда и Эдди ставшим серьезным взглядом.

— Мы знаем друг друга чертовски хорошо для тех, кто знаком не так уж и давно. Вы со мной согласны?

Оба кивнули. Эдди все ждал, что поднимется ветер, но мир по-прежнему задерживал дыхание. И Эдди мог поспорить на что угодно: гроза будет жуткая.

— Люди так хорошо узнают друг друга в армии, — продолжил Джон Каллем. — На войне. — *Аа-армии. Во-ойне.* — Так, наверное, всегда, насколько я понимаю, если ситуация критическая.

— Да, — согласился Роланд. — «Под огнем люди сближаются», — так мы говорим.

— Правда? Я знаю, вам нужно многое мне сказать, но прежде чем вы начнете, я бы хотел кое о чем сказать вам. И я готов поцеловать свинью, если вам не понравится мой рассказ.

— Какой? — спросил Эдди.

— Пару часов назад окружной шериф Элдон Ройстер посадил за решетку четверых мужчин, арестованных в Оберне. Похоже, они пытались прошмыгнуть мимо полицейского блокпоста на лесной дороге, вот и нарвались на неприятности. — Джон вернул трубку в рот, достал спичку из нагрудного кармана, прижал ноготь большого пальца к головке. — Они пытались уехать из округа втихаря, потому что везли с собой много оружия. — *Мно-ого о-оружия.* — Автоматы, гранаты, какое-то вещество, вроде бы Си-4^[42]. Одного из этих парней вы вроде бы упоминали... Джек Андолини? — И вот тут он зажег спичку.

Эдди плюхнулся на один из стульев сэя Бекхардта, откинул голову и загоготал, глядя в потолок. Роланд отметил, что никто не умел смеяться, как Эдди Дин. С того самого момента, как Катберт Оллгуд шагнул в пустошь.

— Красавчик Джек Андолини сидит в окружной кутузке штата Мэн! Обваляйте меня в сахарной пудре и обзовите гребаным пончиком! Если бы мой брат Генри был жив и мог увидеть это собственными глазами! — Но тут до Эдди дошло, что его брат Генри в этот самый момент скорее всего жив, во всяком случае, один из Генри. При условии, что братья

Дни существовали в этом мире.

— Ага, думал, вам понравится. — Джон поднес огонек быстро чернеющей спички к трубке. Ему это тоже нравилось. Он так широко улыбался, что никак не мог раскурить трубку.

— Ну и ну. — Эдди вытирал катящиеся из глаз слезы. — Для меня это событие дня. Чего там, года!

— Я хочу сказать вам и кое-что еще, но это мы оставим на потом. — Табак наконец занялся, и Джон откинулся на спинку стула, глядя на двух необычных странников, которых повстречал в этот день. — А сейчас я хотел бы выслушать вашу историю. И узнать, чего вы от меня хотите.

— Сколько тебе лет, Джон? — спросил Роланд.

— Я не так стар, чтобы стоять одной ногой в могиле, — ответил Джон с прохладцей в голосе. — А как насчет тебя, приятель? Сколько раз ты обернулся вместе с шариком?

Роланд ему улыбнулся, как бы говоря: «Намек понял, давай сменим тему».

— Эдди будет говорить за нас обоих, — сказал он. Так они решили по дороге из Бриджтона. — Моя история слишком длинная.

— Если ты так говоришь, — пожал плечами Джон.

— Говорю, — кивнул Роланд. — Пусть Эдди расскажет тебе всю историю, сколько бы на это ни ушло времени, потом мы оба скажем, что нам от тебя нужно, и, если ты согласишься, он даст тебе одну вещь, чтобы ты передал ее человеку, которого зовут Мозес Карвер... а я дам тебе другую.

Каллем обдумал его слова, кивнул. Повернулся к Эдди.

Тот глубоко вдохнул.

— Прежде всего вы должны узнать о том, что я встретил человека, который сидит рядом со мной, во время перелета из Нассау, Багамские острова, в аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке. Я тогда сидел на героине, как и мой брат. И перевозил кокаин.

— И когда это было, сынок? — полюбопытствовал Джон Каллем.

— Летом 1987 года.

Они увидели на лице Каллема изумление, но ни тени сомнения в том, что он поверил Эдди.

— Так вы пришли из будущего! Господи! — Он наклонился вперед, в табачный дым. — Сынок, рассказывай свою историю. И не пропускай ни слова.

На это у Эдди ушло полтора часа, и лишь потому, что ради краткости он опускал часть происшедшего с ними. Гроза все не начиналась, но и не уходила. Над домом Дика Бекхардта иногда погромыхивало, а иной раз гремело с такой силой, что они подпрыгивали. Молнии били по центру узкого озера, которое лежало под ними, на мгновение-другое освещая окрестности, окрашивая их в нежно-лиловый цвет. Однажды поднялся ветер, зашумел кронами деревьев, и Эдди подумал: «Теперь начнется, точно начнется», — но гроза не началась. И при этом и не думала уходить, нависла над ними, как меч на самой тонкой из ниточек, заставив Эдди подумать о долгой, странной беременности Сюзанны, теперь оставшейся в прошлом. Где-то часов в семь отключилось электричество, и Джон некоторое

время рылся в ящиках кухонных шкафов в поисках свечей, а Эдди продолжал рассказывать: о стариках из Речного перекрестка, о безумцах из Луда, о запуганных жителях Кальи Брин Стерджис, городка, где они встретили бывшего священника, который вроде бы сошел со страниц книги. Джон поставил свечи на стол, вместе с крекерами, сыром и бутылкой ледяного чая «Ред Зингер». Рассказал Эдди и о визите к Стивену Кингу, о том, как стрелок загипнотизировал писателя и приказал забыть об их появлении, как на короткое время они увидели Сюзанну, как решили позвонить Джону Каллему, потому что, по словам Роланда, в этой части мира позвонить они могли *только ему*. Когда Эдди замолчал, Роланд рассказал, как по пути к Тэтлбек-лейн они встретили Чевина из Чайвена. Стрелок положил серебряный крестик, который показывал Чевину, на стол рядом с тарелкой сыра, и Джон провел толстым ногтем большого пальца по звеньям тоненькой цепочки.

А потом, и надолго, повисла тишина.

И когда Эдди более не мог ее слушать, он спросил старого сторожа, многому ли из рассказанного он поверил.

— Всему, — без малейшего колебания ответил Джон. — Так вы хотите позаботиться о той розе в Нью-Йорке, не так ли?

— Да, — кивнул Роланд.

— Потому что она оберегает Луч, тогда как большинство остальных уничтожили эти, как вы их там называете, телепаты-разрушители. — Эдди поразился, как легко и быстро Каллем ухватил самую суть, но, возможно, удивляться не стоило. «Свежим глазом все видно лучше», — любила говорить Сюзанна. А Каллем определенно относился к тем, кого седые Луда назвали бы «умником».

— Да, — ответил Роланд, — ты говоришь правильно.

— Роза оберегает один Луч. Стивен Кинг — другой. По крайней мере вы так думаете.

— За ним надо приглядывать, Джон, — вставил Эдди. — Помимо всего прочего, у него много вредных привычек. А мы, покинув 1977 год этого мира, больше никогда не сможем вернуться сюда и проверить, как он.

— Кинг не существует ни в одном из других миров? — спросил Джон.

— Практически наверняка — нет, — ответил Роланд.

— Даже если и существует, — добавил Эдди, — что он там делает, не имеет ровно никакого значения. Этот мир — ключевой. Этот — и тот, из которого пришел Роланд. Эти два мира — близнецы.

Он посмотрел на Роланда, ожидая подтверждения. Роланд кивнул и закурил последнюю сигарету из тех, что ранее дал ему Джон.

— Думаю, я смогу приглядывать за Кингом, — сказал Джон. — И ему знать об этом не обязательно. При условии, что я вернусь после того дела, по которому вы посылаете меня в Нью-Йорк. Я представляю себе, что это за дело, но, может, вы расскажете подробнее. — Из заднего кармана джинсов достал потрепанный блокнотик с зеленой обложкой. Пролистал практически весь, но нашел чистый листок, из нагрудного кармана выудил карандаш, послонявил конец (Эдди едва не передернуло) и выжидающе посмотрел на них, как смотрит на учителя любой ученик средней школы в первый учебный день.

— А теперь, дорогие мои, почему бы вам не рассказать вашему дядюшке Джону все остальное?

На этот раз говорил по большей части Роланд, и хотя сказать ему надо было гораздо меньше, он уложился лишь в полчаса, ибо говорил медленно, часто обращаясь к Эдди, чтобы тот помог ему со словом или фразой. Эдди уже познакомился с убийцей и дипломатом, которые жили в Роланде из Гилеада, а теперь вот столкнулся с толмачом, от которого требовалось правильно донести каждое слово. За окном гроза все не начиналась, но и не уходила.

Наконец стрелок откинулся на спинку стула. В желтом свете свечей лицо его выглядело совсем древним и при этом красивым. Эдди впервые заподозрил, что со здоровьем у Роланда проблемы более серьезные, и они не ограничивались одной лишь болезнью, которую Розалита Мунос называла сухой скрут. Роланд терял вес, темные мешки под глазами шептали о тяжелой болезни. Он залпом выпил стакан красного чая и спросил:

— Ты понял, что я тебе сказал?

— Ага. — Не более того.

— Ты хорошо все понял, не так ли? — настаивал Роланд. — Нет вопросов?

— Думаю, что нет.

— Тогда перескажи нам все.

Своим корявым почерком Джон заполнил два листка. Теперь просмотрел их, кивнул себе пару раз. Откашлялся и убрал блокнотик в карман. «Он, возможно, и живет в захолустье, но далеко не глуп, — подумал Эдди. — И наша встреча с ним — никакая не случайность; просто у ка выдался очень хороший день».

— Поехать в Нью-Йорк, — начал Джон. — Найти этого Эрона Дипно. Подружиться с ним. Убедить Дипно, что оберегать розу на пустыре — почти самая важная работа в этом мире.

— «Почти» можно и опустить, — заметил Эдди.

Джон кивнул, словно речь шла о само собой разумеющемся. Взял листок со смешным бобром в верхней части и засунул в просторный бумажник. Передача купчей стала для Эдди едва ли не самым трудным испытанием из выпавших на их долю после того, как Ненайденная дверь засосала его и Роланда и выплюнула в Ист-Стоунэме. Он едва сдержался, чтобы не выхватить ее из руки Каллема, прежде чем она исчезла в старом потрепанном «Лорде Бакстоне»^[43]. И подумал, что теперь гораздо лучше понимает чувства Келвина Тауэра.

— Поскольку вы, мальчики, теперь владеете пустырем, роза тоже принадлежит вам, — сказал Джон.

— Роза теперь принадлежит «Тет корпорейшн», — уточнил Эдди. — Корпорации, в которой вы должны стать исполнительным вице-президентом.

Джона Каллема не сильно впечатлила его новая должность.

— Дипно должен подготовить все необходимые документы, в том числе устав, и зарегистрировать «Тет корпорейшн». Потом мы пойдем к этому Мозесу Карверу и убедим его сесть в нашу лодку. Это будет самым сложным... — *са-а-а-амым сло-о-о-ожным*, — но мы сделаем все, что в наших силах.

— Надень крест тетушки на шею, — сказал Роланд, — и когда вы встретитесь с Карвером, покажи ему крест. Возможно, тебе потребуется пройти долгий путь, чтобы

убедить его в своей правоте. Но первым шагом должен стать этот.

Но пути из Бриджтона Роланд спросил Эдди, может ли он вспомнить какой-нибудь секрет, не важно, пустяковый или серьезный, который могли знать только Сюзанна и ее крестный. Так уж вышло, что Эдди такой секрет знал, и теперь изумился, услышав, как Сюзанна заговорила из крестика, который лежал на сосновом столе Дика Бекхардта.

Мы похоронили Пимси под яблоней, где он смог бы наблюдать, как весной осыпаются лепестки цветов, — поведал им ее голос. — *И папа Моуз сказал мне, что больше плакать не надо, ибо Бог думает, что слишком долгий траур по домашнему любимцу...*

Слова превратились в невнятное бормотание, потом смолкли совсем. Но Эдди помнил то, что не успела сказать Сюзанна и пересказал Каллему.

— «...что слишком долгий траур по домашнему любимцу — грех». Еще папа Моуз сказал ей, что она может изредка приходить на могилу Пимси и шептать: «Будь счастлив на небесах», — но никогда никому об этом не говорить, потому что проповедники не жаловали идею, будто животные могут попадать на небеса. И она хранила этот секрет. Я — единственный, с кем она поделилась.

Эдди, возможно, вспомнил, как она после близости доверилась ему в темноте ночи, и в улыбке, появившейся на его лице, было больше боли, чем радости.

Широко раскрытыми глазами Джон Каллем посмотрел на крестик, потом на Роланда.

— Что это? Какой-то магнитофон? Магнитофон, да?

— Это сигул, — терпеливо ответил Роланд. — Который поможет тебе наладить отношения с Карвером, если он окажется, как называет таких людей Эдди, упертым. — Стрелок чуть улыбнулся. Нравилось ему это слово, *упертый*. Он его понимал. — Надень.

Но Каллем не надел. Во всяком случае, сразу. Впервые с того момента, как они познакомились со стариком, считая и те минуты, что они провели под огнем в магазине, на его лице отразилась тревога.

— Это магия? — спросил он.

Роланд нетерпеливо пожал плечами, как бы показывая, что слово это в данном контексте неприменимо, и просто повторил:

— Надень.

Осторожно, словно боясь, что крестик тетушки Талиты может в любой момент раскалиться докрасна и сильно его обжечь, Джон Каллем надел крестик. Опустил голову, чтобы посмотреть на него, отчего под его длинным лицом двойной подбородок сильно прибавил в размерах, потом убрал крестик под рубашку.

— Господи, — повторил он очень тихо.

Отдавая себе отчет, что сейчас он говорит точно так же, как однажды говорили с ним, Эдди Дин сказал:

— Повтори оставшуюся часть своего урока, Джон из Ист-Стоунэма, и не ошибайся.

В это утро Каллем поднялся с постели сторожем летних коттеджей, из тех, кого мир не видит и не знает. Чтобы вечером лечь в постель потенциально одним из самых влиятельных людей, истинным принцем Земли. Если его это и страшило, виду он не показывал. Возможно, еще не осознал произошедшей с ним перемены.

Но Эдди в это не верил. Перед ними сидел человек, которого послала им ка, умный и храбрый. И будь Эдди Уолтером (или Флеггом, как иногда называл себя Уолтер), он бы, пожалуй, задрожал от предчувствия беды.

— Итак, — продолжил Джон, — вам без разницы, кто управляет компанией, но вы хотите, чтобы «Тет» поглотила «Холмс», потому что отныне задача компании — не производство зубной пасты и коронок, хотя какое-то время и будет казаться, что именно этим она и занимается.

— А что...

Больше Эдди ничего сказать не успел. Джон поднял мозолистую руку, останавливая его. Эдди попытался представить ее с калькулятором «Тексас инструментс»^[44], и смог, очень даже легко. Странно, но факт.

— Позволь мне, и я тебе скажу.

Эдди откинулся на спинку стула, провел пальцами вдоль рта, словно закрывая его на молнию.

— Обеспечить безопасность розы, это первое. Обеспечить безопасность писателя, это второе. Кроме того, я, этот парень Дипно и другой парень, Карвер, должны создать одну из крупнейших в мире и самых влиятельных корпораций. Мы будем заниматься недвижимостью, будем работать с... э... — Тут он достал из кармана потрепанный зеленый блокнотик, быстро сверился с ним, убрал. — Мы будем работать с разработчиками «программного обеспечения», кем бы они ни были, потому что именно они станут следующей технологической волной. Мы должны запомнить три слова. — Он перечислил их без запинки: — Майкрософт. Микрочип. Интел. И какой бы большой ни стала наша корпорация и как быстро, три наши основные задачи останутся неизменными: оберегать розу, оберегать Кинга и при каждом удобном случае вставлять палки в колеса двум другим компаниям. Одна называется «Сомбра». Вторая... — короткая пауза, — «Северный центр позитроники». По вашим словам, «Сомбра» больше интересуется недвижимостью. «Центр позитроники»... ну, наукой и всякими устройствами, это очевидно даже мне. Если «Сомбра» захочет приобрести участок земли, «Тет» постарается ухватить его первым. Если «Центр» захочет приобрести патент, мы будем стараться перекупить его или хотя бы помешать им. Скажем, сделать так, чтобы он достался третьей стороне.

Эдди одобрительно кивал. Насчет последнего он Джону ничего не говорил, но старик дошел до этого сам.

— Мы — три беззубых мушкетера, три старых пердуна Апокалипсиса, и наш долг — помешать этим двум компаниям получить то, что им хочется, как честными средствами, так и нет. Грязная игра тут более чем уместна. — Джон ухмыльнулся. — Я не посещал Гарвардскую школу бизнеса, — *Га-а-арвардскую школу б'знеса*, — но, полагаю, могу пнуть кого-нибудь по яйцам не хуже любого другого.

— Хорошо. — Роланд начал подниматься. — Думаю, нам пора...

Эдди вскинул руку, останавливая его. Да, ему хотелось увидеть Сюзанну и Джейка, не терпелось обнять свою любимую, покрыть ее лицо поцелуями. Казалось, прошли годы с того момента, как он видел ее в последний раз на Восточной дороге в Калье Брин Стерджис. И однако он не мог подняться и уйти с легкостью Роланда, который привык к тому, что ему повинуются, и воспринимал как должное готовность совершенных незнакомцев служить ему верой и правдой, не щадя живота своего. Но по другую сторону стола Дика Бекхардта сидел не просто подвернувшийся под руку человек, сгодившийся для выполнения конкретного

поручения, а непривыкший кому-либо повиноваться янки, умный, настырный... но, чего уж там, слишком старый для того, что они от него хотели. Однако если считать старым Джона Каллема, то к какой категории следовало отнести Эрона Дипно, больного раком и сидящего на таблетках?

— Мой друг считает, что нам пора, и я с ним согласен, — нарушил затянувшуюся паузу Эдди. — У нас впереди долгий путь.

— Я знаю. На твоём лице это видно, сынок. Как шрам.

Идея восхитила Эдди: долг и ка, как нечто, оставляющее отметину на лице, которая может выглядеть знаком отличия для одного и уродством для другого. За стенами дома громыхнул гром, сверкнула молния.

— Но почему вы это делаете? — спросил Эдди. — Я должен знать. Почему вы это делаете для двух людей, которых только что встретили?

Джон обдумал вопрос. Коснулся креста, который уже носил, который будет носить до самой смерти в 1989 году, креста, полученного Роландом от старой женщины в забытом всеми городке. Точно так же он будет прикасаться к нему и оставшиеся у него годы, обдумывая серьёзную проблему (самой серьёзной станет разрыв всех контактов с «Ай-би-эм», корпорацией, выказывавшей все большее желание работать с «Северным центром позитроники») или готовя тайную операцию (к примеру, поджог комплекса «Сомбра энтерпрайсис» в Нью-Дели за год до смерти). Крест «поговорил» с Мозесом Карвером, но более никогда не подавал голоса в присутствии Каллема, как бы тот ни старался, сколько бы на него ни дул, но иногда, засыпая, он сжимал крест рукой и думал: «Это сигул. Это сигул, дорогой... что-то, пришедшее из другого мира».

И подходя к концу тропы, он сожалел только об одном (если исключить сожаление о человеческих жизнях, которые унесло противодействие «Сомбре»): ему так и не выпал шанс побывать в мире, который открылся ему в одну грозовую ночь на Тэтлбек-лейн, в городе Лоувелле. Время от времени сигул посылал ему сны, в которых он видел поле красных роз и черную как сажа башню. А иногда ему снились два ужасных алых глаза, плавающие сами по себе, безо всякой головы, и неослабно обозревающие горизонт. Иной раз в своих снах он слышал, как человек трубит и трубит в рог. После этих снов он просыпался со слезами на щеках, слезами тоски, потери, любви. Рука его, когда он просыпался, сжимала крест, и он думал: «Я отвергаю Дискордию и ни о чем не сожалею; я плюнул в бестелесные глаза Алого Короля и радуюсь этому; я связал свою судьбу с ка-тетом стрелка и Белизной и никогда не ставил под вопрос правильность выбора».

И тем не менее он хотел побывать хоть разок в другом мире: том, что находился за дверью.

Теперь же он сказал:

— Вы, парни, хотите сделать то, что нужно сделать. Яснее выразиться не могу. Я вам верю. — Он запнулся. — Я верю в вас. И вижу искренность в ваших глазах.

Эдди уже подумал, что Каллем выговорился, но тот неожиданно, как мальчишка, расплылся в улыбке.

— И потом, у меня такое ощущение, что вы предлагаете мне ключи от огромного грузовика. Кто же откажется завести его, тронуть с места и посмотреть, что из этого выйдет?

— Ты боишься? — спросил Роланд.

Джон Каллем задумался, потом кивнул.

— Ага.

Они вернулись на Тэтлбек-лейн в машине Каллема под черным, бурлящим небом. И хотя летний сезон был в самом разгаре, то есть в большинстве коттеджей на озере Кезар кто-то наверняка жил, им не встретилось ни одного автомобиля, едущего или в попутном направлении, или навстречу. И все лодки давно уже стояли у пристаней.

— Я говорил, что у меня есть для вас кое-что еще. — С этими словами Джон направился к пикапу, в кузове которого, у кабины стоял привинченный к ней и к полу железный, запертый на замок ящик. Уже задул ветер. Волосы Каллема белым пухом метались над головой. Он набрал на висячем замке нужную комбинацию, открыл его, снял, поднял крышку. Из ящика достал два пыльных мешка, хорошо знакомых странникам. Один выглядел новеньким в сравнении со вторым, вытертым до цвета пыли пустыни, со шнурками из сыромятной кожи.

— Наше снаряжение! — воскликнул Эдди. От радости и изумления он чуть ли не закричал.

Джон ответил улыбкой, которая однозначно указывала на то, что ее обладатель точно станет мастером грязной игры: вроде бы и сонной, но при этом хитрой.

— Приятный сюрприз, не правда ли? Я и сам так подумал. Поехал взглянуть на магазин Чипа, вернее, на то, что от него осталось, когда там еще царила суматоха. Люди бегали туда-сюда, обратно, вот что я хочу сказать. Накрывали тела, натягивали желтую ленту, фотографировали. Кто-то отложил эти мешки в сторону, они выглядели такими одинокими, что я... — Он пожал костлявыми плечами. — Я их подобрал.

— И произошло это, когда мы беседовали с Келвином Тауэром и Эроном Дипно в арендованном ими коттедже, — догадался Эдди. — А потом вы поехали домой, вроде бы для того, чтобы собрать вещи для поездки в Вермонт. Я прав? — Он поглаживал свой мешок. Так хорошо знакомую ему поверхность. Разве он не сам подстрелил лося, шкура которого и стала этим мешком? Разве не сам срезал шерсть ножом Роланда, а потом шил мешок с помощью Сюзанны? И произошло это вскоре после того, как огромный робот-медведь, Шардик, едва не вспорол ему живот и не выпустил кишки. Давным-давно, где-то в прошлом столетии.

— Да, — ответил Каллем, и когда улыбка старика стала еще шире, у Эдди отпали последние сомнения. В этом мире они нашли нужного им человека. Правильно говоришь, и благодари Гана сильно-сильно.

— Возьми свой револьвер, Эдди. — Роланд протянул Эдди завернутый в пояс-патронташ револьвер с рукояткой, отделанной сандаловым деревом.

Мой. Вот он и называет его моим. Эдди почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Я думал, мы собираемся к Сюзанне и Джейку. — Но револьвер взял и затянул на бедрах пояс-патронташ.

Роланд кивнул:

— Собираемся, но я уверен, что сначала нам предстоит одна маленькая работенка: разобраться с теми, кто убил отца Каллагэна и хотел убить Джейка. — Когда он произносил эти слова, лицо его нисколько не изменилось, но Эдди Дин и Джон Каллем почувствовали,

будто их обдало холодным ветром. Им очень хотелось отвести глаза от стрелка.

Вот так был вынесен смертный приговор Флагерти, тахину Ламле и их ка-тету (сами они об этом не узнали, хотя и не заслуживали такой милости).

«О Боже», — попытался сказать Эдди, но с губ не сорвалось ни звука.

Впереди он видел растущее яркое пятно. Они ехали к северному концу Тэтлбек-лейн, следуя за одним горящим задним габаритным фонарем пикапа Каллема. Поначалу он подумал, что это — прожектор, освещающий подъездную дорожку к дому одного из богачей. Но пятно все прибавляло в яркости, и источник золотисто-синего сияния находился не у дороги, а слева от них, там, где склон сбегал к озеру. Когда же они оказались над источником сияния (пикап Каллема уже полз, как черепаха), Эдди ахнул и указал на яркое кольцо, которое отделилось от пятна и полетело к ним, меняя цвет: с синего на золотой, потом на красный, с красного — на зеленый, золотой, снова синий. В кольце находилось что-то непонятное, напоминающее насекомое с четырьмя крыльями. Потом, пролетая над кузовом пикапа Каллема и держа курс на темный лес к востоку от дороги, существо повернулось к ним, и Эдди увидел, что у насекомого человеческое лицо.

— Что... Господи, Роланд, что...

— Тахин, — коротко ответил стрелок. В отблеске яркого пятна лицо его было спокойным и усталым.

Новые световые кольца отделялись от источника сияния и летели через дорогу, великолепные, как комета. Эдди видел мух, сверкающих колибри, вроде бы летающих жаб. А под ними...

Ярко вспыхнул тормозной фонарь пикапа Каллема, но Эдди во все глаза смотрел на светящиеся кольца и наверняка врезался бы в задний борт пикапа, если бы не резкий окрик Роланда. Эдди остановил «гэлакси», перевел ручку коробки передач в нейтральное положение, а потом вылез из машины, не поставив ее на ручник, не выключив двигатель. И направился к асфальтированной подъездной дорожке, которая уходила по заросшему лесом склону. Его глаза стали огромными, как плоски, челюсть действительно отвисла. Каллем присоединился к нему, и они стояли бок о бок, глядя вниз. С обеих сторон съезда стояли столбы со щитами-указателями. Левый — с надписью **КАРА-ХОХОТУШКА**, правый — с числом **19**.

— Это что-то, не так ли? — тихонько спросил Каллем.

«Ты все понял правильно», — попытался ответить Эдди, но ни одного слова не сорвалось с его губ, только какие-то хрипы.

Основной источник света находился в лесу, левее подъездной дорожки к «Каре-Хохотушке». Там деревья, главным образом сосны, ели, березы, согнутые ледяной бурей в конце зимы, стояли достаточно далеко друг от друга, а между ними степенно вышагивали сотни фигур, словно в сельском бальном зале, их босые ноги ворошили опавшую листву. Некоторые определенно были детьми Родерика, такими же увечными, как и Чевин из Чайвена. Их кожу покрывали язвы от лучевой болезни, редко у кого оставалась хоть прядь волос, но свет, в котором они вышагивали, превращал их в ослепительных красавцев и красавиц. Эдди увидел одноглазую женщину, которая несла на руках, как ему показалось,

мертвого ребенка. Она посмотрела на него с печалью в глазах, и ее губы шевельнулись, но Эдди ничего не услышал. Он поднес кулак ко лбу, согнул ногу. Потом коснулся края глаза и тем же пальцем указал на нее. «Я тебя вижу, — говорил этот жест... Эдди надеялся, что говорил. — Я вижу тебя очень хорошо».

Женщина, которая несла на руках спящего или мертвого ребенка, ответила тем же жестом и прошла дальше, исчезнув из виду.

Над головой громыхнуло, молния ударила в центр сияния. Старое хвойное дерево — его толстый ствол покрывал мох — приняло удар на себя и расколосось надвое: половина упала в одну сторону, вторая — в другую. А посередине вспыхнул огонь. К низко нависшим облакам поднялся огромный столб искр, не огненных, нет, более похожих на бесплотные болотные огоньки. В этих искрах Эдди увидел крохотные танцующие тела и на какое-то мгновение потерял способность дышать. Он словно наблюдал за эскадрилей Динь-Динь. Они показались ему и исчезли.

— Посмотри на них. — В голосе Джона слышалось благоговение. — Приходящие! Господи, их же *сотни*! Как жаль, что их не видит мой друг Донни.

Эдди подумал, что Каллем скорее всего прав: сотни мужчин, женщин и детей бродили по лесам под ними, проходили сквозь свет, появлялись и исчезали, появлялись вновь. Он смотрел на них во все глаза, когда почувствовал, как холодная капля воды плюхнулась ему на шею, за ней последовала вторая, третья. Порыв ветра пронесся по деревьям, поднял к небу еще одну эскадрилю сказочных существ, превратил дерево, разваленное молнией, в два огромных потрескивающих факела.

— Пошли. — Роланд схватил Эдди за руку. — Сейчас начнется ливень, и все это потухнет, как свечка. Если мы в этот момент еще будем на этой стороне, то здесь и застрянем.

— Где... — начал Эдди и тут же все увидел. У подножия подъездной дорожки, там, где лес уступал место нагромождению скал, уходящих в озеро, находился источник этого сияния, слишком яркий, чтобы смотреть на него. Туда Роланд его и потащил. Джон Каллем еще несколько секунд, как загипнотизированный, смотрел на приходящих, потом попытался последовать за стрелком и Эдди.

— Нет! — крикнул Роланд, оглянувшись. Дождь усилился. Большие, холодные капли падали на него, расплывались на рубашке, джинсах. — У тебя есть своя работа, Джон. Успеха тебе!

— И вам тоже, мальчики! — крикнул в ответ Каллем. Он остановился, поднял руку, помахал. Молния пробила небо, окрасив его лицо в слепящую синеву и чернейшую черноту. — И вам!

— Эдди, мы сейчас вбежим в источник света, — сказал Роланд. — Это дверь не древних людей, а оставшаяся от Прима... магическая, ты понимаешь. Она может перебросить нас в любое место, если мы сосредоточимся на нем...

— Куда...

— Нет времени! Джейк сказал мне куда, прикосновением! Только держи меня за руку и ни о чем не думай! Я смогу перенести нас обоих!

Эдди хотел спросить, уверен ли в этом Роланд, но времени не было. Стрелок побежал. Эдди тоже. Набирая скорость, они сбежали по склону прямо в свет. Эдди почувствовал его дыхание: миллион маленьких ртов. Их сапоги вминались в толстый слой лесной подстилки. Справа горело дерево. Эдди чувствовал запах смолы, слышал треск горящей хвои. Они уже

практически вплотную приблизились к источнику света. Эдди успел увидеть сквозь него озеро Кезар, а потом гигантская сила подхватила его и потащила сквозь холодный дождь в это яркое, рокошущее сияние. Лишь на мгновение он увидел дверной проем. А потом с удвоенной силой схватился за руку Роланда и закрыл глаза. Покрытая опавшей листвой и хвоей земля ушла у него из-под ног. Они полетели.

Флагерти стоял у двери «Нью-Йорк/Федик». Ее поцарапало несколькими выстрелами, но она по-прежнему высилась непреодолимым для них барьером, тогда как этот говяный мальчишка каким-то образом сумел его преодолеть. Ламла стоял рядом с ним, дожидаясь, пока иссякнет ярость Флагерти. Остальные тоже ждали, не смея и пикнуть.

Наконец удары, которыми Флагерти осыпал дверь, начали слабеть. Он нанес последний, и Ламла поморщился, увидев капли крови, которые полетели с костяшек пальцев чела.

— Что? — вскинулся Флагерти, заметив эту гримасу. — *Что?* Ты хочешь что-то сказать?

Ламле совершенно не нравились ни белые круги у глаз Флагерти, ни ярко-красные розы на его щеках. А менее всего — рука Флагерти, которая поднялась к рукоятке автоматического пистолета «глок», что торчала из плечевой кобуры.

— Нет, — ответил Ламла. — Нет, сэй.

— Давай выкладывай, что у тебя на душе, не стесняйся, — настаивал Флагерти. Попытался улыбнуться, но лицо перекосила ухмылка безумца. Осторожно, практически бесшумно, «низшие люди» и вампиры попятнулись. — Остальные много чего скажут, так чего бы тебе не начать первому, друг мой? Я его упустил! Скажи об этом первым, ты, гребаный урод!

«Я — покойник, — подумал Ламла. — Вся жизнь отдана служению Королю, но одно неосторожное слово в присутствии этого человека, который ищет козла отпущения, и я — покойник».

Он огляделся, подтвердив свою мысль о том, что никто за него не заступится, лишь потом заговорил:

— Флагерти, если я чем-то обидел тебя, изви...

— О, ты меня обидел, будь уверен! — взвизгнул Флагерти, его бостонский выговор усиливался с нарастанием ярости. — Я знаю, мне придется заплатить за сегодняшнюю неудачу, но, думаю, ты заплатишь пер...

Воздух вокруг них шевельнулся, словно коридор вдруг резко выдохнул. Волосы Флагерти и шерсть Ламлы взъерошились. Преследователи Джейка, «низшие люди» и вампиры, начали поворачиваться. Внезапно один из них, вампир по имени Альбрехт пронзительно закричал и побежал, позволив Флагерти увидеть двух незнакомцев, мужчин, на джинсах, рубашках и сапогах которых темнели пятна от капель дождя. У их ног лежали пыльные заплечные мешки, на поясах-патронташах висело по револьверу. Флагерти успел заметить сандаловое дерево рукоятки до того, как молодой незнакомец выхватил револьвер из кобуры с быстротой молнии, и понял, почему побежал Альбрехт. Он знал, кто ходил с такими револьверами.

Молодой выстрелил только раз. Светлые волосы Альбрехта взлетели вверх, словно подброшенные невидимой рукой, а потом он повалился на пол, исчезая из своей одежды.

— Хайл, рабы Короля, — обратился к ним тот, что постарше. Будничным тоном, словно пришел поговорить о пустяках.

Флагерти — его руки продолжали кровоточить от ударов по двери, за которой скрылся

мальчишка, — никак не мог понять, что к чему. Если перед ними те, о ком их предупреждали, то старший, конечно же, Роланд из Гилеада, но как они могли оказаться здесь, у них за спиной? *Как?*

Холодные синие глаза Роланда оглядели их.

— И кто в этом жалком стаде называет себя дином? Он окажет нам честь выступить вперед или нет? Нет? — Его взгляд продолжал скользить по их лицам, а левая рука, ранее пребывавшая неподалеку от рукоятки револьвера, поднялась к уголку рта, который изогнулся в саркастической улыбке. — Нет? Очень плохо. К сожалению, я вижу перед собой трусов. Вы можете убить священника и преследовать мальчика, но не способны встретиться лицом к лицу с мужчинами. Вы трусы и сыновья тру...

Флагерти выступил вперед. Пальцы окровавленной правой руки лежали на рукоятке пистолета, торчавшей из плечевой кобуры, что висела под левой мышкой.

— Это я, Роланд, сын Стивена.

— Ты, значит, знаешь мое имя?

— Да, я знаю твоё имя по твоему лицу, а твоё лицо — по твоему рту. Он такой же, как и рот твоей матери, которая отсасывала у Джона Фарсона, пока он не спуст...

Флагерти вытаскивал пистолет из кобуры, продолжая говорить, этот гангстерский трюк он, несомненно, долго тренировал и не раз им пользовался. Но хотя он гордился быстротой своих рук и начал вытаскивать пистолет, когда левая рука Роланда ещё касалась уголка рта, стрелок без труда опередил его. Первая пуля вошла между губ главного охотника на Джейка. Верхние передние зубы разлетелись множеством осколков, один из которых Флагерти засосал в легкие своим последним вдохом. Вторая пробила Флагерти лоб, отбросив его на дверь между Нью-Йорком и Федиком. «Глок», на спусковой крючок которого он так и не нажал, вывалился из его руки на плитки пола. Вот тут и прогремел выстрел.

Остальные повываскивали оружие долей секунды позже. Эдди убил шестерых, успев перезарядить патрон, потраченный на Альбрехта. Когда барабан опустел, он отскочил за своего дина, как его и учили. Роланд уложил ещё четверых и отступил за Эдди, который и убил всех оставшихся, за исключением одного.

Ламле хватило ума не пытаться стрелять, вот он и остался в живых. Поднял обе руки, с волосатыми пальцами и гладкими ладонями.

— Ты пощадишь меня, стрелок, если я пообещаю более не воевать с тобой?

— Никогда, — ответил Роланд и взвел курок.

— Так будь ты проклят тогда, чари-ка! — воскликнул тахин.

Роланд из Гилеада выстрелил, и Ламла из Гали мертвым упал на плитки пола.

Преследователи Джейка лежали на полу, как груда бревен, Ламла — лицом вниз у самой двери. Ни один из них не успел выстрелить. В выложенном кафелем коридоре клубился синеватый пороховой дым. Потом включились очистители, заурчали из стен, и скоро стрелки почувствовали, как воздух пришел в движение и мимо их лиц его потянуло к вентиляционным решеткам.

Эдди перезарядил револьвер, теперь *его* револьвер, раз уж ему так сказали, и сунул обратно в кобуру. Потом направился к трупам и небрежно оттащил четверых в сторону, чтобы

пройти к двери.

— Сюзанна! Сюзи, ты здесь?

Разве кто-нибудь из нас, кроме как в наших снах, действительно ожидает, что вновь увидит самого дорогого ему человека, даже если он уходит лишь на несколько минут, по самому обыденному делу? Нет, отнюдь. Всякий раз, как только они скрываются из виду, мы в глубине наших сердец записываем их в мертвые. Уже получив так много, рассуждаем мы, можем ли мы ожидать, что нас не сбросят с небес, как Люцифера, за столь вопиющую самонадеянность нашей любви?

Вот и Эдди не ожидал, пока она не ответила... из другого мира, отделенного лишь толщиной двери.

— Эдди? Это ты, сладенький?

Голова Эдди, за секунду до этого вроде бы совершенно обычная, вдруг стала слишком тяжелой для шеи. Он прислонил ее к двери. И веки стали такими же тяжелыми, вот он и закрыл глаза. Веса, возможно, добавили слезы, которые вдруг потекли рекой. Он чувствовал их на щеках, теплые, как кровь. И рука Роланда касалась его спины.

— Сюзанна. — Эдди все не открывал глаз. Его пальцы ощупывали дверь. — Ты можешь ее открыть?

— Нет, — ответил Джейк, — но вы можете.

— Какое слово? — спросил Роланд. Он то смотрел на дверь, то оглядывался, надеясь, что к команде Флагерти прибудет подкрепление, даже хотел, чтобы оно прибыло (ибо кровь у него играла), но выложенный кафелем коридор оставался пуст. — Какое слово, Джейк?

Последовала пауза, короткая, но показавшаяся Эдди очень длинной, а потом они вместе произнесли его: «Чеззет».

Эдди не решился повторить его: горло забили слезы. У Роланда таких проблем не было. Он оттащил от двери еще несколько тел, в том числе Флагерти (на лице последнего так и застыла злобная усмешка) и произнес требуемое слово. Вновь дверь между мирами щелкнула, открываясь. Эдди широко распахнул ее, и все четверо оказались лицом к лицу: Сюзанна и Джейк в одном мире, Роланд и Эдди — в другом, а между ними — мерцающая прозрачная мембрана, похожая на ожившую слюду. Сюзанна протянула руки, и они прошли сквозь мембрану и появились, словно из толщи воды, которую каким-то образом поставили на попа.

Эдди взял их. Позволил ее пальцам переплестись со своими и утянуть его в Федик.

К тому времени, когда Роланд миновал дверь, Эдди уже поднял Сюзанну и сжимал в объятиях. Мальчик, вскинув голову, смотрел на стрелка. Ни один не улыбался. В отличие от Ыша, который сидел у ног Джейка и улыбался за обоих.

— Хайл, Джейк, — сказал Роланд.

— Хайл, отец.

— Теперь ты будешь так меня называть?

Джейк кивнул.

— Да, если ты позволишь.

— Для меня нет большей радости, — ответил Роланд, а потом медленно, как человек,

проделывающий что-то совершенно ему незнакомое, вытянул перед собой руки. Глядя на стрелка, очень серьезный, не отрывающий глаз от лица Роланда, мальчик Джейк прошел меж рук киллера и дождался, пока они сомкнутся на его спине. Он никому не решался сказать, что грезил об этом.

Сюзанна тем временем покрывала лицо Эдди поцелуями.

— Они чуть не убили Джейка, — говорила она. — Я сидела по мою сторону двери... и так устала, что задремала. Он, должно быть, позвал меня три, четыре раза, прежде чем я...

Он хотел выслушать ее историю, каждое слово, до самого конца, но потом. Им предстояло обсудить дальнейшие планы, но потом. А сейчас он сжал пальцами грудь Сюзанны, левую, под которой сильно билось сердце, и прервал ее речь поцелуем.

Джейк тем временем молчал. Стоял, повернув голову, прижимаясь щекой к телу Роланда. С закрытыми глазами. Рубашка стрелка пахла дождем, пылью, кровью. Он думал о своих родителях, оставшихся в другом мире, о друге Бенни, который погиб, об отце Каллагэне, которого настигли те, от кого он так долго убегал. Мужчина, который прижимал его к себе, однажды предал его ради Башни, позволил свалиться в пропасть, и у Джейка не было уверенности, что такое не повторится. Однако на текущий момент его все устраивало. В душе царил покой и в истерзанном сердце — мир. Ему не хотелось ничего другого, кроме как прижиматься к этому мужчине и чувствовать, что мужчина прижимает его к себе.

Не хотелось ничего другого, кроме как стоять с закрытыми глазами и думать: «За мной пришел мой отец».

Часть 2

Синие небеса

Девар-тои

Четверо воссоединившихся странников (пятеро, считая Ыша из Срединного мира) стояли у изножия кровати Миа, глядя на то, что осталось от *твим* Сюзанны, ее близнеца. Если бы не одежда, которая придавала останкам какую-то форму, никто бы не смог сказать наверняка, что видит перед собой. Даже в спутанных волосах на разрубленной голове Миа не было ничего человеческого: они скорее напоминали исключительно большой катышек пыли.

Роланд смотрел на практически исчезнувшее лицо и удивлялся: как же мало осталось от женщины, одержимость которой (малой, малой, только малой) едва не положила конец их походу. А без них кто смог бы противостоять Алому Королю и его дьявольски умному канцлеру? Джон Каллем, Эрон Дипно и Мозес Карвер. Три старика, один с болезнью черного рта, которую Эдди называл катер, сэр.

«Так много ты натворила, и насколько больше могла натворить, — думал он, глядя на рассыпающееся в пыль лицо, — да, не останавливаясь ни перед чем, не испытывая ни малейших сомнений, и мир рухнул бы, став жертвой скорее любви, чем ненависти. Ибо любовь всегда была куда более разрушительным оружием, это точно».

Он наклонился вперед, ощутив запах старых цветов и древних пряностей, с силой дунул. И нечто, отдаленно выглядевшее как голова, разлетелось, словно пух ваточника или «парашютики» одуванчика.

— Она не желала зла вселенной. — Голос Сюзанны дрогнул. — Она боролась за естественное право женщины — родить ребенка. Чтобы потом любить и растить его.

— Ты говоришь правильно, — согласился Роланд. — И от этого смерть ее представляется особенно ужасной.

— Иногда мне кажется, что нам жилось бы гораздо лучше, — подал голос Эдди, — если бы все люди, желающие добра, забились бы в какие-нибудь норы, да там и сдохли.

— В их числе и мы, Большой Эд, — указал Джейк.

Они задумались над словами мальчика, и Эдди не мог не задаться вопросом, а скольких они уже убили со своими добрыми намерениями. Плохие его не волновали, но ведь были и хорошие... к примеру, возлюбленная Роланда, Сюзан.

А потом Роланд отвернулся от превратившихся в пыль останков Миа и шагнул к Сюзанне, которая сидела на одной из соседних кроватей, сцепив руки и зажав их между бедер.

— Расскажи мне все, что произошло с тобой, начиная с того момента, как ты покинула нас на Восточной дороге, сразу после боя. Нам нужно...

— Роланд, я не собиралась покидать вас. Это Миа. Она перехватила контроль над телом. Если б у меня не было убежища, Догана, она стала бы его полновластной хозяйкой.

Роланд кивнул, показывая, что это он понимает.

— Тем не менее расскажи мне, как ты попала в этот девартете. Джейк, я хочу услышать и твой подробный рассказ.

— Девар-тете, — повторил Эдди. Слово (или два слова?) показалось ему знакомым.

Что-то похожее он слышал от Чевина из Чайвена, медленного мутанта, которого Роланд избавил от страданий в Лоувелле? Скорее да, чем нет. — Что это?

Роланд обвел рукой огромное помещение со всеми стоящими в нем кроватями, каждую со шлемом и стальной гофрированной трубкой; кроватей, на которых бог знает сколько детей из скольких городков Пограничья превратили в рунтов.

— Девар-тете — это маленькая тюрьма. Или камера пыток.

— Мне она не кажется маленькой. — Джейк, конечно, не мог сказать, сколько кроватей стояло в огромном зале, но полагал, что не меньше трехсот. Скорее — больше.

— Может, мы набредем на куда большую тюрьму, прежде чем завершим наш поход, — ответил Роланд. — Рассказывай свою историю, Сюзанна, и ты тоже, Джейк.

— И куда мы отсюда пойдём? — спросил Эдди.

— Может, их истории нам об этом и скажут, — ответил Роланд.

2

Роланд и Эдди молча и с предельным вниманием слушали, как Сюзанна и Джейк рассказывали о своих приключениях. Первый раз Роланд остановил Сюзанну, когда она добралась до Матиссена ван Вика, который дал им денег и снял для них номер в отеле. Стрелок спросил Эдди о черепашке, «защитой» в материю мешка.

— Я не знал, что это черепашка, — ответил Эдди. — Подумал, что камешек.

— Если б ты снова рассказал об этом, я бы послушал.

И вот, обдумывая каждое слово, пытаясь все точно вспомнить (произошло это, казалось, очень и очень давно), Эдди рассказал о том, как он и отец Каллагэн пошли в Пещеру двери, открыли ящик из дерева призраков, в котором лежал Черный Тринадцатый. Они рассчитывали, что Черный Тринадцатый откроет дверь, и он открыл, но сначала...

— Ящик лежал в мешке. Том самом, на котором в Нью-Йорке была надпись ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДНЕГО МАНХЭТТЕНА, а в Калье Брин Стерджис — ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДИННОГО МИРА. Помните?

Они все помнили.

— И я нащупал что-то твердое в материи мешка. Сказал Каллагэну, а он ответил... — Эдди запнулся. — «Только у нас нет времени разбираться, что там такое». Или что-то похожее. Я с ним согласился. Помнится, подумал, что у нас и так полным-полно всяких загадок, так что эту оставим на будущее. Роланд, кто, во имя Господа, мог положить черепашку в мешок, как ты думаешь?

— Если уж на то пошло, а кто оставил мешок на пустыре? — спросила Сюзанна.

— Или ключ? — вставил Джейк. — Я нашел ключ от дома на Голландском холме на том же пустыре. Роза? Могла роза каким-то образом... ну, не знаю... создать их?

Роланд обдумал услышанное.

— Если уж вы спрашиваете меня, я бы сказал, что эти знаки и сигулы — дело рук сэя Кинга.

— Писателя. — Эдди не отверг эту идею, наоборот, кивнул. Он смутно помнил одну концепцию, о которой рассказывали в школе. Бог из машины, так она называлась. Концепция эта еще обозначалась каким-то мудреным выражением на латыни, но он его вспомнить не мог. Возможно, в тот момент выводил на столе: «Мари-Лу Кеннопенски», — тогда как

остальные прилежно записывали в тетрадь пояснения учителя. Концепция состояла в следующем: если драматург оказывается в тупике, из которого вроде бы нет выхода, он может послать бога, который спускается с неба в украшенной цветами повозке и спасает персонажа, попавшего в беду. Она, без сомнения, пришлась по душе самым религиозным зрителям, которые верили, что Бог (не тот, разумеется, что в ореоле спецэффектов спускался с платформы под самым потолком, скрытой от глаз зрителей, а Настоящий, с небес) действительно спасал людей, которые этого заслуживали. Такие идеи, само собой, нынче вышли из моды, но Эдди подумал, что популярные писатели, а все шло к тому, что сэй Кинг станет таковым, скорее всего использовали этот прием, только маскировали его получше. Маленькие аварийные лючки. Карточки с надписями^[45] вроде: УБЕЖАТЬ ИЗ ТЮРЬМЫ, или УСКОЛЬЗНУТЬ ОТ ПИРАТОВ, или ОТКЛЮЧИТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ИЗ-ЗА СЛУЧАЙНОЙ ГРОЗЫ, ОТЛОЖИТЬ КАЗНЬ. Бог из машины (который на самом деле был писателем) терпеливо работал, чтобы сохранить персонажей живыми и не заканчивать текст фразой, которая определенно не вызвала бы восторга читателей: «Вот так ка-тет полег на Иерихонском холме, и плохиши победили, правь, Дискордия, уж извините, в следующий раз получится лучше (что это за следующий раз, ха-ха). КОНЕЦ».

Маленькие сетки безопасности вроде ключа. Не говоря уже о вырезанной из слоновой кости черепашке.

— Если он и вписал все это в историю, — нарушил Эдди долгую паузу, — то через много лет после того, как мы повидались с ним в 1977 году.

— Да, — согласился Роланд.

— И у меня нет уверенности, что он все это выдумал, — продолжил Эдди. — По большому счету не выдумал. Он просто... Даже не знаю, просто...

— Волшебник? — с улыбкой спросила Сюзанна.

— Нет! — воскликнул Джейк, похоже, удивленный предположением Сюзанны. — Нет, конечно. Он — передаточное звено. Транслятор^[46]. — Думал он о своем отце и его работе в телекомпании.

— В десятку! — воскликнул Эдди и нацелил палец на Джейка. Эта идея позволила ему перекинуть мостик к другой: если бы Кинг не дожил до того времени, чтобы вписать ключ и черепашку в свою историю, их бы не оказалось в нужном месте и в нужное время. Джейка съел бы страж-привратник в доме на Голландском холме... при условии, что он добрался бы до этого холма, насчет чего у Эдди были большие сомнения. А если бы он миновал монстра Голландского холма, его наверняка съели бы Праотцы, каллагэновские вампиры первого рода, в «Дикси-Пиг».

Сюзанна подумала, а не рассказать ли им о том, что ей привиделось, когда Миа отправилась в свое последнее путешествие из отеля «Плаза-Парк» в «Дикси-Пиг». Она словно вновь оказалась в тюремной камере в городе Оксфорд, штат Миссисипи, и слышала голоса, доносившиеся из стоявшего где-то рядом телевизора. Голоса Чета Хантли, Уолтера Кронкайта, Френка Макги: ведущие телепередач нараспев перечисляли имена мертвых. Некоторые, скажем, президента Кеннеди и братьев Дьем, она знала. О других, вроде Кристины Маколифф, слыхом не слыхивала. Но среди этих имен был и Стивен Кинг, она могла в этом поклясться. Напарник Чета Хантли

(добрый вечер, Чет, добрый вечер, Дэвид)

говорил, что Стивен Кинг попал под колеса минивэна «додж» и погиб во время прогулки неподалеку от собственного дома. Согласно Бринкли, Кингу было пятьдесят два

года.

Если бы Сюзанна все это рассказала, многое могло пойти по-другому, если не все. Она уже открыла рот, чтобы внести свою лепту в разговор (маленький камешек, скатываясь по склону, ударяет в камень побольше, который, сдвинувшись с места, вышибает еще два, вот вам и оползень), когда скрипнула открывающаяся дверь, послышались приближающиеся шаги. Все повернулись, Джейк схватился за рису, остальные — за револьверы и пистолет.

— Расслабьтесь, ребята, — тут же прошептала Сюзанна. — Все в порядке. Я знаю этого парня, — а потом обратилась к DNK 45932, ПОМОЩНИКУ ПО ДОМУ. — Я не ожидала увидеть тебя так скоро. Честно говоря, я думала, что вообще тебя больше не увижу. Что случилось, Найджел, дружище?

Вот так Сюзанна и не сказала то, что могла, а *deus ex machina*, вместо того, чтобы спуститься и спасти писателя от встречи с минивэном «додж» летним днем 1999 года, остался там, где и был, высоко над смертными, играющими свои роли внизу.

3

Роботы нравились Сюзанне прежде всего тем, что, по ее разумению, большинство из них не могли держать камня за пазухой. Найджел сказал ей, что в мастерских не нашлось никого, кто мог бы отремонтировать узлы визуального наблюдения (хотя, по его словам, он сделал бы все сам, получив доступ к необходимым материалам, запасным частям и руководствам по ремонту), поэтому он вернулся обратно, полагаясь на датчики инфракрасного диапазона, чтобы собрать осколки разбившегося (да и к тому же не потребовавшегося) кувеза. Он поблагодарил Сюзанну за проявленное участие и представился ее друзьям.

— Я рад нашему знакомству, Найджел, — сказал Эдди, — но ты, наверное, хочешь заняться ремонтом своих визуальных узлов, поэтому мы тебя не задерживаем, — проговорил он благодушно и убрал револьвер в кобуру, но рука по-прежнему лежала на рукоятке. Если честно, его несколько смущало удивительное сходство Найджела с неким роботом-посыльным из Кальи Брин Стерджис. Вот уж у кого за пазухой лежал целый валун.

— Нет, постой, — возразил Роланд. — У нас найдется для тебя работенка, но пока мне бы хотелось, чтобы ты нам не мешал. Отключись, если тебя это устроит. — «Или не устроит», подразумевалось по тону.

— Разумеется, сэй, — ответил Найджел все с тем же сочным английским акцентом. — Вы можете реактивировать меня словами: «Найджел, ты мне нужен».

— Очень хорошо, — кивнул Роланд.

Найджел сложил на груди свои тоненькие (но, безусловно, сильные) руки из нержавеющей стали и застыл.

— Вернулся, чтобы подобрать осколки стекла, — восхитился Эдди. — Может, «Тет корпорейшн» стоит наладить их продажу. Каждая домохозяйка Америки захочет купить двух: одного для дома, второго — для двора.

— Чем меньше мы будем связываться с наукой, тем лучше, — мрачно заметила Сюзанна. Несмотря на то что ей удалось хоть немного поспать, привалившись к двери между Федиком и Нью-Йорком, выглядела она неважно, изможденная, уставшая донельзя. — Посмотрите, что она сделала с этим миром.

Роланд кивнул Джейку, который рассказал, как он и отец Каллагэн провели вечер в Нью-Йорке 1999 года, начав с того момента, как такси едва не задавило Ыша, и закончив их атакой на «низших людей» и вампиров в обеденном зале «Дикси-Пиг. Не забыл упомянуть и о том, как они избавились от Черного Тринадцатого, положив его в ячейку камеры хранения во Всемирном торговом центре, где он мог лежать до июня 2002 года, и о том, как нашли черепашку, которую Сюзанна бросила, как записку в бутылке, в сточную канаву рядом с «Дикси-Пиг».

— Ты такой храбрый. — Сюзанна взъерошила волосы Джейка. Потом наклонилась и погладила Ыша по голове. Ушастик-путаник вытянул и без того длинную шею, чтобы максимально продлить удовольствие, полузакрыв глаза, лисья мордочка растянулась в улыбке. — Чертовски храбрый. Спасибо тебе, Джейк.

— Спасибо, Эйк! — согласился Ыш.

— Если бы не черепашка, они убили бы нас обоих. — Джейк говорил ровным голосом, но побледнел. — Что же касается отца Каллагэна... он... — Джейк вытер ладонью слезу и посмотрел на Роланда. — Ты воспользовался его голосом, чтобы заставить меня уйти. Я тебя слышал.

— Да, воспользовался, — кивнул Роланд. — Будь уверен, он хотел того же.

— Вампиры до него не добрались, — продолжил Джейк. — Он застрелился из моего «ругера» до того, как они испили его крови и превратили в себе подобного. Впрочем, я не думаю, чтобы они этим ограничились. Скорее разорвали бы на куски и сожрали. Они же обезумели.

Роланд согласно кивал.

— Последнее, что я услышал... думаю, он произнес это вслух, но полной уверенности у меня нет... — Джейк замолчал, вспоминая. Слезы теперь текли по щекам. — «Найди свою Башню, Роланд, проникни в нее и взойди на вершину!» Потом... Пуф! Он ушел. Как огонек свечи. В другие миры.

Он замолчал. Какое-то время молчали все, не решаясь нарушить тишину. Наконец Эдди подал голос:

— Ладно, мы снова вместе. Так что же нам теперь делать?

Роланд сел с гримасой боли, бросил на Эдди взгляд, который яснее любых слов говорил: «Ну чего ты испытываешь мое терпение?»

— Хорошо, хорошо, такая у меня привычка, — начал оправдываться Эдди. — Только не надо на меня так смотреть.

— Что за привычка, Эдди?

В последнее время Эдди редко думал о своем последнем годе, тяжелом, в наркотическом тумане, проведенном с братом Генри, но вопрос Роланда вызвал у него воспоминания о том времени. Только ему не хотелось об этом говорить, и не от стыда — Эдди действительно полагал, что стыдиться ему уже нечего, — а по другой причине: чувствовал, что Роланда выводят из себя его попытки объяснить что-либо, ссылаясь на старшего брата. И скорее всего правота была на стороне Роланда. В свое время Генри был определяющей, формирующей силой в жизни Эдди. Как Корт был определяющей,

формирующей силой в жизни Роланда... но стрелок не говорил о своем старом учителе по три раза на дню.

— Задавать вопросы, на которые я уже знаю ответ, — ответил Эдди.

— И каков ответ на твой последний вопрос?

— Мы вернемся в Тандерклеп, прежде чем идти к Башне. Убьем Разрушителей или выпустим их на свободу. Ради спасения Лучей. Убьем Уолтера, или Флегга, или как он там себя называет. Потому что он — фельдмаршал, не так ли?

— Был, — согласился Роланд, — но теперь на сцене появился новый игрок. — Он посмотрел на робота. — Найджел, ты мне нужен.

Найджел опустил руки и поднял голову.

— Чем я могу вам услужить?

— Принести что-нибудь пишущее. Есть тут такое?

— Ручки, карандаши, мел находятся в кабинете надзирателя в дальнем конце палаты извлечения. Во всяком случае, были, когда я заглядывал туда в последний раз.

— Палата извлечения, — повторил Роланд, оглядывая ряды кроватей. — Так ты это называешь?

— Да, сэй. — А потом добавил, очень робко: — Интонации вашего голоса предполагают, что вы сердитесь. Это действительно так?

— Они привозили сюда детей, сотнями и тысячами, по большей части здоровых, из того мира, где многие рождаются больными, и высасывали у них мозги. Так с чего мне злиться?

— Сэй, я уверен, что не знаю. — Найджел, похоже, уже сожалел о том, что вернулся сюда. — Но я не принимал никакого участия в процедуре извлечения, заверяю вас. Я занимаюсь домашним хозяйством, в том числе и техническим обслуживанием.

— Принеси карандаш и кусок мела.

— Сэй, вы не собираетесь уничтожить меня, не так ли? Последние двенадцать или четырнадцать лет извлечением руководил доктор Скоутер, а он мертв. Вот эта леди-сэй застрелила доктора Скоутера из его же пистолета. — В голосе Найджела прозвучала очень явственная нотка упрека.

— Принеси карандаш и кусок мела, да побыстрее, — повторил Роланд.

Найджел отбыл.

— Говоря про нового игрока, ты имел в виду младенца. — В голосе Сюзанны вопросительные нотки отсутствовали.

— Естественно. У него два отца, у этого бей-бо.

Сюзанна кивнула. Она думала о том, что поведала ей Миа, когда Прыжок забросил их в покинутый всеми Федик, всеми, за исключением компании Сейра — Скоутера да Волков-мародеров. Две женщины, белая и черная, одна беременная, вторая — нет, сидели на стульях перед салуном «Джин-Пуппи». Вот там Миа много чего рассказала жене Эдди Дина, возможно, больше, чем кто-либо из них знал.

«Именно там они изменили меня», — сказала ей Миа. Под «они», вероятно, подразумевался доктор Скоутер и другие врачи. Плюс маги? Такие же, как Мэнни, только перешедшие на другую сторону? Возможно. Кто мог это знать? В палате извлечения ее сделали смертной. Потом, после того как сперма Роланда уже была в ней, случилось что-то еще. От этого отрезка времени у Миа сохранилась в памяти только красная темнота. Вот Сюзанна и задалась вопросом: может, как раз в это время к ней приходил сам Алый Король и залез на нее своим огромным и древним паучьим телом, или его сперму каким-то

магическим образом перемешали со спермой Роланда. В любом случае младенец был самой чудовищной помесью, какую только могла представить себе Сюзанна: не вервольфом — верспайдером^[47]. И теперь он находился неизвестно где. Может, далеко, а может — совсем рядом, наблюдая за ними даже в этот самый момент, когда они совещались, а Найджел вернулся с письменными принадлежностями.

Да, — подумала она. — Он наблюдает за нами. И ненавидит нас... но не всех одинаково. Больше всего дан-тете ненавидит Роланда. Своего первого отца.

Она содрогнулась.

— Мордред хочет убить тебя, Роланд. Такова его цель. Для этого он создан. Положить конец тебе, твоему походу, Башне.

— Да, — кивнул Роланд, — а потом править, заняв место отца. Потому что Альый Король стар, и я все больше и больше склоняюсь к мысли о том, что он в заточении. А если это так, то не он наш настоящий враг.

— Мы пойдем в его замок на другой стороне Дискордии? — спросил Джейк. За последние полчаса он заговорил впервые. — Мы пойдем, не так ли?

— Я так думаю, да, — ответил Роланд. — «Ле кас руа рюс»^[48], так называют его древние легенды. Туда пойдет весь ка-тет, и мы убьем всех, кто там живет.

— Да будет так! — воскликнул Эдди. — Господи, да будет так.

— Ага, — согласился Роланд. — Но наша первая задача — Разрушители. Лучетрясение, которое мы ощутили в Калье Брин Стерджис, перед тем как отправились сюда, предполагает, что их работа близка к завершению. Однако если они не...

— Наша работа — не дать им довести ее до конца, — вставил Эдди.

Роланд кивнул. Выглядел он еще более уставшим, чем всегда.

— Ага. Убить их и выпустить на свободу. В любом случае мы должны помешать им в разрушении двух оставшихся Лучей. И мы должны прикончить дан-тете. Сына Алого Короля... и моего сына.

5

Найджел доказал свою полезность (впрочем, как потом выяснится, помогал он не только Роланду и его ка-тету). Прежде всего он принес два карандаша, две ручки (одну такую древнюю, что ею, возможно, пользовался писец Диккенса) и три куска мела, один в серебряном футляре, который выглядел, как женская губная помада. Роланд взял именно этот кусок, а другой отдал Джейку.

— Я не могу писать слова, которые вам легко понимать, но цифры у нас одинаковые или, во всяком случае, очень схожи. Пиши сбоку то, что я буду говорить, Джейк, и пиши правильно.

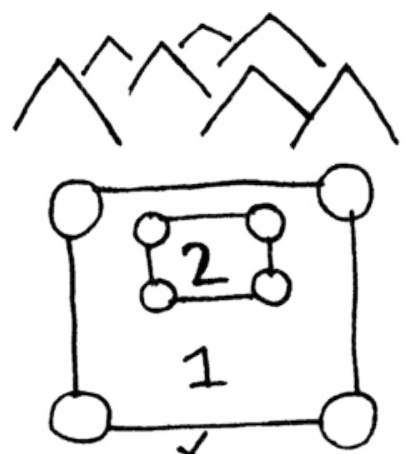
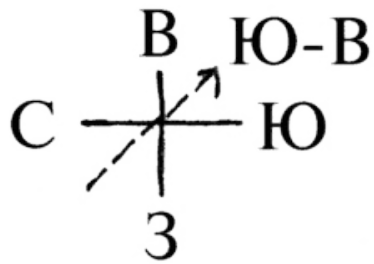
Джейк все сделал, как и просил Роланд. В результате появилась грубая карта с пояснениями.

— Федик. — Роланд указал на **1**, потом провел короткую линию к **2**. — А это замок Дискордия, с дверьми под ним. Из того, что нам известно, их там много. Должен быть коридор, которым мы можем пройти отсюда туда, под замок. А теперь, Сюзанна, расскажи, каким путем шли Волки и что они делали. — Он протянул ей мелок в футляре.

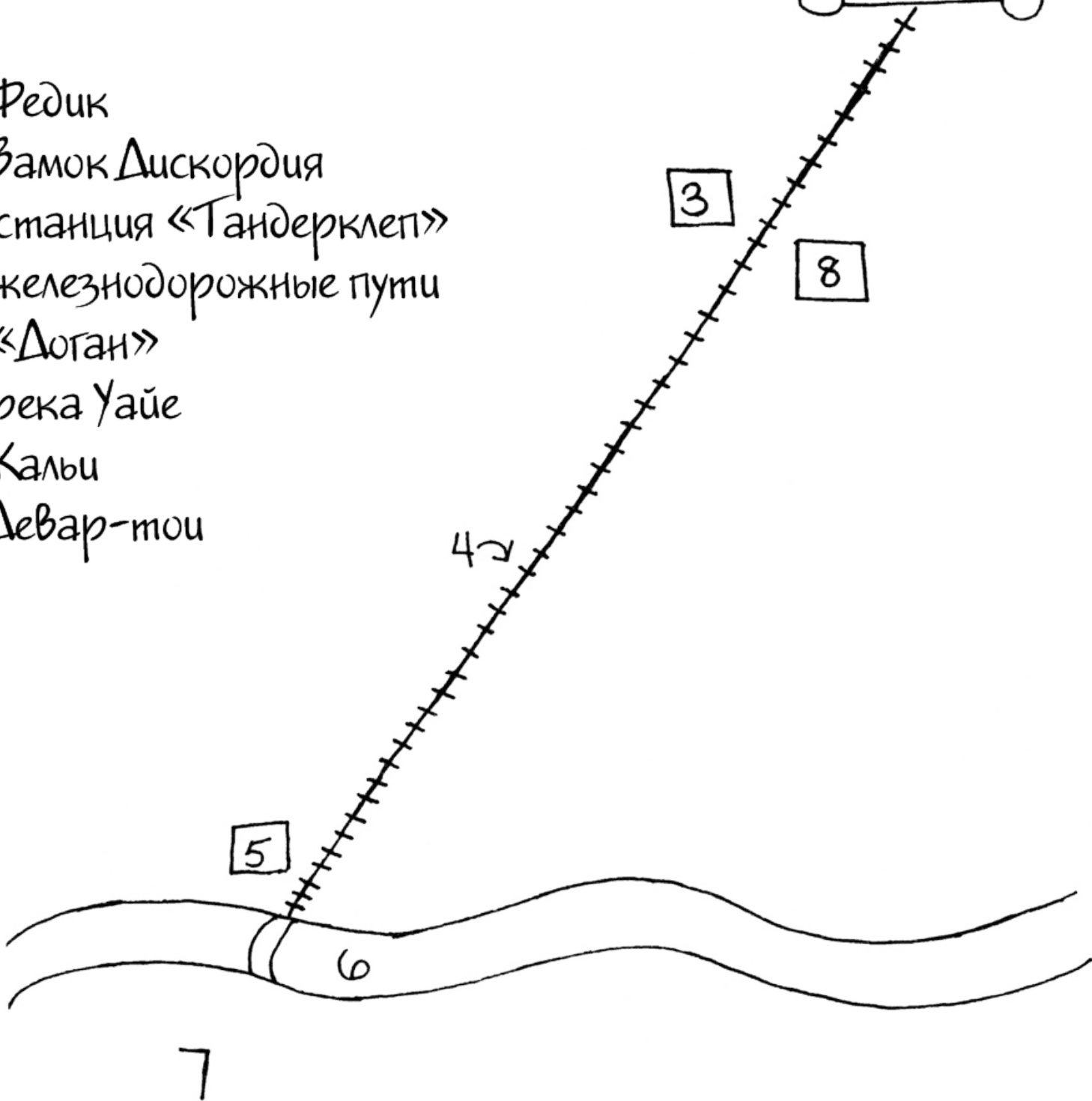
Сюзанна взяла его, не без восхищения отметив, что мел самозатачивающийся. Пустячок,

конечно, но приятно.

— Они проходят через одностороннюю дверь, которая переносит их вот сюда. — Сюзанна провела линию от **2** до **3**. Эту цифру Джейк назвал «Станция «Тандерклеп». — Мы узнаем эту дверь, потому что она должна быть большой, если, конечно, они не проходили через нее по одному.

- 1 — Федик
- 2 — Замок Дискордия
- 3 — станция «Тандерклет»
- 4 — железнодорожные пути
- 5 — «Доган»
- 6 — река Уайе
- 7 — Кальи
- 8 — Девар-тои

— Может, и проходили, — вставил Эдди. — Если я не ошибаюсь, им приходится пользоваться лишь тем, что осталось от древних людей.

— Ты не ошибаешься, — сказал Роланд. — Продолжай, Сюзанна. — Сидел он не на

корточках, а на пятой точке, вытянув правую ногу. Эдди оставалось только гадать, сколь сильно болит у Роланда правое бедро и есть ли во вновь обретенном мешке хоть капля кошачьего масла Розалиты. Он склонялся к тому, что нет.

— Волки скачут от станции «Тандерклеп» вдоль железнодорожных путей, во всяком случае, пока не оставляют позади тень... или темноту... или как это называть? Ты знаешь, Роланд?

— Нет, но мы скоро узнаем. — И он нетерпеливо вертанул левой рукой.

— Они пересекают реку, попадая на тот берег, где находятся Кальи, и забирают детей. Думаю, по возвращении на станцию «Тандерклеп» грузятся в поезд с лошадьми и пленниками и едут в Федик. Потому что от двери пользы им никакой.

— Пожалуй, так оно и есть, — согласился Роланд. — Они проезжают мимо девар-той, тюрьмы, которую мы обозначили цифрой 8. На тот момент им там делать нечего.

— Скоутер и его врачи-нацисты использовали вот эти колпаки на кроватях, чтобы извлечь что-то из детей. Вещество, которое они дают Разрушителям. Детей и полученное вещество отправляют на станцию «Тандерклеп» через дверь. Потом детей возвращают в Калью Брин Стерджис, возможно, и в другие Кальи, а в то место, которое ты называешь девар-той...

— Обед подан, — мрачно вставил Эдди.

И тут же раздался переполненный радостью голос Найджела:

— Желаете перекусить, сэи?

Джейк сверился со своим желудком и обнаружил, что последний урчит. Ужасно, конечно, проголодаться так скоро после смерти отца Каллагэна, но тем не менее желудок с энтузиазмом воспринял предложение робота.

— Здесь есть еда, Найджел? Действительно есть?

— Да, конечно, молодой человек, — ответил Найджел. — Но только, к сожалению, консервы. Зато я могу предложить вам два десятка наименований, в том числе тушеную фасоль, тунца, несколько видов супа...

— Мне — тунца, — прервал его Роланд, — но принеси все, что есть, если уж принесешь.

— Как скажете, сэи.

— Наверное, ты не сможешь приготовить мне сэндвич «Особый Элвиса». — В голосе Джейка тем не менее слышалась надежда. — Ореховое масло, банан и бекон.

— Господи, малыш, — воскликнул Эдди, — не уверен, что при таком освещении ты сможешь это заметить, но я позеленел.

— К сожалению, у меня нет бекона или бананов, — ответил Найджел, — но ореховое масло есть, как и три вида джемов. А также яблочное масло.

— Яблочное масло подойдет, — кивнул Джейк.

— Продолжай, Сюзанна. — Роланд повернулся к ней, как только Найджел ушел. — Хотя, полагаю, торопить тебя смысла нет. После еды, нам нужно будет отдохнуть. — По голосу чувствовалось, что идея ему не по душе.

— Я вроде бы рассказала все, — ответила она. — Звучит, конечно, путано... да и выглядит путано, в основном потому, что на нашей маленькой карте нет масштаба, но вот что важно: этот кольцевой маршрут они проделывают раз в двадцать четыре года или около того: из Федика в Калью Брин Стерджис, потом обратно в Федик с детьми, чтобы извлечь у них нужную субстанцию. После чего детей возвращают в Калью, а субстанцию везут в

тюрьму, где держат Разрушителей.

— Девар-тои, — уточнил Джейк.

Сюзанна кивнула.

— Вопрос в том, что нам нужно сделать, чтобы разомкнуть цикл.

— Через дверь мы пройдем на станцию «Тандерклеп», — сказал Роланд, — а со станции направимся туда, где держат Разрушителей. А там... — Он по очереди посмотрел на каждого из членов ка-тета, потом выставил вперед палец и имитировал выстрел.

— Там будут охранники, — заметил Эдди. — Скорее всего много охранников. Что, если они будут превосходить нас числом?

Роланд пожал плечами.

— Не впервой.

Вернулся Найджел с большущим подносом. На нем хватило места горкам сандвичей, двум термосам с супом, говяжьим и куриным, прохладительным напиткам в банках. Найджел принес коку, спрайт, «Нозз-А-Ла» и что-то еще под названием «Уит-Грин-Уит». Эдди попробовал и объявил, что никогда не пил ничего более мерзкого.

Все они обратили внимание, что Найджел уже не тот добродушный парень, каким был бог знает сколько десятилетий и веков. Его ромбовидная голова постоянно поворачивалась из стороны в сторону. Когда шла налево, он бормотал: «Un, deux, trois!», направо — «Ein, zwei, drei!»^[49] Из глубин корпуса доносилось легкое потрескивание.

— Сладенький, что с тобой не так? — спросила Сюзанна, когда робот поставил поднос на пол между ними.

— Система самодиагностики обещает полный выход из строя в период от двух до шести часов. — Найджел говорил мрачно, но спокойно. — Существовавшие логические дефекты, ранее заблокированные, проникли в ЦМС. — Его голова резко дернулась вправо. — Ein, zwei, drei! Жить свободным или умереть! Грег тебе в глаз!

— Что такое ЦМС? — спросил Джейк.

— И кто такой Грег? — добавил Эдди.

— ЦМС — аббревиатура центральной ментальной системы, — ответил Найджел. — Таких систем две, рациональная и иррациональная. Сознание и подсознание, как сказали бы вы. Что касается Грега, так это Грег Стилсон, персонаж романа, который я читаю. И получаю удовольствие. Называется роман «Мертвая зона», автор — Стивен Кинг. А вот почему я упомянул его в таком контексте, не имею ни малейшего понятия.

Найджел объяснил, что логические дефекты — обычное дело для азимовских роботов, так он называл себе подобных. Чем умнее робот, тем больше логических дефектов... и тем скорее они начинали сказываться. Древние люди (по терминологии Найджела — Создатели) компенсировали возникновение дефектов введением карантинной системы, которой блокировали ментальные глюки точно так же, как, скажем, нынче блокировали территории, где возникала оспа или холера. (Джейк подумал, что это эффективный способ борьбы с душевными болезнями, но предположил, что психиатры встретят такую идею в штыки, поскольку лишатся работы.) Найджел полагал, что травма, связанная с потерей глаз, каким-то образом ослабила карантинную систему, и дефекты, копившиеся долгие годы, прорвались сквозь «блокпосты», что тут же самым негативным образом отразилось на дедуктивных и индуктивных возможностях его мозга и эффективности логических систем. Но Сюзанне он сказал, что за это не держит на нее зла. Сюзанна поднесла кулак ко лбу и поблагодарила его сильно-сильно. По правде говоря, она не до конца поверила старине DNK 45932, хотя и

понятия не имела, по какой причине. Возможно, корнями это недоверие уходило в Калью Брин Стерджис, где робот, который внешне не так уж и отличался от Найджела, оказался злобным и злопамятным предателем. Но было и что-то еще.

Высоко сижу, далеко гляжу, все вижу, — подумала Сюзанна.

— Вытяни руки, Найджел, — попросила она.

Когда робот выполнил ее указание, они увидели жесткие волоски, оставшиеся в сочленениях пальцев. И капельку крови на... том, что у человека называлось костяшкой пальца.

— Что это? — спросила она, сняв несколько волосков и подняв их.

— Я очень сожалею, мэм, но я не...

Он не видит. Разумеется, нет. В распоряжении Найджела остался только инфракрасный диапазон, а зрения он лишился, спасибо Сюзанне Дин, дочери Дэна, стрелку из ка-тета Девятнадцати.

— Это волоски. Я также вижу кровь.

— Да, конечно. Крысы на кухне, мэм. Согласно заложенной в меня программе, я должен уничтожать грызунов, если засекаю их. В наши дни их, к сожалению, очень много. Мир сдвигается все сильнее. — И тут же, резко повернув голову влево, он перешел на французский: — *Un-deux-trois! Minnie Mouse est la mouse pour moi!*^[50]

— Э... Найдж, старина, ты убил Минни и Микки до того, как делал сэндвичи или после? — спросил Эдди.

— После, сэй, заверяю вас.

— Знаешь, я, пожалуй, воздержусь, — сказал Эдди. — Я съел пубой в Мэне, и он так и застрял у меня в желудке.

— Тебе следует говорить *un, deux, trois*. — Слова сорвались с губ Сюзанны прежде, чем она поняла, что собирается их произнести.

— Не понял? — Эдди сидел, обнимая ее одной рукой. С того времени как они собрались вместе, он не упускал ни одной возможности прикоснуться к ней, словно нуждался в подтверждении ее реальности, не доверяя своим глазам.

— Не важно. — Потом, когда Найджел выйдет из комнаты или окончательно сломается, она собиралась рассказать Эдди о своих интуитивных догадках. Она думала, что роботы типа Найджела и Энди, как и роботы Азимова, о которых она читала подростком, не могли лгать. Возможно, Энди модифицировали, или он модифицировался сам, но запрет на ложь был снят. С Найджелом, полагала она, проблема оставалась, можно сказать, большая-большая проблема. У нее сложилось ощущение, что у Найджела в отличие от Энди доброе сердце, но тем не менее он или солгал, или сказал не всю правду о крысах в кладовой. Может, и о многом другом. Так что, его *ein, zwei, drei* или *un, deux, trois* следовало воспринимать как способ стравливания давления. Хотя бы на какое-то время.

Это Мордред, — подумала она, оглядываясь. Взяла сэндвич, потому что хотела есть, как и Джейк, просто умирала от голода, но аппетит как-то разом пропал, и она не сомневалась, что не получит никакого удовольствия, заталкивая куски в рот. — *Найджел выполняет и его указания, а сейчас он наблюдает за нами. Я это знаю... чувствую.*

И откусив первый кусок хранившегося долгое время, упакованного под вакуумом, загадочного мяса, объяснила себе причину:

Мать всегда знает.

Никто из них не захотел спать ни в палате извлечения (хотя они могли выбрать любую из более чем трехсот застеленных чистым бельем кроватей), ни в пустынном городке за стенами Экспериментальной станции, поэтому Найджел повел их в свои апартаменты, часто останавливаясь, чтобы повернуть голову и досчитать до трех на немецком или французском. А вскоре начал считать и еще на каком-то языке, которого никто из них не знал.

Их путь лежал через кухню, где мерно гудели машины из нержавеющей стали. Она разительно отличалась от той древней кухни под замком Дискордия, где Сюзанна побывала во время Прыжка, и хотя они увидели следы приготовления трапезы, которой угостил их Найджел, признаков крыс, живых или мертвых, не просматривалось. Впрочем, никто по этому поводу не высказался.

А у Сюзанны ощущение, что за ними наблюдают, приходило и уходило.

За кладовой находилась маленькая, аккуратная трехкомнатная квартира, которую и облюбовал Найджел. Спальни, само собой, не было, но за гостиной и еще одной кладовой, заставленной электронным оборудованием, обнаружился кабинет с книжными стеллажами вдоль стен, дубовым столом и креслом под галогенной лампой для чтения. На стоящем на столе компьютере они увидели логотип «Северного центра позитроники», что никого не удивило. Найджел принес им одеяла и подушки, заверив, что они совершенно чистые.

— Может, ты спишь на ногах, — заметил Эдди, — но, полагаю, читать ты любишь, как и все, сидя.

— О да, действительно, один-два-три, — ответил Найджел. — Мне нравится хорошая книга. Это заложено в мою программу.

— Мы будем спать шесть часов, потом уходим, — сказал им Роланд.

Джейк тем временем разглядывал книги. Шел вдоль стеллажей (Бш, понятное дело, не отставал от него ни на шаг), иногда доставал книгу.

— У него, похоже, весь Диккенс, — прокомментировал он. — И Стейнбек... и Томас Вульф... много Зейна Грея^[51]... еще какой-то Макс Бранд^[52]... Элмор Леонард^[53]... и всегда популярный Стивен Кинг.

Они все подошли, чтобы посмотреть на две полки с книгами Кинга, числом больше тридцати, как минимум четыре были очень толстыми, а две — просто кирпичами. Судя по всему, после Бриджтона Кинг уделял писательству много времени. Самый последний роман назывался «Сердца в Атлантиде», и в знаке копирайта стоял очень знакомый им год: 1999. Насколько они могли судить, недоставало только тех романов, в которых речь шла о *них*. При условии, что Кинг написал эти романы. Джейк проверил копирайты других книг и обнаружил несколько брешей. Но, возможно, нужного им вывода из этого и не следовало: Кинг и так написал очень много.

Сюзанна задала Найджелу соответствующий вопрос, и он ответил, что никогда не видел книг Стивена Кинга, персонажем которых был Роланд из Гилеада. Не читал он ничего у Кинга и о Темной Башне. А потом яростно повернул голову налево и на этот раз сосчитал на французском до десяти.

— И тем не менее, — сказал Эдди после того, как Найджел вышел из кабинета (внутри у него что-то пощелкивало и постукивало), — я готов спорить, что в этих книгах может быть много полезной нам информации. Роланд, ты не думаешь, что нам стоит собрать книги

Стивена Кинга и взять их с собой?

— Возможно, — не стал спорить Роланд, — но мы их не возьмем. Они могут запутать нас.

— Почему ты так решил?

Роланд только покачал головой. Он не знал, почему так сказал, но не сомневался, что это правда.

4

Центр управления Экспериментальной станцией 16-го сектора Дуги находился четырьмя уровнями ниже палаты извлечения, кухни и кабинета Найджела. Туда вел капсулообразный вестибюль. Снаружи дверь в него открывалась тремя идентификационными карточками, которыми следовало воспользоваться одна за другой. На самом нижнем уровне «Догана» Федика звучала негромкая музыка, напоминавшая мелодии «Битлз», исполняемая Коматозным струнным квартетом.

Центр управления состоял из более чем десятка помещений, но нас могло заинтересовать только одно, с телевизионными экранами камер наблюдения и средствами контроля системы безопасности. Одним из элементов этой системы были маленькие, но очень опасные роботы-убийцы, вооруженные снитчами и лазерными пистолетами, другим — устройства подачи ядовитого газа (именно такой газ использовал Блейн для убийства людей в Луде) в случае захвата «Догана» врагами. По мнению Мордред Дискейна, именно это и произошло. Он попытался активировать роботов-убийц и подать отравляющий газ на верхний уровень, но безрезультатно. А теперь Мордред, с разбитым носом, синяком на лбу и раздувшейся нижней губой (он свалился со стула, на котором сидел) катался по полу и ревел во весь голос, но эти младенческие крики и в малой степени не отражали распирающую его ярость.

Это ж надо, видеть их как минимум на пяти экранах и не иметь возможности убить, даже навредить! Неудивительно, что он просто кипел. Он чувствовал, как живая чернота смыкается вокруг него, чернота, которая свидетельствовала о надвигающейся трансформации, и заставил себя успокоиться, чтобы остановить процесс. Он уже убедился на собственном опыте, что переход из человеческой ипостаси в паучью (и обратно) требовал огромного расхода энергии. В будущем он мог об этом не беспокоиться, но теперь, пусть и на короткое время, следовало соблюдать осторожность, чтобы не умереть от голода, как пчеле на выгоревшем участке леса.

Сейчас я покажу вам нечто более странное, чем вам приходилось видеть ранее, и я заранее предупреждаю вас, что вашей первой реакцией будет смех. Это нормально. Смейтесь, если есть такое желание. Но не отрывайте глаз от того, что видите, пусть это будет глаз вашего воображения, ибо речь идет о существе, которое может причинить вам вред. Помните, у него два отца, и оба — убийцы.

5

Лишь через несколько часов после своего рождения малой Миа весил уже двадцать

фунтов и выглядел, как крепенький шестимесячный ребенок. Вся одежда Мордредра состояла из подгузника, сделанного из полотенца. Его надел на Мордредра Найджел, после того как принес ему обитающую в «Догане» живность. Мордред понимал, что скоро обретет контроль над физиологическими функциями организма, возможно, еще до того, как закончится первый день, если он будет расти такими же темпами, но ему хотелось, чтобы это произошло быстрее. Однако тут он ничего не мог поделать, обретаясь в идиотском младенческом теле.

Это же отвратительно, попасть в такую ситуацию. Выпал вот из стула и теперь ему не оставалось ничего, кроме как махать ручками и ножками, на которых хватало синяков, терять кровь и вопить! DNK 45932 пришел бы, чтобы поднять его, противиться приказу сына Короля он мог с тем же успехом, что и камень, брошенный из окна, — силе земного притяжения, но Мордред не решился позвать робота. Черная сучка уже заподозрила, что Найджел сам не свой, и Мордред чувствовал, что очень уязвим. Он мог контролировать всю технику Экспериментальной станции, умение контролировать технику было лишь одним из многих его талантов, но, лежа на полу помещения с надписью ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПОСТ на двери (когда-то давно, до того, как мир сдвинулся, помещение это называли РУБКА), Мордред все яснее осознавал, как мало исправных машин находилось под его контролем. Неудивительно, что его отец хотел развалить Башню и начать все заново. В этом мире уже все сломалось.

Ему требовалось превратиться в паука, чтобы вновь забраться на стул, где он мог снова стать человеком... но к тому времени как он это проделал, в желудке урчало от голода, а во рту, по той же причине, чувствовался привкус желчи. И он склонялся к мысли, что не только трансформация приводила к расходу энергии: именно паучья ипостась в большей степени отражала его сущность, а потому, когда он становился пауком, обмен веществ резко ускорялся. И мысли изменялись, причем в сторону, которая его устраивала, поскольку человеческие мысли окрашивались эмоциями (их он пока не контролировал, но надеялся, что со временем сможет), а они более всего ему не нравились. Когда он был пауком, мысли его не были настоящими мыслями, в человеческом понимании этого слова; они напоминали черные, ревушие существа, которые поднимались из влажных глубин. Простые и понятные:

(ЕСТЬ)

и

(БРОДИТЬ)

и

(НАСИЛОВАТЬ)

и

(УБИВАТЬ).

И многие восхитительные способы реализации этих мыслей громыхали в рудиментарном сознании дан-тете, напоминая огромные трейлеры, которые с зажженными фарами мчатся сквозь черную ночь. Ему более всего хотелось думать так, и только так, отбросив человеческую половину, но он понимал, что сейчас, когда он совершенно беззащитен, такие мысли могли привести лишь к гибели.

И ведь почти привели. Он поднял правую руку, розовую, гладкую, голенькую, чтобы посмотреть на правый бок. Туда попала пуля этой черной сучки, и хотя Мордред с того времени значительно вырос, прибавил в два раза как весе, так и в росте, рана оставалась открытой. Из нее сочилась кровь и какая-то похожая на горчицу жидкость, желтая и вонючая. Он подумал, что эта рана на человеческом теле никогда не затянется. И другое его тело не

сможет отрастить лапку, которую отстрелила сучка. И если бы она не споткнулась (да, да, в этом сомнений у него не было), пуля оторвала бы голову, а не лапку, и игра бы закончилась, потому что...

Раздался неприятный дребезжащий звонок. Мордред посмотрел на монитор, который показывал наружную сторону главного входа, и увидел робота, помощника по дому, который стоял там с мешком в руке. Мешок трепыхался, и у младенца, черноволосого, в неловко завязанном подгузнике, сидящего перед рядами мониторов, рот тут же наполнился слюной. Он протянул очаровательную пухлую ручонку и нажал на несколько кнопок. Наружная дверь открылась, и Найджел вошел в вестибюль, конструкцией напоминающий воздушный шлюз. Мордред вновь потянулся к кнопкам, чтобы открыть внутреннюю дверь, набрав комбинацию 2-5-4-1-3-1-2-1. Но конечности еще далеко не полностью подчинялись его контролю, поэтому вновь раздался неприятный звонок, вслед за ним — вызывающий ярость женский голос (вызывающий ярость, потому что он напоминал голос черной сучки): **ВЫ НАБРАЛИ НЕПРАВИЛЬНЫЙ КОД ДЛЯ ЭТОЙ ДВЕРИ. МОЖЕТЕ ПОВТОРИТЬ ПОПЫТКУ В ТЕЧЕНИЕ ДЕСЯТИ СЕКУНД. ДЕСЯТЬ... ДЕВЯТЬ...**

Мордред сказал бы ей: «Пошла на хер», — если бы мог говорить, но увы. Он мог только гукать, и Миа, услышав его, раздулась бы от материнской гордости. С кнопками возиться он больше не стал. Уж очень ему хотелось получить то, что принес робот. На этот раз крысы (он полагал, что в мешке крысы) были живыми. *Живыми*, клянусь Богом, с кровью, еще бегущей по венам.

Мордред закрыл глаза и сосредоточился. Красный свет, который видела Сюзанна перед его первым перевоплощением, вновь пробежал по телу от макушки до пятки с родимым пятном. Когда свет скользил по открытой ране, поток крови и гноя усилился, отчего Мордред жалобно вскрикнул. Его рука коснулась раны и размазала кровь по маленькому животу, словно в надежде унять боль. На мгновение появилась чернота, готовая заменить собой красное, и тело младенца начало расплываться. Но на этот раз до трансформации не дошло. Младенец откинулся назад, тяжело дыша, тоненькая струйка мочи, вырвавшаяся из пениса, в очередной раз смочила полотенце-подгузник. Что-то хлопнуло под пультом управления, перед которым стоял стул с младенцем. Он лежал чуть ли не поперек и жадно хватал ртом воздух.

В противоположной стене дверь с надписью **ГЛАВНЫЙ ВХОД** сдвинулась, открываясь. Найджел решительным шагом направился к младенцу, голова уже непрерывно моталась из стороны в сторону, до трех он считал не на двух или трех языках, а на добром десятке.

— Сэр, я действительно больше не могу...

Мордред издавал радостные младенческие гу-гу-га-га и тянул ручонки к мешку. Но мысленный приказ отдал четкий и лишенный эмоций: ***Заткнись. Дай то, что мне нужно.***

Найджел положил мешок ему на колени. Из мешка доносился писк, похожий на человеческую речь, и впервые до Мордреда дошло, что трепыхалось в мешке одно существо. То есть не крыса! Размером побольше! А если размер больше, то больше и крови!

Он раскрыл мешок и заглянул в него. На него с мольбой смотрели два глаза с золотыми ободками. На мгновение он подумал, что это птица, которая летает в ночи, птица ух-ух, как она называлась, Мордред не знал, но потом увидел, что тело существа покрыто шерстью, а не перьями. То был трокен, во многих частях Срединного мира известный как ушастик-путаник, маленький, только-только оторвавшийся от материнской сиськи.

Ну что ты, что ты, — послал ему Мордред свою мысль, едва не пуская слюни. — ***Мы***

в одной лодке, мой маленький дружок, оба сироты, оставшиеся без матери в этом суровом, жестоком мире. Сиди тихо и я утешу тебя.

Подчинить себе такое юное и простодушное существо оказалось практически так же просто, как подчинить машины. Мордред заглянул в его разум и обнаружил узел, который контролировал волю. Потянулся к нему рукой, ментальной рукой, рукой своей воли, и схватил. Услышал робкую, полную надежды мысль

(не причиняй мне зла пожалуйста не причиняй мне зла; пожалуйста сохрани мне жизнь; я хочу жить веселиться играть; не причиняй мне зла пожалуйста не причиняй мне зла пожалуйста сохрани мне жизнь)

и ответил:

Все хорошо, не волнуйся, малыш, все хорошо.

Ушастик-путаник, сидевший в мешке (Найджел нашел зверька в гараже, отрезанного от матери, братьев и сестер автоматически закрывшейся дверью), расслабился. Наверное, он не верил услышанному, но ему очень хотелось поверить.

6

В кабинете Найджела лампы горели в четверть накала. Джейк проснулся, едва Ыш заснул. Остальные спали — пока.

Что-то не так, Ыш?

Ушастик-путаник не ответил, только из горла по-прежнему доносился скулеж. Его глаза с золотистыми ободками не отрывались от дальнего, темного угла кабинета, словно он там видел что-то ужасное. Джейк без труда вспомнил, что он точно так же вглядывался в угол своей спальни, просыпаясь в предрассветные часы от кошмара, в котором сталкивался с Франкенштейном, или с Дракулой, или

(Тираннасорбетом Рексом)

с другим, бог знает каким чудовищем. И теперь, решив, что ушастикам-путаникам, возможно, тоже снятся кошмары, он еще сильнее и настойчивее попытался прикоснуться к разуму Ыша. Сначала ничего не увидел, а потом возник какой-то далекий, смутный образ

(глаза глаза смотрящие из темноты)

чего-то непонятного, возможно, ушастика-путаника в мешке.

— Ш-ш-ш-ш, — прошептал он на ухо Ышу и обнял своего друга. — Не буди их, им нужно выспаться.

— Аться, — тихонько ответил Ыш.

— Тебе просто приснился плохой сон, — шептал Джейк. — Иногда я тоже их вижу. Они не настоящие. Никто не сажал тебя в мешок. Засыпай.

— Пай. — Ыш положил мордочку на правую переднюю лапу. — Ыш-бу ойным.

Это правильно, — послал ему Джейк свою мысль. — Ыш будет спокойным.

Глаза с золотистыми ободками, из которых еще не ушла тревога, какое-то время оставались открытыми. Потом Ыш подмигнул Джейку одним и закрыл оба. А мгновением позже ушастик-путаник вновь спал. Где-то неподалеку только что умер другой ушастик-путаник... но смерть — обычное дело для здешнего мира. Это суровый мир, и всегда был таким.

Ышу снилось, что он и Джейк находятся под большущим оранжевым диском Мешочной

луны. Джейк, который тоже заснул, подхватил этот сон, так что им обоим снилась луна Старьевщика.

Ыш, кто умер? — спросил Джейк, а Старьевщик подмигивал ему своим единственным глазом.

Ыш, — ответил его друг. — *Делах. Много.*

Под пустым оранжевым взглядом Старьевщика Ыш больше ничего не сказал; дело в том, что ему снился сон во сне, и Джейк отправился туда вместе с Ышем. Этот сон был получше. Они оба играли под ярким солнечным светом. К ним прибежал другой ушастик-путаник: судя по виду, очень печальный. Он попытался заговорить с ними, но ни Джейк, ни Ыш не могли понять ни слова, потому что говорил он по-английски.

Мордреду не хватило бы сил, чтобы достать ушастика-путаника из мешка, а Найджел то ли не хотел, то ли не мог ему помочь. Робот лишь стоял у двери Центра управления, считая вслух. Доносившееся из корпуса пощелкивание все усиливалось. Запахло горелым.

Мордреду удалось перевернуть мешок, и ушастик-путаник, максимум полугодовалый, вывалился ему на колени. Глаза его наполовину закрылись, желто-черные радужки потускнели и не двигались.

Мордред откинул голову назад, сосредоточился, младенческое личико перекосило от напряжения. Красный свет опять побежал по телу, волосы начали вставать дыбом. Но едва они успели приподняться, как младенец, на голове которого они росли, исчез. Его место занял паук. Четыре из семи лапок вцепились в ушастика-путаника и без труда подтянули его к алчущей пасти. За двадцать секунд паук высосал зверька досуха. А потом пасть сместилась к мягкому животику и разорвала его, а лапки подняли тельце. Паук начал пожирать вываливающиеся из живота внутренности: восхитительное, придающее сил блюдо. Паук вгрызался в тело ушастика-путаника все глубже, издавая приглушенные звуки глубокого удовлетворения, отдаленно напоминающие мяуканье, переломил позвоночник, высосал костный мозг. Большая часть столь нужной ему энергии находилась в крови, да, всегда в крови, это хорошо знали Праотцы, но сила была и в мясе. В ипостаси человеческого младенца (гилеадский эквивалент — бей-бо) он бы не смог ни пить кровь, ни есть мясо. Скорее всего подавился бы и умер. Но будучи пауком...

Он закончил трапезу и отшвырнул то, что осталось от ушастика-путаника — а осталось немного — на пол. Ранее он точно так же поступил и с крысами. Найджел, помощник по дому, призванный следить за чистотой, убрал их останки. Мордред знал, что теперь робот подберет и останки зверька. Но Найджел стоял, не издавая ни звука, хотя Мордред снова и снова верещал: «Найджел, ты мне нужен». Идущий от робота запах горящего пластика настолько усилился, что включились потолочные вентиляторы. DNK 45932 стоял, повернув лишившееся глаз лицо влево. И создавалось впечатление, что на лице застыло любопытство, словно умер Найджел в тот самый момент, когда собрался задать важный вопрос: «В чем смысл жизни?» или, возможно, «Кто пописал в рыбный суп миссис Мерфи?» Так или иначе, но его короткая карьера ловца крыс и ушастиков-путаников завершилась.

На какое-то время Мордред запасся энергией, отлично закусил свежатинкой, но надолго энергии этой хватить не могло. И останься он пауком, расходовалась бы она максимально

быстро. А вновь превратившись в младенца, он не смог бы ни слезть со стула, на котором сидел, ни даже надеть подгузник, слетевший с него при превращении в паука. Но ему не оставалось ничего другого, как сменить ипостась, потому что паук не мог ясно мыслить. Какие уж там дедукция и индукция. Паукам такого не требовалось.

Белый нарост на спине закрыл человеческие глаза, а черное тело под ним полыхнуло красным. Лапки втянулись в тело и исчезли. Нарост начал расти, превращаясь в голову младенца, тело стало обретать человеческие очертания. Голубые глаза ребенка, глаза воина, глаза стрелка, сверкнули. Трансформация близилась к завершению, и он чувствовал, что сил у него по-прежнему много, спасибо крови и мясу ушастика-путаника, но немалая часть запасенной энергии уже растратилась (как пена опадает на кружке пива). И растратилась она не только на сам процесс превращения из одной ипостаси в другую. Мордред еще и рос с устрашающей скоростью. Такой рост требовал постоянного питания, а вот подходящей ему пищи на Экспериментальной станции 16-го сектора Дуги было чертовски мало. И в Федике, если уж на то пошло, тоже. Да, конечно, консервов, готовых блюд в вакуумной упаковке, напитков в банках и порошков для приготовления напитков хватало, но такие еда и питье ему не годились. Ему требовалось свежее мясо и, даже в большей степени, чем мясо, свежая кровь. Причем кровь животных могла поддерживать его лавинообразный рост лишь до определенной степени. Очень скоро ему потребовалась бы человеческая кровь, иначе его рост замедлился бы, а потом остановился. Пришла бы голодная боль, но боль эта, безжалостно буравящая внутренности, не смогла бы сравниться с душевной болью, которую он испытывал в тот момент, наблюдая за ними на различных экранах: все еще живыми, объединенными своей дружбой, единством цели.

Болью, которую вызывал один только *его* вид. Роланда из Гилеада.

Откуда, задавался вопросом Мордред, он так много знал? От своей матери? Частично — да, он почувствовал, как миллион мыслей и воспоминаний Миа (многие почерпнутые у Сюзанны) пронеслись сквозь него, когда он ее пожирал. Но знать, что именно так кормятся Праотцы, откуда взялись эти знания? Как он мог знать, что вампир-немец, напившись крови француза, мог говорить на французском неделю или десять дней, говорить так, будто французский — его родной язык, а потом эта способность, как и воспоминания жертвы, начинали уходить...

Откуда он мог такое знать?

Да какое это имело значение?

Теперь он наблюдал, как они спят. Мальчишка Джейк проснулся, но лишь на короткое время. Ранее Мордред наблюдал, как они едят: четверо дураков и ушастик-путаник, полные крови, полные энергии, обедали, сидя кружком. Они всегда садились кружком, даже на тропе, если останавливались отдохнуть на пять минут, садились кружком, не отдавая себе в этом отчета, создавали внутренний круг, оставляя остальной мир за его пределами. У Мордреда такого круга не было. Он только что вошел в этот мир, но уже понимал, что находиться вне любого круга — его ка, точно так же, как ка зимнего ветра — мотаться взад-вперед только по половине круга, от севера до востока, потом от востока через север до запада, и обратно. Он принимал такое положение дел, но все равно смотрел на них с ненавистью постороннего, зная, что может причинить им боль и месть его будет жестокой. В нем сходились два мира, предсказанное слияние Прим и Ам, гадоша и годоша, Гана и Гилеада. В некотором смысле он был, как Иисус Христос, только сути своей соответствовал даже больше, чем овечий бог-человек, ибо у овечьего бога-человека был только один

настоящий отец, с гипотетических небес, и приемный, который жил на Земле. Бедный старичок Иосиф, которого обогатил сам Господь Бог.

С другой стороны, у Мордред Дискейна были *два настоящих* отца. Одного из них он видел спящим на экране, который висел перед ним.

«Ты стар, отец», — думал он. И такие мысли приносили ему гаденькое наслаждение. Но при этом напоминали ему, что он сам — маленький и жалкий, не больше... ну, не больше паука, который смотрит сверху вниз на людей из своей паутины. Мордред являл собой близнецов, и ему предстояло оставаться близнецами, пока не умер бы Роланд Эльдский и не развалился бы последний ка-тет. А как же тихий голос, который говорил ему: пойди к Роланду, назови его отцом? Назвать Эдди и Джейка своими братьями, Сюзанну — сестрой? То был переполненный чувством вины голос матери. Да они убили бы его прежде, чем он успел бы произнести хоть одно слово (при условии, что дорос бы до той стадии человеческого развития, когда дети не только гукают). Они отрезали бы ему яйца и скормили ушастыку-путанику. Они похоронили бы его кастрированный труп, справили большую нужду на могиле и пошли дальше.

Наконец-то ты состарился, отец, хромаешь при ходьбе, а на закате дня я видел, как ты потирал бедро рукой, которая начала чуть-чуть подрагивать.

Смотрите, если можете. Вот сидит младенец, розовая кожа которого перемазана кровью. Вот сидит младенец, из глаз которого катятся молчаливые слезы. Вот сидит младенец, который знает слишком много и слишком мало, и хотя нам следует держать пальцы подальше от его рта (он кусается, этот младенец, кусается, как детеныш крокодила), мы вправе немного пожалеть его. Если ка — поезд (а это так, огромный, летящий со скоростью ветра моно, может, в здравом уме, может — и нет), тогда этот маленький скверный ликантроп^[54] — несчастный обреченный заложник, привязанный не к рельсам, как маленькая Нелл^[55], а к прожектору локомотива.

Он может говорить себе, что у него два отца, и в этом, возможно, есть доля правды, но сейчас-то рядом с ним нет ни одного из них и нет матери. Он съел свою мать живьем, вы говорите правильно, съел ее практически без остатка, она стала его первой трапезой, но разве у него был выбор? Он — последнее чудо, сотворенное все еще стоящей Темной Башней, в которой соединилось рациональное и иррациональное, естественное и сверхъестественное, и, однако, он здесь один, и он постоянно голоден. Судьба, возможно, уготовила ему роль правителя миров (а может, их сокрушителя), но пока ему удалось поставить под свое начало лишь одного старого робота, помощника по дому, который теперь шагнул на пустошь в конце тропы.

Он смотрит на спящего стрелка с любовью и ненавистью, его тянет к стрелку и стрелок ему противен. Но, допустим, он пошел бы к ним, и его бы не убили? Встретили бы с распростертыми объятиями? Нелепая идея, но почему не допустить такого, пусть даже теоретически? Но тогда ему придется поставить Роланда выше себя, признать своим дином, а вот на это он не пойдет никогда, никогда, никогда.

— Ты наблюдал за ними. — Мягкий, смеющийся голос. А потом последовали воркующие фразы, которые Роланд, возможно, слышал в далеком детстве. — «Монетка ли, камешек, как интересно. И надобно все рассмотреть непременно! Такой он, мой маленький милый бей-бо». Тебе понравилось то, что ты увидел перед тем, как уснул? Ты заметил, как они ушли вместе со сдвинувшимся миром?

Прошло, возможно, десять часов с того момента, как Найджел, помощник по дому, сослужил свою последнюю службу. Мордред, который крепко заснул, повернул голову на голос незнакомца, нисколько не удивившись, полностью отдавая себе отчет, где он находится. Он увидел мужчину в синих джинсах и куртке с капюшоном, который стоял на серых плитках Центрального поста. Его амуниция, потрепанная сумка с одной лямкой, какие носят на плече, лежала на полу. Щеки пылали румянцем, лицо природа не обделила красотой, глаза сверкали. В руке незнакомец держал автоматический пистолет, и, глядя в черное отверстие на срезе ствола, Мордред Дискейн второй раз в своей короткой жизни осознал, что даже боги могут умереть, если их божественность разбавлена человеческой кровью. Но он не боялся. Этого человека не боялся. Посмотрел на мониторы, показывающие квартиру Найджела, и убедился в правоте незнакомца: они ушли.

Улыбающийся незнакомец, который словно выпрыгнул из пола, поднес свободную руку к капюшону и вывернул край наизнанку. Мордред увидел блеск металла. В подкладку капюшона вплели проволоку.

— Я называю это моей «думалкой», — пояснил незнакомец. — Я не могу слышать твои мысли, это недостаток, но и ты не можешь залезть мне в голову, а вот это...

(уже несомненное преимущество, ты согласен)

— ...уже несомненное преимущество, ты согласен?

На куртке Мордред заметил две нашивки. Одна — с надписью «Армия США» и головой птицы, орла, а не ух-ух. Вторая — с именем и фамилией: «РЭНДАЛЛ ФЛЕГГ». Мордред понял (опять же его это не удивило), что умеет читать.

— Потому что, если в тебе есть что-то от отца, я про красного отца, тогда человеческие органы чувств — малая толика твоего арсенала. — Мужчина в куртке засмеялся. Он не хотел, чтобы Мордред почувствовал его страх. А может, убедил себя, что не боится, что пришел сюда по своей воле. Может, и пришел. Для Мордреда это не имело ровно никакого значения. Не волновали его и мысли мужчины, касающихся планов на будущее, которые толкались в голове и текли, как густой суп. Неужели мужчина верил, что «думалка» закрывала доступ к его мыслям? Мордред напрягся, заглянул глубже и увидел: ответ положительный. Очень удобно.

— В любом случае я уверен, что дополнительная защита никогда не помешает. Предусмотрительность — всегда самая мудрая политика. Как еще я мог пережить смерть Фарсона и падение Гилеада? Я не хочу, чтобы ты залез ко мне в голову и заставил спрыгнуть с крыши высокого здания, не так ли? Хотя зачем тебе это? Тебе нужен я или кто-то еще. Твой

мешок с болтами отключился, а сам ты — всего лишь бей-бо, который не может надеть подгузник на свою засраную жопу.

Незнакомец, который на самом деле таковым не был, рассмеялся. Мордред сидел на стуле и наблюдал за ним. На щеке младенца розовело пятно: он спал, положив щечку на маленькую ручку.

— Я думаю, общаться мы сможем без проблем, — продолжил мужчина, — если я буду говорить, а ты кивать, если соглашаешься, и мотать головой, если возражаешь. Стукни по стулу, если тебе будет что-то непонятно. Все просто. Ты согласен?

Мордред кивнул. Мужчину тревожил немигающий взгляд голубых глаз, *tres*^[56] тревожил, но он старался этого не показывать. Вновь задался вопросом: а правильно ли поступил, придя сюда, но он шел по следу Миа с того самого момента, как она забеременела, и для чего, если не для этого? Да, он затеял опасную игру, спорить тут не о чем, но теперь остались только два существа, которые могли открыть дверь в Темную Башню, прежде чем она рухнет... что произойдет, и очень скоро, потому что писателю осталось жить в своем мире считанные дни, а последние «Книги Башни», три, оставались ненаписанными. В последней из книг цикла, которые он написал в ключевом мире, ка-тет Роланда вышиб сэя Флегга из призрачного дворца, стоявшего на автостраде, дворца, который для Эдди, Сюзанны и Джейка выглядел, как дворец Оза, великого и ужасного (Оза — Зеленого Короля, если вам угодно). Они едва не убили плохого старого чародея Уолтера о'Дима, чем, по мнению многих, могли обеспечить книге счастливую концовку. Но после страницы 696 «Колдуна и кристалла»^[57] Стивен Кинг не написал ни слова о Роланде и Темной Башне, и вот это Уолтер полагал действительно *счастливой* концовкой. Жители Кальи Брин Стерджис, дети-рунты, Миа и малой Миа, все это и многое другое пребывало в зачаточном состоянии в подсознании писателя; существа, томящиеся взаперти за Ненайденной дверью. Теперь же, по мнению Уолтера, освободить их не было никакой возможности. И пусть Кинг всегда писал чертовски быстро, потрясающе талантливый писатель, превративший себя в разбрасывающегося по мелочам (но богатого) уличного художника, эдакого Алджернона Суинберна^[58] прозы, если вам угодно, даже он не мог за отпущенное ему время написать больше пятисот страниц оставшейся части саги, работая и днем, и ночью.

Слишком поздно. Выбор-то у писателя был, и Уолтер это прекрасно знал: он побывал в «Ле кас руа рюс» и видел это в магическом кристалле, которым все еще владел Красный Старикан (хотя теперь, тут сомнений у Уолтера не было, кристалл этот, всеми забытый, валялся в каком-нибудь дальнем углу замка). К лету 1997 года Кинг знал историю Волков, близнецов и летающих тарелок, которые назывались орисами. Но как писатель он решил, что эта книга — очень тяжелая работа. И вместо нее взялся за сборник связанных между собой историй, который назвал «Сердца в Атлантиде», и даже теперь, в своем доме на Тэтлбек-лейн (где он ни разу не видел даже одного приходящего), писатель тратил остатки своей жизни на книгу о мире, любви и Вьетнаме. Не следовало, конечно, отрицать, что один из персонажей книги, которой предстояло стать последней из написанных Кингом, сыграл определенную роль в истории Темной Башни, но этот господин, старик, мозг которого обладал удивительными способностями, уже не мог произнести действительно важные слова. Писатель лишил его такой возможности. Прекрасно, не так ли?

В единственном мире, который влиял на судьбы всех остальных миров, истинном мире, где время никогда не обращается вспять и не бывает второго шанса (ты говоришь правильно), наступило 12 июня 1999 года. Писателю оставалось жить менее 200 часов.

Уолтер о'Дим знал, что до Темной Башни ему нужно добраться быстрее: время (как и обмен веществ неких пауков) в этом мире отличалось большей скоростью. Скажем, за пять дней. Максимум за пять с половиной. Именно такой отрезок времени был в его распоряжении, чтобы прийти к Башне, неся в сумке отрезанную ступню Мордредра Дискейна, ту, что с родимым пятном... открыть дверь в нижнем ярусе... подняться по шепчущим ступеням... обойти сидящего взаперти Алого Короля...

Если бы он мог найти транспортное средство... Или нужную дверь...

Еще не поздно стать Всеобщим Богом?

Возможно, и нет. Так почему не попытаться?

Уолтер о'Дим долго странствовал по свету под сотней разных имен, но Башня всегда оставалась его заветной целью. Как Роланд, он хотел подняться на нее и посмотреть, что живет на вершине. Если там что-то жило.

Он не принадлежал ни к одному из культов, группировок, религий или клик, которые возникали в смутные годы, после того как зашаталась Башня, хотя вставал под их знамена, если его устраивало. На этот период пришлась его служба Алому Королю, как и служба Джону Фарсону, Доброму Человеку, который свалил Гилеад, последний бастион цивилизации, волной крови и убийств. В этих убийствах была и лепта Уолтера, который своей долгой жизнью, конечно же, отличался от простых смертных. Он стал свидетелем гибели, как он верил, последнего ка-тета Роланда на Иерихонском холме. *Свидетелем?* Тут он поскромничал, клянусь всеми богами и рыбами! Под именем Рудина Филаро он участвовал в этой битве, с разрисованным синим лицом, кричал и шел в атаку вместе с остальными вонючими варварами, и собственноручно сразил Катберта Олгуда, послав стрелу точно в глаз. Но при этом он никогда не забывал про Башню. Возможно, именно из-за этого чертов стрелок (когда солнце завершило свой трудовой день, в живых остался только Роланд из Гилеада) смог удрать, спрятавшись на дне телеги, заваленной трупами, и на рассвете выбравшись из погребального костра до того, как его подожгли.

Он видел Роланда несколькими годами раньше, в Меджисе, и едва не покончил с ним там (правда, дело это он поручил Элдреду Джонасу, с дрожащим голосом и длинными седыми волосами, и Джонас за неудачу поплатился жизнью). Король сказал ему тогда, что с Роландом они не покончили, что стрелок только приблизит конец и станет причиной обрушения того, что собирался спасти. Но Уолтер начал верить ему, лишь когда попал в пустыню Мохайн и обнаружил, что по его следу идет тот самый стрелок, постаревший за прошедшие годы. А полностью поверил после возвращения Миа, которая выполнила древнее и мрачное пророчество, дав жизнь сыну Алого Короля. Конечно же, теперь проку от Красного Старикана ему не было, но даже в тюрьме и безумный, он (оно) оставался опасным.

Но при этом, пока Роланд не составил ему пару, возможно, подвигнув на большее, чем уготовила ему судьба, Уолтер о'Дим мало чем отличался от странника, пережившего далекое прошлое, от наемника, который тешил свое честолюбие стремлением попасть в Темную Башню до того, как она рухнет. Не это ли прежде всего и привело Уолтера к Алому Королю? Да, это. И не его вина, что великий король-паук свихнулся.

Не важно. Перед ним его сын, с той же отметиной на пятке, Уолтер видел ее в этот самый момент, и все вернулось на круги своя. Разумеется, от него требуется осторожность. Существо на стуле выглядело беспомощным, может, даже полагало себя *беспомощным*, но не стоило недооценивать его из-за внешнего сходства с человеческим дитятей.

Уолтер убрал пистолет в карман (на мгновение, только на мгновение) и вытянул руки перед собой, пустые, ладонями вверх. Медленно, не отрывая глаз от Мордред, опасаясь, что он может трансформироваться (Уолтер видел эту трансформацию, а также то, что случилось с матерью маленького чудовища), мужчина опустился на одно колено.

— Хайл, Мордред Дискейн, сын Роланда из Гилеада, который был, и Алого Короля, имя которого когда-то гремело от Крайнего мира до Внешнего. Хайл, сын двух отцов, ведущих свой род от Артура Эльдского, первого короля, взошедшего на престол после отхода Прима, и Хранителя Темной Башни.

На мгновение ничего не произошло. В Центральном посту царили тишина и запах сгоревшей электронной начинки Найджела.

Потом младенец разжал пухлые кулачки и поднял ручонки: *Встань, вассал, и подойди ко мне.*

2

— В любом случае тебе лучше всего не «светиться мыслями». — Мужчина подошел ближе. — Они знают, что ты здесь, а Роланд божественно умен; триг-делах, вот кто он. Однажды он настиг меня, ты знаешь, и я подумал, что мне конец. Действительно подумал. — Мужчина, который иногда называл себя Флеггом (под этим именем на другом уровне Башни он погубил целый мир), достал из сумки ореховое масло и крекеры. Спросил разрешения у своего нового дина, и ребенок, хотя ему самому ужасно хотелось есть, величественно кивнул. И теперь Уолтер сидел на полу, быстро ел, чувствуя себя в полной безопасности, благодаря думалке на голове, не подозревая, что под нее забрался незванный гость и тащит все подряд. Да, он мог полагать себя в безопасности — пока продолжался грабеж, но вот потом...

Мордред поднял одну пухлую детскую ручонку и опустил, нарисовав в воздухе вопросительный знак.

— Как мне удалось ускользнуть? — спросил Уолтер. — Что ж, в сложившихся обстоятельствах я поступил как настоящий обманщик — сказал ему правду! Показал Башню, по крайней мере несколько ее уровней. Увиденное потрясло Роланда, разум его раскрылся, я воспользовался приемчиком из арсенала стрелка и загипнотизировал его. Мы находились в одной из временных капсул, которые иногда вырываются из Башни, и мир двигался мимо нас, тогда как мы вели беседу среди костей, ага! Я принес еще костей, человеческих, и пока он спал, нарядил их в то, что осталось от моей одежды. Я мог бы убить его тогда, но что стало бы с Башней, если б убил? Что стало бы с тобой, если уж на то пошло? Ты бы никогда не родился. Так что, оставив его в живых и позволив извлечь троих, я спас твою жизнь еще до того, как тебя зачали, вот что я сделал. А потом я отправился к берегу моря, полагал, что заслужил право на короткий отдых, а? Роланд тоже добрался до моря, пошел в одну сторону и нашел три двери. Я пошел в другую, Мордред, дорогой мой, и вот я здесь!

Он засмеялся с набитым крекерами ртом, и крошки посыпались на подбородок и рубашку. Мордред улыбнулся, внутренне его перекосило от отвращения. «Вот, значит, с кем я должен работать, да? С дураком, который набивает рот крекерами, плюется крошками и настолько поглощен своими приключениями в прошлом, что даже не подозревает о грозящей ему опасности, понятия не имеет, что в его защитных рубежах пробита брешь? Клянусь всеми богами, он *заслуживает* смерти!» Но прежде чем убить его, Мордред хотел решить

два вопроса. Во-первых, узнать, где Роланд и его друзья. Во-вторых, поесть. Этот дурак мог поспособствовать и в первом, и во втором. Но почему все далось ему так легко? Наверное, потому, что Уолтер тоже состарился. Отсюда и фатальная уверенность в себе, и тщеславие, не позволяющее этого осознать.

— Возможно, тебя интересует, почему я здесь, а не занимаюсь делами твоего отца, — продолжил Уолтер. — Интересует?

Мордред это несколько не интересовало, но он тем не менее кивнул. В желудке урчало.

— По правде говоря, я пришел по его делам. — И Уолтер ослепительно улыбнулся (правда, улыбку подпортило ореховое масло, налипшее на зубах). Когда-то он наверняка знал, что любое утверждение, начинающееся словами «По правде говоря...», заведомо лживо. Теперь — нет. Слишком старый, чтобы знать. Слишком тщеславный, чтобы знать. Слишком глупый, чтобы помнить. Но при этом тем не менее и осторожный. Он мог чувствовать силу ребенка. Ощутил, что кто-то проник к нему в голову? Копошится в его голове? Конечно же, нет. Существо, которое скрывалось в обличье младенца, он полагал могущественным, но не до такой же степени.

Уолтер наклонился вперед, сдвинул колени.

— Твой Красный отец... нездоров. По причине того, что он слишком долго жил рядом с Башней и слишком много о ней думал, я в этом уверен. И то, что он начал, заканчивать придется тебе. Я пришел, чтобы помочь в этом.

Мордред кивнул, словно слова Уолтера порадовали его. Они и порадовали. Но как же хотелось есть.

— Ты, возможно, удивляешься, как я проник в это вроде бы защищенное со всех сторон помещение, — продолжил Уолтер. — По правде говоря, я помогал строить эту станцию, в далеком прошлом.

Опять эти вводные слова, очевидные, как подмигивание.

Пистолет он убрал в левый карман своей куртки. Теперь достал из правого какое-то устройство размером с пачку сигарет, вытащил серебристую антенну, нажал на кнопку. Часть выложенного серой плиткой пола ушла вниз, открыв лестницу. Мордред кивнул. Уолтер, или Рэндалл Флегг, как он теперь себя называл, действительно появился из пола. Ловкий трюк, но, разумеется, он одно время был придворным чародеем Стивена, отца Роланда, тогда правившего Гилеадом, не так ли? Только звался тогда Мартеном. Человек со многими лицами и многими ловкими трюками, этот Уолтер о' Дим, но не такой умный, каким он себе казался. Даже наполовину не такой. Мордреду теперь оставалось узнать только одно: как выбрались отсюда Роланд и его друзья. И чтобы это узнать, он мог даже не рыться в голове Уолтера. Достаточно было пройти по его следу, в обратном направлении.

Но сначала...

Улыбка Уолтера поблекла.

— Вы что-то сказали, сир? — От неожиданности он перешел на вы. — Я подумал, что услышал ваш голос, у себя в голове.

Мордред покачал головой. А кто мог внушить большее доверие, чем младенец? Разве их лица — не критерий бесхитрости и невинности?

— Я возьму тебя с собой и пойду за ними, если ты не против. — Уверенность вернулась у Уолтеру. — Какая из нас получится команда! Они направились в Девар-тои, чтобы освободить Разрушителей. Я уже пообещал встретиться с твоим отцом, твоим Белым отцом, и его ка-тетом, если они решатся продолжить свой путь, и это обещание я собираюсь

выполнить. Потому что — и слушай меня хорошо, Мордред, — стрелок Роланд противостоял мне на каждом повороте, и я этого больше не потерплю. *Не потерплю!* Ты меня слышишь? — В ярости он возвысил голос.

Мордред наивно кивнул, его красивые младенческие глазки широко раскрылись, то ли от страха, то ли от удивления, может, и от первого, и от второго. Конечно же, Уолтер о'Дим совсем уж низко пал в его глазах, и теперь вопрос стоял так: кончать с ним немедленно или чуть погодить? Мордреду ужасно хотелось есть, но он решил, что сможет еще немного потерпеть. Что-то в этом было завораживающее: наблюдать, как этот дурак с таким жаром забивает последние гвозди в собственный гроб.

Вновь Мордред нарисовал в воздухе знак вопроса.

И только тут последние остатки улыбки сползли с лица Уолтера.

— Чего я в действительности хочу? Ты спрашиваешь об этом?

Мордред кивнул: да.

— Дело совсем не в Темной Башне, если хочешь знать правду. В Роланде, который не выходит у меня из головы и сердца. Я хочу его смерти. — Уолтер говорил без тени улыбки, вынося окончательный приговор. — За то долгое и пыльное преследование; за те хлопоты, которые он мне причинил; и Алому Королю тоже... настоящему Королю, ты понимаешь. За упрямство, с каким он отказывался отступить от Башни, какие бы препятствия ни возникали у него на тропе. Но больше всего — за смерть его матери, которую я когда-то любил. — И понизив голос: — Или по крайней мере с которой спал. Какую бы роль ни сыграли я и Риа с Кооса в этом деле, именно мальчик оборвал ее жизнь своими чертовыми револьверами. Он медленно соображал, но быстро двигал руками.

Что же касается конца вселенной... я скажу так, пусть он наступит, раз к этому идет, во льду, огне, мраке. Что такого сделала мне вселенная, чтобы я заботился о ее благе? Я знаю только одно: Роланд из Гилеада жил слишком долго, и я хочу, чтобы *этот сукин сын лег в землю*. Вместе с теми, кого он извлек.

В третий и последний раз Мордред нарисовал в воздухе вопросительный знак.

— Отсюда в Девар-тои ведет только одна работающая дверь, молодой господин. Которую используют... или использовали Волки. Я думаю, они совершили свой последний набег, так я думаю. Роланд и его друзья прошли через нее, но это нормально, им найдется чем себя занять, как только они окажутся на той стороне. Возможно, они даже найдут прием слишком горячим! Возможно, мы сможем разобраться с ними, пока все их внимание будут занимать только Разрушители, дети Родерика и охранники. Что ты на это скажешь?

Младенец кивнул, решительно, без малейшего колебания. Потом сунул пальцы в рот, пожевал их.

— Да, да. — Уолтер вновь заулыбался. — Конечно же, ты хочешь есть. Но я уверен, что, когда дело дойдет до обеда, мы сможем найти тебе что-нибудь получше крыс и только-только родившихся ушастиков-путаников. Не так ли?

Мордред кивнул. Он тоже в этом не сомневался.

— Мне сыграть заботливого папашу и понести тебя? — спросил Уолтер. — Тогда тебе не придется превращаться в паука. Бр-р! Должен сказать, в таком виде вряд ли кто тебя полюбит, наверное, ты никому даже не понравишься.

Мордред уже тянул к нему ручонки.

— Ты меня не обосрешь, не так ли? — небрежно спросил Уолтер на полпути к стулу. Его рука скользнула в карман, и Мордред с легким уколом тревоги понял: этот хитрый

мерзавец все-таки сумел кое-что скрыть: он уже понял, что от думалки проку никакого. И теперь решил пустить в ход пистолет.

Судя по всему, Мордред переоценил Уолтера, но такова уж особенность юных, возможно, способствующая выживанию. Для малыша с широко раскрытыми глазами самые тривиальные трюки самого неловкого фокусника кажутся чудом. Уолтер слишком долго не осознавал, что в действительности происходит, но принадлежал к породе тех, кто умел выходить сухим из воды в самых критических ситуациях, поэтому, когда осознание пришло, он уже не стал терять времени даром.

Есть такое выражение: «слон в гостиной». Его используют для описания жизни с наркоманом, алкоголиком, драчуном. Люди со стороны в таких ситуациях иногда спрашивают: «Как вы могли столько лет допускать такое? Неужто вы не видели *слона в гостиной?*» Тому, кто живет более или менее нормально, трудно понять ответ, который ближе всего к истине: «К сожалению, но, когда я въехала, он там уже был; я подумала, что это *часть обстановки*». Вот тут для некоторых — я полагаю их счастливыми — наступает момент истины, когда внезапно они понимают разницу. И такой момент наступил для Уолтера. Конечно, поздновато, но надежда еще оставалась.

«Ты не обосрешь меня, не так ли?» — такой он задал вопрос, но между словами *обосрешь* и *меня* разом осознал, что в доме незваный гость... *и находится он там с самого начала*. Не младенец, кстати; нескладный юноша с покатым лбом, оспинами на коже и затуманенными любопытными глазами. Возможно, то была лучшая, самая правдивая визуализация Мордреда Дискейна, какую мог представить себе Уолтер: подросток-взломщик, возможно, «взбодривший» себя каким-то моющим средством в аэрозольной упаковке.

И юноша находился в доме *все это время!* Господи, как он мог этого не заметить? Взломщик даже не прятался! Торчал на самом виду, стоял, привалившись к стене, разинув рот, и все разглядывал.

Его планы взять Мордреда с собой, использовать его, чтобы прикончить Роланда (если охранники девар-той не успели бы прикончить его раньше), потом убить маленького говнюка, отрезать и взять с собой его бесценную левую ступню, рухнули в один миг. А в следующий уже появился новый план, наипростейший из всех. *Нельзя дать ему понять, что я все знаю. Один выстрел — это все, на что я могу пойти, и только потому, что должен. А потом я убегу. Если убью его, отлично. Если нет, возможно, он подохнет от голода до того...*

Вот тут Уолтер обнаружил, что его рука застыла. Четыре пальца уже сжали рукоятку пистолета в кармане куртки, но теперь превратились в камень. Пятый находился совсем рядом от спускового крючка, но тоже потерял способность двигаться. Его словно закатали в бетон. И в это же мгновение Уолтер впервые увидел сверкающую струну. Она появилась из беззубого, с розовыми деснами рта младенца, сидящего на стуле, протянулась через комнату, сверкая под лампами под потолком, обвила Уолтера на уровне груди, прижимая руки к бокам. Он понимал, что струны в действительности нет... но при этом она *была*.

Он не мог шевельнуться.

Мордред не видел сверкающей струны, возможно, потому, что не читал романа «Корабельный холм»^[59]. Однако ему представилась возможность обследовать разум Сюзанны, и то, что он видел теперь, удивительно напоминало «Доган» Сюзанны. Только вместо диска ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМПЕРАТУРА и тумблера МАЛОЙ, перед ним появились средства контроля двигательных функций (этот тумблер он тут же перевел в положение ОТКЛЮЧЕНО), мышления и побуждения. Все устройство было, конечно, куда более сложным в сравнении с тем, что встретилось ему в голове детеныша ушастика-путаника, там пришлось иметь дело лишь с несколькими простенькими узелками, но управление труда не составило.

Единственная проблема заключалась в том, что он был младенцем.

Чертовым младенцем, который не мог слезть со стула.

А если он действительно хотел превратить ходячий деликатес в отбивные, следовало действовать быстро.

Уолтер о'Дим не состарился до такой степени, чтобы стать излишне доверчивым, теперь он понимал свою ошибку (недооценил маленького монстра, положился на то, что видел, а не на свои знания о нем), но избежал ловушки молодых: паники, парализующей волю.

Если он хочет сделать что-то еще, а не только сидеть на стуле и смотреть на меня, ему придется трансформироваться. Как только начнется трансформация, его контроль надо мной ослабнет. И это будет мой шанс. Маленький, но единственный, который у меня остался.

И в этот самый момент Уолтер увидел, как яркий красный свет побежал по телу младенца, от макушки к пальцам на ногах. По мере его движения пухленькое розовое тельце бей-бо темнело и раздувалось, из боков полезли паучьи лапки. И одновременно сверкающая струна, которая вытягивалась изо рта младенца, исчезла, а вместе с ней удушающая петля, которая удерживала Уолтера на месте.

Нет времени даже на единственный выстрел, сейчас нет. Беги. Беги от него. Это все, что ты можешь сделать. Не следовало тебе вообще приходить сюда. Ты позволил ненависти к стрелку ослепить себя, но, возможно, еще не позд...

Он повернулся к уходящей вниз лестнице с этими мыслями в голове и уже собрался поставить ногу на первую ступеньку, когда сверкающая струна появилась вновь, но на этот раз обвила не грудь и руки, а шею, как гаррота. Хрипя, задыхаясь, выплевывая слюну, с вылезающими из орбит глазами, Уолтер, шатаясь из стороны в сторону, развернулся на сто восемьдесят градусов. Натяжение струны чуть ослабло. И тут же он почувствовал, как что-то — вроде бы невидимая рука — скользнуло у него по лбу и откинуло с головы капюшон. Он всегда, если была такая возможность, носил одежду с капюшоном. В провинциях, лежащих к югу от Гарлана, его знали, как Уолтер Ходжи. Последнее слово имело два значения: *тусклый* и *капюшон*. Но этот капюшон, с проволочной сеткой (он взял его в некоем заброшенном доме в городке Френч-Лэндинг, штат Висконсин^[60]), ничем ему не помог, не так ли?

Судя по всему, я дошел до конца тропы, — подумал Уолтер, увидев паука, спешащего к нему на семи лапках, раздутого, шустрого (более шустрого, чем младенец, ага, и в четыре тысячи раз более уродливого) с наростом, карикатурой на человеческую голову, выпирающим из волосатой спины. На брюшке паука Уолтер мог видеть красную отметину, в которую превратилось родимое пятно на пятке младенца. Теперь формой оно напоминало песочные часы. Примерно такие же отметины можно увидеть у самок паука «черная вдова». Вот тут Уолтер понял, что ему требовалась отметина именно такой формы, а убийство младенца с последующим отрезанием его ступни ничего бы не дало. Так что приход его в Центральный пост изначально не имел никакого смысла.

Паук поднялся на четырех задних лапках. Три передними оперся о джинсы Уолтера. Ткань под ними противно закрипела. Глаза твари таращились на него с тупым любопытством незваного гостя, которого он застал в своем «доме».

О да, боюсь, это конец тропы, — прогремело у него в голове. Словно включился мощный громкоговоритель. — *Но ты намеревался точно так же поступить со мной, не так ли?*

Нет! Во всяком случае, не сразу...

Но ты собирался! «Не пытайся обмануть обманщика», — как сказала бы Сюзанна. Поэтому теперь я окажусь тому, кого ты называешь моим Белым отцом, маленькую услугу. Ты, возможно, не был его самым опасным врагом, Уолтер Падик (как тебя звали, когда ты ступил на тропу, в далеком далеке), но ты был, признаю, самым давним. И теперь я уберу тебя с его дороги.

Уолтер не подозревал, что в нем еще теплилась смутная надежда на спасение, даже когда эта омерзительная тварь встала перед ним на задние лапки, жадно пожирая его выпученными глазами, пуская слюну, теплилась, пока он не услышал, впервые за тысячу лет, имя мальчика с фермы в Дилейне, который откликнулся на имя Уолтер Падик. Уолтер, сын Сэма-мельника в баронстве Истард. Он убежал с фермы в тринадцать лет, годом позже его изнасиловал в задний проход другой бродяга, однако он устоял перед искушением вернуться домой. Вместо этого пошел навстречу своей судьбе.

Уолтер Падик.

Услышав это имя, мужчина, который иногда называл себя Мартен, Ричард Фаннин, Рудин Филаро и Рэндалл Флегг (а также многими другими именами), потерял всякую надежду, кроме одной: умереть достойно.

Я голодать, Мордред голодать, — вновь загредел в голове безжалостный голос, который вливался в него по сверкающей струне воли маленького короля. — *Но я наемся как следует и начну с закуски. Думаю, с твоих глаз. Дай их мне.*

Уолтер сопротивлялся изо всех сил, но куда там. Струна была слишком крепкой. Увидел, как его руки поднялись и нависли над лицом. Он увидел, как пальцы согнулись в крюки. Отдернули веки, как шторы, а затем вонзились в плоть над глазными яблоками. Мог слышать звуки, которые издавали пальцы, раздирая связки и мышцы, поворачивавшие глазные яблоки, и зрительные нервы, передающие «картинки» в мозг. Низкие, чавкающие звуки, означающие для Уолтера конец зрячей эры. Ярко-красные вспышки заполнили голову, а потом их сменила вечная тьма. В случае Уолтера вечность длилась недолго, но если время субъективно (а большинство знает, что так оно и есть), то для него она растянулась неимоверно.

Дай их мне, я сказал! Хватит тянуть! Я голоден!

Уолтер Тусклый^[61], теперь Уолтер Темный, повернул руки ладонями вниз и бросил глазные яблоки. Они падали, отдаленно напоминая головастики за счет тянущихся сзади нитей^[62]. Одно паук поймал в воздухе. Второе упало на пол, где его зацепил на удивление ловкий коготь, такими оканчивались все лапки, и поднял к пасти паука. Мордред раскусил глазное яблоко, как виноградину, но проглатывать не стал; позволил восхитительной слизи сползти по горлу. Божественно.

Теперь язык, пожалуйста.

Уолтер покорной рукой обхватил язык и потянул, но смог лишь надорвать его. Слишком он был скользкий. Он бы заплакал от муки и бессильной злобы, если бы кровоточащие глазницы, где только что находились глаза, могли вырабатывать слезы.

Он вновь потянулся к языку, но паук больше не хотел ждать.

Наклонись! Высуни язык, как высунул бы, если б лизал киску своей подружки. Быстро, ради своего отца! Мордред голоден!

Уолтер, по-прежнему полностью осознавая, что с ним происходит, попытался воспротивиться этому новому ужасу, но с тем же успехом, что и прежде. Он наклонился, упираясь руками в колени, его кровоточащий язык высовывался из губ, покачиваясь на надорванных мышцах в глубине рта, которые еще удерживали его. Вновь Уолтер услышал поскребывание передних лапок Мордредра о материю своих джинсов. Волосатая пасть сомкнулась на языке Уолтера, пососала его, наслаждаясь, одну или две секунды, а потом выдернула сильным рывком. Уолтер, теперь не только ослепший, но и онемевший, горлом издал крик боли и повалился на спину, зажимая руками изуродованное лицо, начал кататься по полу.

Мордред впился в язык, оставшийся в его пасти. Брызнула кровь, которая временно заставила паука забыть обо всем. Уолтер, повернувшись на бок, шарил рукой в поисках люка. Что-то внутри все еще кричало, мол, он не должен сдаваться, надо попытаться ударить от монстра, который пожирал его живьем.

Ощувив в пасти кровь, Мордред потерял всякий интерес к прелюдии. Теперь все его мысли слились в одну: жрать. Он прыгнул на Рэндалла Флегга, Уолтера о'Дима, Уолтера Падрика, слившихся воедино. Крики еще слышались, но недолго. А потом давний враг Роланда перестал существовать.

Это существо было квазибессмертным (звучит так же глупо, как «самый уникальный») и только что наелось от пуза. Мордред сожрал так много, что первым у него возникло желание — сильное, но преодолимое — вырвать. Он взял его под контроль, как и второе желание, пожалуй, сильнее первого: трансформироваться в ребенка и поспать.

Если он намеревался найти дверь, о которой говорил Уолтер, сделать это следовало прямо сейчас, в той ипостаси, которая позволяла передвигаться с приличной скоростью, то есть оставаясь пауком. А потому, не удостоив и взглядом оставшийся позади иссушенный труп, Мордред проворно спрыгнул на верхнюю ступень лестницы и спустился по ней в коридор. Там сильно пахло щелочью, а сам коридор, похоже, просто вырубил в скальном основании пустыни.

И все знания Уолтера, по крайней мере за полторы тысячи лет, пребывали в мозгу Мордредра.

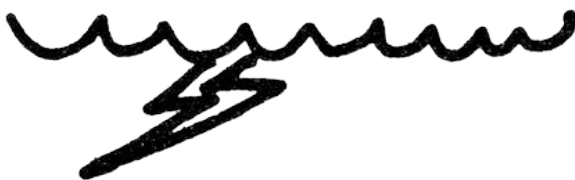
След человека в черном привел к шахте лифта. В кабине паучья лапка нажала на кнопку «Вверх». Ничего не изменилось, если не считать усталого гудения, которое донеслось сверху, да запаха горячей обувной кожи, идущего из-за панели. По стенке паук поднялся к потолку, толчком задней лапки открыл технологический лючок, протиснулся на крышу кабины. Его не удивило, что пришлось протискиваться: он рос и рос.

Он поднимался по кабелю

(посмотрите, паучок ползет по водосточной трубе)

пока не добрался до двери, в которую, это ему подсказали органы чувств, вошел Уолтер, чтобы отправить кабину лифта в последний путь. Двадцать минут спустя (все еще переполненный энергией, которую дала ему эта чудесная кровь, галлоны крови) он подошел к тому месту, где след Уолтера разделился. Это могло поставить Мордредра в тупик, во многом он по-прежнему оставался ребенком, но к одному из следов Уолтера присоединились запахи других, и Мордред пошел в этом направлении, теперь за Роландом и его ка-тетом, а не по следу чародея. Уолтер, должно быть, какое-то время следовал за ними, а потом отправился на поиски Мордредра. Навстречу своей судьбе.

Еще через двадцать минут паук приблизился к двери, помеченной не словом, а знаком, значение которого он прекрасно понял:

Вопрос состоял лишь в одном: открыть ее немедленно или подождать. Детское нетерпение шумно требовало первого, взрослая рассудительность настаивала на втором. Он хорошо поел и достаточно долгое время мог не думать о еде, особенно если бы на какое-то время трансформировался в чела. Опять же Роланд и его друзья могли все еще находиться по другую сторону двери. Допустим, находились бы и, увидев его, выхватили оружие. Они были нечеловечески быстры, эти стрелки, и он мог погибнуть под их огнем.

Он *мог* подождать; не чувствовал никакой необходимости открывать дверь, за исключением детского стремления получить все и *сейчас*. Конечно же, ненависть не пылала в нем жарким костром, как в Уолтере. Им владела более сложная гамма чувств, в которой нашлось место грусти, одиночеству и — да, не оставалось ничего другого, как это признать, — любви. Мордред полагал, что на какое-то время он может позволить себе насладиться этой меланхолией. По другую сторону двери еды будет предостаточно, он в этом не сомневался, так что он найдет что съесть. И будет расти. И наблюдать. Наблюдать за отцом, сестрой-матерью, ка-братьями. Эдди и Джейком. Будет наблюдать, как они встают лагерем на ночь, зажигают огонь, садятся кружком. Будет наблюдать со своего места, которое всегда *вне* любого круга. Возможно, они почувствуют его присутствие и начнут настороженно оглядываться, гадая, кто же затаился во тьме.

Он подошел к двери, поднялся на задние лапки, передней вопросительно поскреб по ней. Жаль, что нет глазка. Возможно, он может открыть дверь и сейчас, не подвергая себя

опасности. Что там говорил Уолтер? Ка-тет Роланда собирался освободить Разрушителей, кем бы они ни были (в голове Уолтера имелась и эта информация, но Мордред не стал вникать в суть).

Им найдется чем себя занять, как только они окажутся на той стороне. Возможно, они даже найдут прием слишком горячим!

А если Роланда и его детей убили на той стороне? Если они попали в засаду? Мордред верил, что узнал бы об этом. В его голове их смерть отозвалась бы лучетрясением.

В любом случае он мог подождать, прежде чем пробираться сквозь дверь с нарисованными на ней облаком и молнией. А когда он пройдет через дверь? Вот тогда он их и найдет. Подслушает их разговор. И будет наблюдать за ними, спящими и бодрствующими. И более всего наблюдать за тем, кого Уолтер называл его Белым отцом. Теперь его единственным реальным отцом, потому что Альый Король, если Уолтер прав, сошел с ума.

А пока...

А пока я могу немного поспать.

Паук поднялся по стене большущей комнаты, с потолка которой свисало множество предметов, и сплел паутину. Но спать в нее улегся ребенок, голенький и на вид годовалый, головой вниз, высоко над хищниками, которые могли здесь охотиться.

Когда четверо странников проснулись (Роланд первым, ровно через шесть часов), они обнаружили горку бутербродов на накрытом скатертью подносе и банки с прохладительными напитками. А вот робот, помощник по дому, так и не появился.

— Ладно, достаточно, — решил Роланд, позвав Найджела в третий раз. — Он говорил нам, что его время на исходе. Похоже, пока мы спали, оно истекло.

— Он делал что-то такое, чего делать ему не хотелось, — заметил Джейк. Его лицо побледнело и опухло. От крепкого сна, поначалу подумал Роланд и тут же удивился собственной глупости. Мальчик оплакивал отца Каллагэна.

— Что делал? — спросил Эдди, закинул дорожный мешок на плечо, усадил Сюзанну на бедро. — Для кого? Почему?

— Не знаю, — ответил Джейк. — Он не хотел, чтобы я знал, а я полагал себя не вправе рыться в его голове. Я понимаю, он был всего лишь роботом, но с этим английским голосом и манерами я видел в нем нечто большее.

— Через такие вот угрызения совести тебе, возможно, нужно переступить, — сказал Роланд, как только мог, мягко.

— Как я тебе, сладенький? — весело спросила Сюзанна Эдди. — Тяжелая? Или мне следует спросить: «Сильно тебе не хватает моего старого кресла на колесиках?» Не говоря уже про наплечную упряжь?

— Сюзи, упряжь эту ты возненавидела с первого взгляда, и мы оба это знаем.

— Я спрашиваю не об этом, и ты это знаешь.

Роланда всегда завораживала легкость, с которой Детта пробиралась в голос Сюзанны или, что иной раз даже пугало, проглядывала в ее лице. Сама Сюзанна, похоже, не подозревала об этих вторжениях, в отличие от ее мужа.

— Я готов нести тебя до края земли, — проворковал Эдди и поцеловал ее в кончик носа. — При условии, что ты не наберешь еще десять фунтов. Тогда я могу оставить тебя и поискать более миниатюрную даму.

Она двинула его в бок, не так уж и нежно, и повернулась к Роланду.

— Это чертовски большое место, как только мы спустимся вниз. Как мы собираемся искать дверь, которая ведет в Тандерклеп?

Роланд покачал головой. Он не знал.

— Как насчет тебя, приятель? — спросил Эдди Джейка. — Ты у нас силен в прикосновениях. Можно воспользоваться твоим даром, чтобы найти нужную нам дверь?

— Скорее всего — если знать, с чего начинать, но я не знаю.

Вот тут все трое повернулись к Роланду. Вернее, четверо, потому что даже проклятый богами ушастик-путаник и тот смотрел на него. Эдди мог бы отпустить какую-то шутку, которая сняла бы неловкость, которую создавал этот общий взгляд, и Роланд даже порывлся в памяти в поисках такой шутки. Вроде бы насчет того, что слишком много взглядов портят пирог? Нет. В той поговорке, он слышал ее от Сюзанны, речь шла о поварах и бульоне.

— Мы немного покружим, как делают ищeyки, когда вдруг теряют запах, и посмотрим, что удастся найти, — предложил он.

— Может, еще одно инвалидное кресло, — воскликнула Сюзанна. — Этот скверный белый мальчишка залапает всю мою непорочность.

Эдди ослепительно ей улыбнулся.

— Если бы это местечко звалось непорочностью, милая, там не было бы щели, которая делит его пополам.

2

В результате Ыш взял инициативу на себя и повел их, но лишь после того, как они вернулись на кухню. Люди бесцельно бродили по ней, что тревожило Джейка, когда Ыш вдруг залаял: *Эйк! Эйк-Эйк!*

Они собрались у приоткрытой двери с надписью С-УРОВЕНЬ, у которой стоял ушастик. Он прошел по коридору несколько шагов, потом оглянулся, сверкая глазами. Увидев, что они не последовали за ним, разочарованно тьякнул.

— Что скажешь? — спросил Роланд Джейка. — Идти за ним?

— Да.

— Какой он поймал запах? — любопытствовал Эдди. — Ты знаешь?

— Может, что-то из «Догана», — ответил Джейк. — Настоящего, на другом берегу реки Уайе. Где Ыш и я подслушали разговор отца Бена Слайтмана и... вы знаете, робота.

— Джейк? — обеспокоился Эдди. — Эй, ты в порядке?

— Да, — кивнул Джейк, хотя ему стало как-то нехорошо: вспомнился крик отца Бенни. Энди, робот-посыльный, вероятно устав от брюзжания Слайтмана, на что-то надавил или что-то сжал в локте Слайтмана-старшего, и тот «завопил, как сова», так сказал бы Роланд, наверняка с нотками презрения в голосе. А вот Слайтману-младшему теперь ничего такого, разумеется, не грозило, и от осознания того, что этот мальчик, еще недавно такой веселый и полный жизни, теперь — хладный труп, заставило сына Элмера запнуться. Всем суждено умереть, это точно, но Джейк надеялся, когда придет его час, умереть с честью. Его к этому худо-бедно готовили. Дрожь вызывали мысли о замогильном времени. Начинаясь после того, как он ляжет в землю и останется там лежать.

Запахом Энди, холодным, но масляным и отчетливым, пропитался весь «Доган» на противоположном берегу Уайе, потому что он и Слайтман-старший побывали там много раз до того, как Роланд и его отряд устроили Волкам теплую встречу. Здесь запах был не совсем таким же, но близким. Это был единственный знакомый Ышу запах, вот он и хотел добраться до его источника.

— Момент. Момент! — воскликнул Эдди. — Кажется, я вижу то, что нам нужно.

Он посадил Сюзанну на пол, пересек кухню и вернулся, катя перед собой стол из нержавеющей стали, возможно, предназначенный для перевозки «горок» вымытых тарелок или другой, более крупной утвари.

— Поднимайся, не ругайся, на меня не обижайся. — Эдди подхватил Сюзанну и посадил на столик.

Она устроилась поудобнее, схватилась руками за края, но на лице читалось сомнение.

— А если нам встретится лестница? Что тогда, сладенький?

— Сладенький будет решать проблему, когда столкнется с ней. — Он выкатил столик в коридор. — Вперед, Ыш! Вперед, здоровяк!

— Ыш! Вяк! — И ушастик-путаник затрусил по коридору, время от времени ловя запах, но особо не принюхиваясь. Запах, который он нашел, принадлежал Волкам. Час спустя они миновали большущие ангарные ворота с надписью ЛОШАДИ, а потом след привел их к другим воротам, на которых они прочитали: ЗОНА СОСРЕДОТОЧЕНИЯ и ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. (Часть пути за ними следовал Уолтер о'Дим, но никто из них, даже Джейк, с его способностью улавливать мысли других, не имели об этом ни малейшего понятия. От мальчика спрятанная под капюшоном думалка защищала прекрасно. Как только Уолтер понял, куда ведет их ушастик-путаник, он развернулся и отправился к Мордреду. Как выяснилось, допустил ошибку. В утешение можно сказать только одно: он уже не смог совершить новую.)

Ыш сел перед закрытой дверью, которая вращалась в обе стороны, как в мультфильме, завертел хвостом и залаял: *Эйк, отк-отк! Отк, Эйк!*

— Да, да, — ответил Эдди, — одну минуту. Не торопись.

— «Зона сосредоточения», — прочитал Эдди. — Вселяет надежду, однако.

Они по-прежнему везли Сюзанну на столе из нержавеющей стали. Одну попавшуюся им лестницу, довольно короткую, преодолели без проблем. Сюзанна спустилась на пятой точке, как спускалась всегда, а Роланд и Эдди позади несли столик. Джейк шел между женщиной и мужчинами, с поднятым револьвером Эдди, длинный ствол упирался в ложбинку под левой ключицей, такое положение называлось «на страже».

Теперь уже Роланд вытащил револьвер из кобуры. Упер ствол в ложбинку под правой ключицей и толкнул ворота. Вошел в образовавшийся зазор на полусогнутых ногах, готовый упасть вправо или влево или отпрыгнуть назад, если б того потребовала ситуация.

Ситуация не потребовала. Если бы первым ворота миновал Эдди, он бы подумал (хотя бы на мгновение), что его атакует стая летающих Волков или летающих обезьян из «Волшебника Оза». Роланд, однако, не страдал богатым воображением, поэтому, несмотря на то, что многие из флуоресцентных ламп под потолком огромного, амбароподобного помещения перегорели, не потратил зря ни секунды времени, ни капли адреналина, не ошибся и сразу правильно идентифицировал подвешенные к потолку предметы: сломанные роботы-всадники, ожидающие ремонта.

— Заходите, — позвал он, и слова, эхом отразившись от стен и потолка, вернулись к нему. Где-то высоко, в тени, захлопали крылья. Ласточки, а может, амбарные расти, каким-то образом сумели проникнуть в помещение снаружи. — Думаю, все хорошо.

Они вошли и остановились, задрав головы в молчаливом восторге. Только на четвероногого друга Джейка увиденное не произвело впечатления. Воспользовавшись паузой, Ыш справил малую нужду, сначала слева от ворот, потом справа. Наконец Сюзанна, сидевшая на столике, подала голос:

— Вот что я вам скажу. Я много чего видела, но такого — никогда.

Остальные — тоже. Огромное помещение заполняли подвешенные к потолку Волки. Некоторые в зеленых капюшонах и плащах доктора Дума, другие — поблескивая стальным корпусом. Безголовые Волки, безрукие, без одной ноги, а то и без двух. Их серые металлические лица ухмылялись или перекашивались от злобы, в зависимости от того, как падал на них свет. На полу валялись зеленые плащи и перчатки. Примерно в сорока ярдах от ворот (длина всего помещения составляла никак не меньше двухсот ярдов) они увидели

единственную серую лошадь. Она лежала на спине, вытянув ноги к потолку. Голова куда-то подевалась, из шеи торчали перепутанные провода в желтой, зеленой и красной изоляции.

Они медленно пошли вслед за Ёшем, который, не оглядываясь по сторонам, поделовому пересекал ангар. Звук катящегося стола, очень громкий, отдавался от потолка и возвращался зловещим гроыханием. Сюзанна все смотрела вверх. Поначалу, и только потому, что лампы остались считанные, хотя раньше помещение купалось в ярком свете, она подумала, что Волков держит в воздухе какое-то антигравитационное устройство. Потом, когда они оказались там, где работающих ламп было больше, она поняла, что Волки подвешены на тросах.

— Должно быть, их здесь ремонтировали, — сказала она. — Пока оставались те, кто мог это сделать.

— А вон там, думаю, они заряжали аккумуляторы. — Эдди указал на дальнюю стену, вдоль которой тянулись кабинки. В некоторых застыли Волки. Другие пустовали, так что они увидели розетки.

Джейк вдруг расхохотался.

— Что? — спросила Сюзанна. — Что смешного?

— Ничего, — ответил Джейк. — Просто... — И вновь мрачный ангар огласил громкий, звенящий юный смех. — Они так похожи на пассажиров электричек на Пенн-стейшн, выстроившихся у телефонов-автоматов, чтобы позвонить домой или на работу.

Эдди и Сюзанна с мгновение обдумывали его слова, потом расхохотались. Вот Роланд и подумал, что Джейк, должно быть, попал в самую точку. После того, что им пришлось пережить, его это не удивляло. А что обрадовало, так это смех мальчика. То, что Джейк оплакивал отца Каллагэна, это нормально, бывший священник был его другом, но как хорошо, что он по-прежнему мог смеяться.

Очень хорошо.

Дверь, которую они искали, находилась слева от зарядных станций. Они все узнали рисунок с облаком и молнией, который однажды видели на записке с подписью «Р.Ф.», оставленной им на обратной стороне газеты «Оз дейли базз», но сама дверь отличалась от тех, с которыми они сталкивались ранее: если не считать нарисованного облака с вырывающейся из него молнией, создателей двери определенно не заботила красота своего творения. Да, ее выкрасили зеленой краской, но сталь не обшили железным деревом или деревом призраков. Дверную коробку, выкрашенную в серый цвет, также изготовили из стали, и к ней с двух сторон подходили заизолированные кабели высокого напряжения. Вторые концы этих кабелей ныряли в одну из стен. Из-за этой стены доносилось глухое гроыхание, которое показалось Эдди знакомым.

— Роланд, — прошептал он. — Помнишь портал Луча, к которому мы вышли, в самом начале пути? Еще до того, как Джейк присоединился к нашей веселой компании?

Роланд кивнул.

— Где мы отстреляли Маленьких стражей. Свиту Шардика. Тех, что еще двигались.

— Да, да, — согласился Эдди. — Я приложил ухо к двери и прислушался. «Все умолкает в чертогах мертвых, — подумал я. — Вот палаты, в руинах лежащие, где паутину плетут

пауки и светочи гаснут один за другим».

В тот раз он произнес эти слова вслух, но Роланда не удивило, что он этого не помнил: Эдди находился в состоянии транса.

— Тогда мы находились снаружи, — продолжил Эдди. — Теперь мы внутри. — Он указал на дверь в Тандерклеп, затем провел пальцем по одному из толстых кабелей. — Техника, которая питает энергией эту штуковину, если судить по звукам, на последнем издыхании. Если мы собираемся воспользоваться этой дверью, думаю, сделать это нужно незамедлительно. Она в любой момент может отключиться навсегда, и что тогда?

— Придется позвонить в «Три А трэвел»^[63], — мечтательно ответила Сюзанна.

— Я так не думаю. Мы застрянем... как ты это называешь, Роланд?

— Застрянем в горячей печи. Это «палаты, в руинах лежащие». Ты тогда сказал и такое. Помнишь?

— Я так *сказал*? Вслух?

— Ага. — Роланд повел их к двери. Протянул руку, коснулся ручки, отвел руку.

— Горячая? — спросил Джейк.

Роланд покачал головой.

— Под током? — спросила Сюзанна.

То же движение головой.

— Тогда вперед, — сказал Эдди. — Все вместе.

Они сгрудились за спиной Роланда. Эдди вновь посадил Сюзанну на бедро, Джейк поднял Ыша на руки. Ушастик-путаник тяжело дышал, скаля зубы в привычной веселой улыбке, глаза в золотых ободках блестели, как полированный оникс.

— Что мы будем делать... — «если она заперта» — вот как хотел закончить фразу Джейк, но не успел: Роланд повернул рукоятку правой рукой (в левой по-прежнему держал револьвер) и толкнул, открывая дверь. За стеной техника взвыла, будто в отчаянии. Джейк подумал, что до него донесся запах чего-то горячего, возможно, загоревшейся изоляции. Он уже убеждал себя, что не нужно представлять себе то, чего нет, когда над головой включились вентиляторы. Громкостью они не уступали взлетающему истребителю из фильма о Второй мировой войне, и они все аж подпрыгнули. Сюзанна, та просто прикрыла голову рукой, чтобы защититься от падающих предметов.

— Пошли, — рявкнул Роланд. — Быстро. — И перешагнул через порог, не оглядываясь. На короткое мгновение, когда он находился на границе миров, его словно разрезало надвое. А за стрелком Джейк увидел огромное полутемное помещение, размером значительно превосходящее «Зону сосредоточения». И серебристые пересекающиеся линии, которые выглядели, как световые лучи.

— Давай, Джейк, — сказала Сюзанна. — Ты следующий.

Джейк набрал полную грудь воздуха и шагнул в дверь. Его не потянуло в нее, как случилось в Пещере голосов, он не услышал звяканья колокольцев. Не было ощущений ухода в Прыжок, ни на мгновение. Вместо этого Джейк почувствовал, как гигантская сила выворачивает его наизнанку, испытал жуткий приступ рвоты. Он наклонился вперед, ноги подогнулись. Мгновением позже он уже плюхнулся на колени. Ыш выскользнул из его рук, но Джейк этого даже не заметил. Начал блевать. Рвало и Роланда, который стоял на четвереньках рядом с ним. Издалека доносились какие-то звуки, вроде бы звенел звонок: *динь-динь-динь-динь*, что-то грозно вещал усиленный динамиками голос.

Джейк повернул голову, хотел сказать Роланду, что понимает, почему они посылали

через эту чертову дверь всадников-роботов, но его вырвало вновь. Остатки съеденного после сна выплеснулись на потрескавшийся бетон.

И тут же послышался отчаянный крик Сюзанны:

— Нет! Нет! — А потом: — Эдди, опусти меня на землю до того, как я... — и слова заглушила поднявшаяся из желудка рвотная масса. Эдди успел опустить жену на землю, прежде чем присоединился к хору блевунов.

Ыш упал на бок, хрипло гавкнул, потом поднялся на лапы. Чувствовалось, он не понимает, что с ним, потерял ориентировку... но, возможно, Джейк приписывал ушастикупутанику свои ощущения.

Тошнота начала чуть отступать, когда Джейк услышал звуки приближающихся шагов. К ним спешили трое мужчин. Все в джинсах, синих рубашках из «шамбре» и в какой-то странной, похоже, самодельной обуви. Один из них, пожилой, с копной спутанных седых волос, чуть опережал остальных. Все трое бежали с поднятыми руками.

— Стрелки! — крикнул седовласый. — Вы — *стрелки*? Если так, не стреляйте! Мы на вашей стороне!

Роланд — похоже, в таком состоянии он никого не мог застрелить («Впрочем, на себе я такую проверку проводить бы не стал», — подумал Джейк) — попытался встать, и ему это практически удалось, но в следующее мгновение он опустился на одно колено, и его вновь вырвало. Седовласый схватил стрелка за руку и бесцеремонно поставил на ноги.

— Тошнота — это ужасно, и никто не знает этого лучше, чем я. К счастью, она быстро проходит. Вы должны немедленно идти с нами. Я знаю, как вам сейчас плохо, но в кабинете ки'-дама звенит сигнал тревоги и...

Он замолчал. Его глаза, такие же голубые, как у Роланда, раскрывались все шире. Даже в сумраке Джейк увидел, как побледнел старик. Спутники догнали его, но он этого не замечал. Потому что уставился на Джейка Чеймберза.

— Бобби? — не сказал — прошептал. — Господи, Бобби Гарфилд^[64]?

[Купить полную версию книги](#)

Перевод Наны Эристави.

«Бэд компани» — песня одноименной английской рок-группы, созданной в 1973 г.

Резнор Трент (р.1965) — американский поэт, композитор, певец.

Skoldpadda — черепаха (*шв.*).

«Лунный свет тебе к лицу» и «Я оставил сердце в Сан-Франциско» — популярные песни начала 1960-х годов, соответственно Уилли Нельсона (р. 1933) и Тони Беннетта (р. 1926).

Птичка Твити — кенарь Твити, герой мультфильмов, придуманный Бобом Клампеттом и появившийся на экране в 1942 г. Вместе с котом Сильвестром составил одну из самых знаменитых пар мультипликационного мира. В 1947 г. мультфильм «Пирог Твити» получил премию «Оскар».

«Лоси» — члены благотворительного покровительствующего ордена Лосей.

Gesundheit — Будьте здоровы! (*нем.*)

Эта история рассказана в романе С. Кинга «Жребий».

Magna Carta — Великая хартия вольностей в Англии, принятая в 1215 г.

Перевод Ксении Егоровой.

Waseau — переложенное на английский французское слово oiseau — птица.

Сумма логикалес (Summa Logicales) — свод основ логики.

Речь идет о сборах при въезде на платные дороги.

Ноаgіе — сандвич (*англ., сленг*).

Poor boy — бедный мальчик (*англ.*).

«Poorboy» — вид сэндвича, в частности, французский батон с ростбифом, салатом, ломтиками помидора и майонезом.

Lots of mayo — много майонеза (*англ.*).

Каллем проглотил последнюю букву в слове *car* (машина), вот и получилась *ka* (ка).

В данном контексте — наедине, один на один.

Делах — много.

На английском, слова «отец» и «чуть дальше» — соответственно «father» и «farther» — звучат практически одинаково.

Гуле Роберт (р.1933) — настоящее имя Стенли Эпплбаум, певец и актер.

Кувез — устройство для выхаживания недоношенных детей.

Мерлон — зубец крепостной стены (от фр. merlon — простенок), находящийся между двумя амбразурами. Прикрывал стреляющего.

Чамли — от американского Chumley, дружок, дружище (*сленг*).

Маколифф Криста — первая учительница, полетевшая в космос. Погибла при крушении «Чэлленджера».

Фрид Алан (1926–1965) — певец, автор песен, один из создателей рок-н-ролла.

Пенниман Уэйн Ричард (р. 1935) — сценический псевдоним Литтл Ричард, один из самых известных рок-н-рольных исполнителей 1950-х годов.

Окс Фил (1940–1976) — певец, автор песен, успешно конкурировал с Бобом Диланом.

Гранд-сентрал-стейшн — центральный железнодорожный вокзал Нью-Йорка на 42-й улице. Построен в 1913 г. Ежедневный пассажиропоток превышает полмиллиона человек.

«Петь в кандалах, как море» (Sing in your chains like sea) — последняя строка стихотворения «Папоротниковый холм» (Fern Hill) английского поэта Томаса Дилана (1914–1953).

«Токенс» — группа, созданная в 1955 г. (тогда она называлась «Линк-Тоунс» и переименовалась в «Токенс» в 1959 г.). В 1961 г. их песня «Лев сегодня спит» поднялась на 1-е место в чартах США (на 11-е — в Великобритании). Эта песня стала переработкой песни «Уимове» (Wimoweh) группы «Уиверс» (Weavers), которые, в свою очередь, взяли за основу южноафриканскую песню «Мбубе» (Mbube).

Из спортивного гимна Алабамского университета. Цвета формы — белый и алый.

Первая строка стихотворения Уильяма Блейка «Тигр» из сборника «Песни невинности».

Из стихотворения американской поэтессы Эмили Дикинсон (1830–1886).

«Четыре сезона» (Four seasons) — вокальная группа, созданная в 1956 г. В 1964 г. «Четыре сезона» — единственная группа, которой удавалось выдерживать конкуренцию с «Битлз» (в пятерке лучших песен им удалось удержать одну позицию).

Джексон Ванда Джин (р. 1937) — известная певица, вышедшая на сцену в 12 лет. В 1956 г. записывалась с Элвисом Пресли.

Дорси Ли (1926–1986) — бывший боксер, известный певец 1960-х годов.

Ромеро Сезар (1907–1994) — известный голливудский актер 1930–1950 гг. Фильм «Потерянный континент» вышел на экраны в 1951 г.

Славное Четвертое — Четвертое июля — День независимости США.

С-4 — пластиковая взрывчатка, пластид.

«Лорд Бакстон» — известная фирма по производству изделий из кожи.

«Тексас инструментс» — одна из крупнейших компаний по производству электрооборудования и электронных приборов.

Аналогичные карточки используются в «Монополии», одной из самых популярных настольных игр.

В данном контексте на английском у Кинга транслятор — telecaster, telecast — телевизионная трансляция, отсюда и мысли Джейка об отце и телевидении.

Если вервольф (werewolf) — человек-волк, то, соответственно, человек-паук — верспайдер (wespider). Только не имеющий отношения к одноименному фильму.

Ле кас рya рюс (Le Casse Roi Russe) — Руины русского царя (*фр.*).

Один, два, три — соответственно по-французски и по-немецки.

Un-deux-rois! Minnie Mouse est la mouse pour moi! — Один-два-три! Минни — мышь моей мечты! (*фр.*)

Грей Зейн (1872–1939) — американский писатель, создатель жанра литературного вестерна.

Бранд Макс (р.1892) — псевдоним американского писателя Фредерика Фоста. Фост, тогда военный корреспондент, погиб в Италии в ночном бою. Дата смерти в биографии не указывается, потому что книги Макса Бранда, в самых разных жанрах, продолжают выходить и по сей день.

Элмор Леонард — современный американский писатель-детективщик.

От ликантропии — способности превращаться в волка или какое-то существо, в нашем случае — в паука.

Маленькая Нелл — героиня мультфильма 1960-х годов «Дадли Правильный» (Dudley Do-Right). В 1999 г. на экраны вышел полнометражный фильм с тем же названием и героями.

Tres — очень (*фр.*).

Стр. 696 (последняя) перевода романа С. Кинга «Колдун и кристалл», вышедшего в переплете в издательстве АСТ, Москва, 2004 г., серия «Мировая классика» соответствует указанной в оригинале стр. 676 романа «Wizard and Glass», вышедшего в переплете в издательстве «DONALD M. GRANT, PUBLISHER, INC.», США.

Суинберн Алджернон Чарльз (1837–1909) — один из наиболее плодовитых и разносторонних английских поэтов. Между 1866 и 1904 гг. опубликовал 14 поэтических книг.

«Корабельный холм» (Watership down) — самый известный роман английского писателя Ричарда Адамса (р. 1920), опубликованный на языке оригинала в 1972 г.

Более подробную информацию об этом доме и городке Френч-Лэндинг можно получить в романе С. Кинга и П. Страуба «Черный дом».

Одно из значений английского слова *dim* — тусклый.

Обратная часть глазного яблока оканчивается сосудистым пучком (зрительный нерв, вена, артерия), который и придает вырванному главному яблоку сходство с головастиком.

«Три А трэвел» — туристическое агентство при Автомобильной ассоциации Америки (AAA), основанной в 1902 г. и объединяющей более 30 миллионов человек.

Подробнее о взаимоотношениях Боба Гарфилда и седовласого мужчины — в романе Стивена Кинга «Сердца в Атлантиде».

Inmediatamente — немедленно, сейчас же (*исп.*).

Динки — главный герой рассказа С. Кинга «Все предельно» из одноименного сборника.

Одно из значений английского слова *dink* (динк) — мужской половой орган.

Де Милль Сесиль Блаунт (1881–1959) — режиссер, продюсер, драматург. Фильм «Десять заповедей» режиссер ставил дважды, в 1923 и в 1956 гг. Речь идет о последнем, звуковом фильме.

Лафтон Чарльз (1899–1962) — английский актер театра и кино, режиссер, чтец-декламатор.

Эбботт и Костелло (Эбботт Бад, Костелло Лу) — знаменитый комедийный дуэт 1930–1950 гг.

Комо Перри (р. 1912) — американский певец 1930–1980 гг., пик популярности которого пришелся на 1950-е годы.

Сестры Эндрюс Лаверн (1915–1967), Максена (р. 1918) и Патти (р. 1920) — известное трио, начавшее выступать в конце 1930-х гг. и успешно продолжившее сценическую карьеру в 1940–1950 гг.

Для справки — герои сказочной повести А. Милна «Винни-Пух» жили в Стоакровом лесу.

«Кулэйд» — фруктовый напиток, приготовляемый из порошка.

Фи-бетта-креппер (Phi Beta Crapper) — производная от фи-бетта-каппера, члена старейшего (основано в 1776 г.) и самого почетного студенческого общества. Crap — хлам, мусор, дерьмо.

Кэрри — героиня одноименного романа С. Кинга, как и Динки обладавшая экстрасенсорными способностями.

Ганглий — а) нервный узел; б) киста влагалища сухожилия.

аккутан (изотретиноин) — средство для борьбы с угрями, в некоторых случаях эффективнее антибиотиков. Обладает серьезными побочными эффектами. В частности, не разрешается к приему беременным женщинам, так как вызывает врожденные уродства.

Макартур Дуглас (1880–1964) — американский генерал, в 1945 г. в ранге Главнокомандующего союзными войсками на Тихом океане принял капитуляцию Японии.

Ривс Марта — солистка женской группы «Марта и Ванделлас», получившей известность в 1960-е годы и с успехом выступающей в настоящее время (состав «Ванделлас» многократно менялся, Марта оставалась). «Некуда бежать» — одна из самых известных песен группы.

Коттедж Кейп-Код — одноэтажный деревянный дом под двухскатной крышей с массивной каминной трубой посередине и полуподвалом. Их массовое строительство началось на полуострове Кейп-Код в восемнадцатом — начале девятнадцатого века.

Речь идет об Откровении Иоанна Богослова.

Гейбл Кларк (1901–1960) — знаменитый голливудский киноактер стал известен еще в 1920-е годы. «Оскара» Гейбл получил в 1934 г. Да и самый знаменитый его фильм «Унесенные ветром» вышел на экраны в 1939 г.

Вазэктомия — иссечение семявыносящего протока.

Возможно, Эдди что-то путает, а то и просто придумал несуществующее продолжение фильма «Перестрелка в «ОК Корраль», где играл только Ли ван Клифф (1925–1989) и не главную роль. Хотя Вэн Хефлин (Эмметт Ивэн Хефлин, 1910–1971) часто снимался в вестернах. Как, впрочем и Ли ван Клифф.

HPJKR — «Harry Potter» by Joanne Kathleen Rowling.

Слизерин — один из факультетов школы колдовства, в которой учился Гарри Поттер.

Оукли Энни (1860–1926) — знаменитая женщина-стрелок по прозвищу Малютка Меткий Глаз (рост 1,5 м). 17 лет выступала с цирковыми номерами. Могла изрешетить подброшенную игральную карту. Прокомпостированные билеты в Америке до сих пор называют «Энни Оукли».

АА — «Анонимные алкоголики», международная общественная организация, объединяющая желающих излечиться от алкогольной зависимости.

Fou — безумный, бешеный (*фр.*).

Маршмэллоу — суфле, которое ранее изготавливалось из алтея, а теперь из кукурузного сиропа, сахара, пищевого крахмала, декстрозы, желатина, красителей и других компонентов.

Банди Теодор Роберт (1946–1989) — маньяк-убийца, на счету которого от 35 до 50 убийств молодых женщин, совершенных на территории доброго десятка штатов. Казнен 24.01.89.

Бун Дэниел (1734–1820) — один из самых деятельных первопроходцев начального периода передвижения колонистов на Запад.

Casa Gingerbread — Пряничный домик (*исп.* — *анг.*).

Американский экспедиционный корпус — часть вооруженных сил США, переброшенных в Европу на заключительном этапе Первой мировой войны для боевых действий против германских войск. 2 апреля 1917 г. США объявили войну Германии, а 26 июня началась высадка войск во Франции.

Джонсон Эндрю (1808–1875) — 17-й президент США (1865–1868), Джексон Эндрю (1767–1845) — 7-й президент США (1829–1837).

Стикбол — упрощенная форма бейсбола, уличная игра, в которой вместо бейсбольного мяча используется резиновый мячик, а вместо биты — ручка от метлы или палка.

НАВ — Национальная администрация восстановления — одно из наиболее важных федеральных ведомств периода выхода из Великой депрессии. Создано в 1933 г. на основании Закона о восстановлении национальной промышленности.

Де-Мойн — административный центр штата Айова.

«Сакраменто би» — крупная региональная газета (Сакраменто — административный центр штата Калифорния). Основана в 1857 г.

Vaya con Dios — подтрунивание над Богом (*исп.*).

Уилкс-Барре — город на северо-востоке штата Пенсильвания, на р. Саскуэханна. Назван в честь английских парламентариев Дж. Уилкса и И. Барре, поддержавших американских колонистов.

Лайми — пренебрежительное прозвище английских матросов и солдат.

«Криденс клиауотер ревайвел» (Creedence Clearwater Revival) — рок-группа, созданная в 1959 г. под названием «Блу велветс» (Blue Velvets). Пика популярности достигла в начале 1970-х годов.

Карлайл Томас (1795–1881) — известный английский (шотландский) писатель, публицист, историк.

Беоульф — мифоэпический герой, главный персонаж одноименного англо-саксонского эпического произведения.

Бликер-стрит — улица в Гринвич-Вилидж, Нью-Йорк, в 1960-х годах расположенные на ней клубы были центром фолк-рока, музыкального стиля, сочетающего элементы народной музыки, баллад и рок-н-ролла. Сюзанну рассмешило имя Ван Гог в сочетании с фамилией известной американской певицы Джоан Баес (р. 1941).

«Виржинец» — роман американского писателя Оуэна Уистера (1860–1938), опубликованный в 1902 г.

«Орео» — печенье черного цвета с белой прослойкой посередине. Выпускается компанией «Набиско».

То есть Бротигэн мог бы ограничиться минимумом информации: имя, должность, личный номер — те сведения, которые обязан сообщить о себе попавший в плен военнослужащий.

«Тайм тревеллерс уикли» — дословно: «Еженедельная газета путешественника во времени».

Кьюпи — большеглазая, белокурая кукла-голыш.

Dog, god — соответственно, собака, бог (*англ.*).

Tunderclap — удар грома (*англ.*).

«Мост над бурными волнами» — песня, давшая название альбому американского дуэта Пола Саймона и Арта Гарфункеля.

Пекос — река, протекающая по восточной части штата Нью-Мексико. В период освоения западных территорий районы в западу от Пекоса считались диким и опасным местом.

«Детская игра» — фильм 1988 г. Режиссер Том Холланд.

«СОО лайн» — одна из компаний, занимающаяся грузовыми перевозками по железной дороге. Основана в 1880 г. В настоящее время осуществляет перевозки на территории семи штатов.

ПТС — прогулочный трайк Сюзанны.

Мартин Дин (1917–1993), настоящее имя Дино Пол Крочетти — популярный певец (особенно в конце 1940-х — начале 1950-х годов) и актер.

Домашний эльф Добби — еще один персонаж сериала о Гарри Поттере.

Браво — условное обозначение буквы «В» (би) латинского алфавита.

Ирвинг Джон (р. 1942) — известный американский писатель.

Эбenezер Скрудж — главный герой повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе».

Национальная ассоциация содействия прогрессу цветному населению — крупнейшая негритянская организация, основанная в 1909 году с целью добиваться равноправия негритянского населения через суды и влияние на общественное мнение.

Фоггорн Леггорн — персонаж более 30 мультфильмов (первый вышел на экраны в 1946 г.) киностудии «Уорнер бразерс».

Проктор — комендант общежития в Оксфордском и Кембриджском университетах.

Килт — юбка шотландского горца.

«Рожденный бежать» — песня известного американского певца Брюса Спрингстина (р. 1949).

«Бос Хед» — компания, специализирующаяся на приготовлении мясных деликатесов, особенно из свинины.

Хьюз Говард Робард (1905–1976) — промышленник, авиатор, кинопродюсер. В последние годы, помутившись разумом, жил полным затворником. Легендарная личность, о которой пишут книги (к примеру, роман Гарольда Роббинса «Искатели приключений») и снимают фильмы («Авиатор» Мартина Скорсезе).

«Интернэшнл харверстер» — компания по производству сельскохозяйственной техники. Основана в 1902 г. Одно время выпускала грузовики и пикапы. На пикапах «Интернэшнл харверстер» ездят герои многих произведений С. Кинга.

Имеется в виду вертлужная впадина тазовой кости, в которую входит головка берцовой кости.

«Форд» Каллема был с автоматической коробкой передач, так что левая нога в управлении автомобилем не участвовала по причине отсутствия педали сцепления.

«КалТек» — Калифорнийский технологический институт, частный университет. Основан в 1891 г. Находится в г. Пасадина. Один из наиболее известных в мире технических и научно-исследовательских институтов.

Fuck — слово, не требующее перевода.

День труда — национальный праздник, отмечаемый в первый понедельник сентября. На следующий день в школах начинается учебный год.

«Стили Дэн» — американская группа, получившая известность в конце 1960-х годов.

Колледж Вассара — престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, штат Нью-Йорк. Основан в 1861 г. как женский колледж. С 1970 г. в него принимаются и мужчины.

«Пурина» — сухие корма для собак компании «Ролстон-Пурина».

Осборн Оззи (р. 1948) — известный английский музыкант.

НАСКАР — американская гоночная серия. Клетчатый флаг — сигнал к остановке гонки.

Los angeles — ангелы (*исп.*).

АОЗЖ — Американское общество защиты животных. Общественная организация, основанная в 1866 г. Объединяет более 300 тысяч членов.

«Удивительная благодать» — церковный псалом, который исполнялся многими известными певцами, в том числе и Элвисом Пресли. Так же назывался и альбом всех псалмов, которые исполнял король рок-н-ролла.

КЖК — «Кентуккийские жареные куры» — название сети ресторанов быстрого обслуживания. Фирменные блюда — курица, зажаренная в сухариках, картофель-фри, пресные лепешки, капустный салат.

«Крест» — товарный знак фторированной зубной пасты компании «Проктер энд Гэмбл».

Эспер — экстрасенс, по аббревиатуре ESP (extrasensory perception).

Перевод Н. Рейн.

Перевод Д. Тимановича.

Спатифиллум (спатириллюм) — достаточно широко встречающееся садово-декоративное растение.

Pasrorilla — пастух (*иск. исп.*).

Пожалуй, стоит отметить, что Таос, помимо названия города, еще и название китайского философского учения, известного в России, как дао. Многие его положения можно найти в произведениях цикла «Темная Башня».

В английское слово beamer составляющей входит слово beam (луч), отсюда и интерес Роланда.

Touche — укол (*фр.*), в бытовом контексте признание собственной неправоты.

С одной стороны, прямое указание на то, что мы живем не в Ключевом мире. В ряду лучших американских писателей Ширли Хаззард нет. С другой, Ширли Хаззард (австралийская писательница, р. 1931 г.) в 2003 году (Кинг в том же году был удостоен медали «За выдающийся вклад в литературу») получила Национальную книжную премию США за роман «Великий пожар», который написала после двадцатилетнего молчания.

Куотербек — разыгрывающий в американском футболе.

Тербер Джеймс Гровер (1894–1961) — американский эссеист, карикатурист, автор коротких рассказов и басен.

«Ти-дабл-ю-эй» — «Транс Уорлд эйрлайнс», одна из крупнейших авиакомпаний США.

Айдлуайлд — крупнейший из трех аэропортов Нью-Йорка. В 1963 году переименован в Международный аэропорт Кеннеди. Поскольку Сюзанну «извлекли» из 1964 г., непонятно, почему она называет аэропорт прежним именем. Разве что для краткости.

Грэнд-Сентрал — центральный железнодорожный вокзал Нью-Йорка на 42-й улице. Ежедневный пассажиропоток — более 500 тысяч человек.

Уэльский корги — порода декоративных собак, шерсть гладкая, средней длины, рыжевато-коричневый или черный с белыми или желтыми отметинами, высота 30 см. Выведена в Уэльсе.

ПВБ — погиб в бою.

Речь идет о фильмах «За пригоршню долларов» (1964), «За несколько лишних долларов» (1965) и «Хороший, плохой, злой» (1967), в которых Клинт Иствуд сыграл главную роль.

«ФедЭкс» — «Федерал экспресс» — крупнейшая частная почтовая служба срочной доставки небольших посылок и бандеролей.

Название страны, Эмпатика, образовано от английского слова *empathy* — умение поставить себя на место другого.

Виллидж — сокращенно от Гринвич-Виллидж, богемный район Нью-Йорка между Хаустон-стрит и Западной 14-й улицей в Нижнем Манхэттене.

Эмпайр-стейт-билдинг — до 1971 г., когда возвели первую башню Всемирного торгового центра — самый высокий небоскреб Нью-Йорка. Построен в 1931 г. Первоначальная высота — 381 м (порядка 850 футов). В 1950 г., за счет установки на крыше телеантенн, высота здания увеличилась до 448 м (около 1000 футов).

На английском языке — *to give somebody the raspberry*, как угостить малиной, так и выразить полное пренебрежение. Отсюда, вероятно, и премия за худший фильм «Золотая малина».

Фронтир — в американской истории западная граница территории, осваиваемая компактно проживающими группами жителей.

45 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют 8 градусам по Цельсию.

32 градуса по Фаренгейту соответствуют 0 градусов по Цельсию, то есть температуре замерзания воды.

Чуть больше 5 градусов по Цельсию.

Смит Кларк Эштон (1863–1961) — американский писатель-фантаст, расцвет творчества которого пришелся на 1930-е годы. В 1944 г. написал хвалебную статью об Уильяме Ходжсоне.

Ходжсон Уильям Хоуп (1877–1918) — американский писатель-фантаст, одно из лучших произведений которого — роман «Дом в Пограничье» (1908).

Койе Ли Браун (1907–1981) — американский художник-иллюстратор.

День поминовения — официальный нерабочий день, отмечаемый в память о погибших во всех войнах США.

«Мясоеды» (бифитеры) — прозвище королевских гвардейцев.

Ид, эго, супер-эго (Оно, Я, сверх-Я) — три составляющих личности по Фрейду. Ид — первоначальная, основная, центральная и вместе с тем архаичная часть личности. Ид служит источником энергии для всей личности и вместе с тем целиком бессознательно. Эго развивается из ид и в отличие от последнего находится в постоянном контакте с внешним миром. Сознательная жизнь протекает преимущественно в эго. Супер-эго развивается из эго и является судьей и цензором его деятельности и мыслей.

В английском языке произношение по буквам для фамилий бывает необходимо, потому что сочетания разных букв произносятся одинаково.

Фумало сознательно коверкает фамилию Фрейда.

Кинг сознательно дает собаке ту же кличку, что и в сказке Толкиена «Роверандом» о настоящей собаке, которая стала игрушечной.

«Файленс» — фирменный универмаг одноименной сети, где со значительной скидкой продаются товары известных дизайнеров. Сеть основана в 1881 году, ныне называется «Файленс бейсмент».

Старик коверкает название сети магазинов «Kids'Я'Us» («Кидс-ар-ас»), где «Я» — зеркальное отражение буквы «R», торгующих игрушками и детской одеждой. В США они появились после того, как Сюзанну «извлекли» в Срединный мир.

Сюзанне вспомнились слова из новеллы Э. По «Маска Красной Смерти».

Чифлет — так Роланд называл антибиотик кефлекс.

Евангелие от Матфея, 6:9—13.

Менестрельское шоу — исполнение негритянских мелодий, песен и шуток актерами, загримированными под негров.

Пепельная среда — день покаяния (первый день великого поста). В этот день священники посыпают головы прихожан пеплом.

Bone fide — в данном контексте настоящая (*лат.*).

Волокуша (travois) — приспособление для перевозки грузов у индейцев Равнин. Состоит из двух шестов, перекрещивающихся под острым углом, и поперечины. За верхний конец волокушу тащат, а свободные волочатся по земле. Вещи складывают в сумку из кожи, которая помещается между шестами.

«Что это за дитя» — один из рождественских гимнов.

Когда спящему человеку снятся сны, его глаза двигаются под закрытыми веками. Экспериментально это явление изучал, в частности, Стивен Лаберж (Stephen LaBerge) в Центре изучения сна при Стэнфордском университете. Его книга «Осознанное сновидение» опубликована и на русском языке.

Одд'с-лейн — Odd's Lane, дословно, аллея (улица) Странного.

Тауэр-роуд — Tower Road, дословно, дорога Башни.

Русская сказка «Маша и три медведя» — переложение сказки «Златовласка и три медведя».

Другое название Гилеада — Галаад, как в Библии.

Яичный коктейль — вино, коньяк или ром со взбитыми желтками, сахаром и сливками.

Строка из песни «Дом, милый Дом» Мотли Кру.

Зайка Билл (не робот) — один из героев романа «Оно».

«Полароид» — модель фотоаппарата и специальный пакет фотоматериалов. При съемке отсутствует стадия негатива и происходит автоматическое проявление с получением карточки через несколько минут после съемки. В России век «Полароида» оказался крайне недолгим. Начавшись в конце 1980-х годов, он закончился в конце 90-х. «Полароид» не выдержал конкуренции с фотосалонами, обеспечившими быстрое проявление и распечатку пленок, в силу присущих этому методу фотографирования недостатков: карточка маленькая, в одном экземпляре, и недостаточная четкость при съемке объекта, находящегося на большом расстоянии. Поэтому Сюзанна и Роланд могли разглядеть и окна, и балконы с дверьми на стенах далекой Башни только в воображении автора.

Адамс Ансель (1902–1984) — известный американский фотограф. Прославился фотографиями ландшафтов, в том числе национальных парков.

Сал Морт (р. 1927) — американский комический актер. Приобрел известность в 1950-х гг. Более подробную информацию можно получить на сайте www.mortsahl.com.

Карлин Джордж (р. 1937) — известный американский комический актер. Более подробную информацию можно получить на сайте www.georgecarlin.com.

«Силли Путти» — «дурацкая замазка», полимер, созданный американским инженером Джеймсом Райтом в 1943 г. Основные компоненты — силиконовое масло и борная кислота. Легко принимает любую форму. С 1950 г. — одна из любимых игрушек взрослых и детей. Продается в яйцеобразных контейнерах.

Дубьюк — город на востоке штата Айова. Название города употребляется как символ далекого провинциального захолустья.

Литтл Рич (Ричард Карутерс Литтл, р. 1938) — известный американский комик и пародист. Более подробную информацию можно получить на сайте www.richlittle.com.

Город (Cleveland) основан в 1796 г. топографом Мозесом Кливлендом (Cleaveland) и с небольшой орфографической ошибкой носит его имя.

Made in U.S.A. — «Сделано в США».

Аналогичный эпизод подробно описан в романе Стивена Кинга «Кэрри».

Фильм «Психо» сэра Альфреда Хичкока по роману Р. Блоха вышел на экраны в 1960 г.

Мартин Дин (р. 1917) и Льюис Джерри (р. 1926) — комедийный актерский дуэт, который снялся в половине самых успешных фильмов Голливуда в 1940—1950-х гг. Фильма «Придурки на море» в их фильмографии нет. Вероятно, Кинг говорит о последнем фильме дуэта «Партнеры» (1956).

Анаграмма — слово или словосочетание, образованное перестановкой букв, составляющих другое слово (слова).

Астер Фред (1899–1987) — настоящее имя Фред Аустерлиц, знаменитый танцовщик и актер.

Соответственно 29,5 и 21 градус по Цельсию.

Хонки — прозвище белых, не обязательно пренебрежительное.

В английском языке многие слова пишутся по-разному, но произносятся одинаково. Вот и в данном случае слова *child* (ребенок) и *childe* (использованное в оригинале) на слух отличить невозможно.

Перевод Наны Эристави.

Перевод Наны Эристави.

Перевод Наны Эристави.

Перевод Наны Эристави.

Перевод Наны Эристави.

Печенье с сюрпризом — сухое печенье из двух половинок, внутри которого спрятано послание: полоска бумаги с забавным изречением, поговоркой или предсказанием судьбы. Непременный атрибут китайских ресторанов в США: подается в самом конце трапезы.

«Ривьерес» — американская рок-группа конца 1950-х годов.

Поросенок Порки — персонаж мультфильмов сериала «Песенка с приветом», 1930—60-х годов студии «Уорнерс бразерс». Заяц Порки, озвученный Мелом Бланком, всегда заканчивал фильм вышеприведенными словами.

«Запретная планета» — научно-фантастический фильм (1956) по мотивам пьесы В. Шекспира «Буря».

Оба слова произносятся одинаково, одно из значений английского слова beetles — тупицы. Одна из версий происхождения слова beatles — некий симбиоз между словами beetles (жуки) и beat (ударять), указывающее на бит-музыку.

«Дел-Викингс» — рок-группа, созданная в 1955 г. в Питтсбурге, штат Огайо.

Английский глагол to draw имеет много значений, среди которых рисовать, «извлекать».

Patrono d'arte — покровительница его искусства (*ит.*).

Перевод Ксении Егоровой.

Группа «Коустерс» (The Coasters) существовала и в нашей реальности (впервые выступила в 1955 г.), остальные — в том мире, куда попала Сюзанна.

Bandito's pistola — бандитский пистоль (*исп.*).

Покидая Америку в 1964 г., Сюзанна могла знать Рональда Рейгана лишь как голливудского актера. Губернатором Калифорнии он стал только в 1967 г.

Харт Гэри — в нашей реальности сенатор-демократ от штата Колорадо (р. 1937), в 1986–1987 г. предпринимал попытки стать кандидатом на пост президента от Демократической партии на выборах 1988 г., но пресса раскопала лишнее в его грязном белье, так что Харту пришлось выйти из президентской гонки.

Уэйн Джон (1907–1979) — известный американский киноактер, в 1950—1960-е годы считался эталоном американского патриотизма.

Уайт-Плейнс — северный жилой пригород Нью-Йорка.

Toren — башня (*нем.*).

Серые Небеса (вариант — Серебристая Гавань) — некое место, описанное Толкиеном во «Властелине колец», куда уходят Фродо, Гэндольф и др.

Хеппи-энд — калька с английского happy end, то есть счастливая концовка.

Compadres, amoras — друзей, любимых (*исп.*).

Перевод Наны Эристави.

Über — сверх (*нем.*).